

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЭТНО
2013
1-2

ПАНОРАМА

В номере:

**АКАДЕМИК ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ:
ПОЧЕМУ НЕ РАБОТАЕТ
ДРУЖБА НАРОДОВ?**

**ПРОТИВОРЕЧИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ
(1920-е ГОДЫ)**

**РУССКИЕ ТАТАРСТАНА - ОСОБЕННОСТИ
ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ**

**СТАРООБРЯДЧЕСТВО В ОРЕНБУРЖЬЕ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

УКРАИНЦЫ В РОССИИ

**СОВЕТСКИЕ КОРЕЙЦЫ В КНДР
(К 150-ЛЕТИЮ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
В РОССИЮ)**

**ПРИБАЛТИЙСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ
В СИБИРИ В 1920-1930-х ГОДАХ**

«Необходимо также создать в регионах на единой методологической основе систему мониторинга межнациональных отношений, оценки рисков, мер предупреждения возможных конфликтов. Здесь важна роль научного и экспертного сообщества».

(Путин В.В. – Президент РФ)

РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОБЛЕМ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В десяти регионах ПФО с базовой площадкой в Оренбурге функционирует распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем, являющийся отделением РНЦ в Москве, созданным по решению Президента России В.В. Путина. Организаторами центра выступили Министерство образования и науки РФ, а также институт этнологии и антропологии Российской Академии наук. Руководит проектом академик РАН директор института В.А. Тишков. Его же институт осуществляет организационное и методическое обеспечение работы центра.

В свою очередь, Минобрнауки России и ИЭ и А РАН в качестве опорных региональных отделений РНЦ определили восемь госуниверситетов, в числе которых - Оренбургский государственный университет.

В 2013 году группой ученых - участников проекта «Мониторинг межэтнических отношений и конфессиональной ситуации в Оренбургской области и в Приволжском федеральном округе с выработкой рекомендации для органов государственной власти и институтов гражданского общества» - были подготовлены и опубликованы экспертные доклады: «Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе», «Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе», «Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа».

В представленных экспертами докладах предложена независимая оценка как позитивных практик в сфере государственного управления и деятельности институтов гражданского общества, так и конфликтных ситуаций и рисков в регионах ПФО. Массив научных материалов содержит подробный анализ изученности межэтнических отношений, а также перечень сведений об основных научных центрах и ведущих специалистах в данной области.

Примечательно, что в докладах можно почерпнуть необходимые сведения о сравнительном анализе настроений и ожиданий современной молодежи с

точки зрения этнического и религиозного факторов и общественно-политической страты российского общества. Как представляется, высокую практическую ценность имеют рекомендации экспертов в адрес государственных структур, органов местного самоуправления, образовательных институтов и общественных объединений. Их уникальность в том, что они нацелены, с одной стороны, на достижение масштабных целей, сформулированных в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, с другой, - на решение конкретных региональных и окружных проблем, поднятых в экспертных докладах.

Точным и рассчитанным на перспективу инструментом анализа для научного сообщества и властных структур могут стать содержащиеся в докладах рекомендации по улучшению научно-исследовательской среды и научного мониторинга в целях лучшего понимания и поиска эффективных методов регулирования межнациональных отношений.

Интересно, что вниманию органов власти и общественных формирований предложен каталог ключевых и актуальных научных изданий в области межэтнических отношений в регионе, опубликованных за последние двадцать лет. Иными словами, всем желающим предложен своего рода «навигатор» в мире научного разнообразия идей и мыслей по данной теме.

В 2014 году работа по проекту продолжится, хотя исследуемая проблематика будет значительно расширена. «Этнологический мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации, адаптация мигрантов и этнических меньшинств, распространение ислама в субъектах Приволжского федерального округа» - так обозначен новый этап проекта. Он охватит ещё более глубокие слои проблемы, обозначит всю её сложность, многоплановость и остроту, даст ответы на многие актуальные и острые вопросы современного мироустройства.

Финансирует проект и выделяет бюджетные ассигнования на проведение научно-исследовательских работ Минобрнауки России.

Примечания

1. Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе / Под ред. академика В.А. Тишкова. Москва-Ижевск-Оренбург, 2013.
2. Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе / Под ред. академика В.А. Тишкова. Москва-Ижевск-Оренбург, 2013.
3. Молодежь в полиэтничных регионах Приволжского федерального округа / Под ред. академика В.А. Тишкова. Москва-Оренбург-Ижевск, 2013.

*Веналий Амелин,
главный редактор журнала «Этнопанорама»,
доктор исторических наук, профессор*

№ 1–2 (2013)

Ежеквартальный научно-публицистический журнал Правительства Оренбургской области и научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Главный редактор:
Веналий Амелин

Редакционный совет:
Ильгиза Габдулгафарова
Денис Денисов
Марина Ефименко
Наталья Смирнова
Елена Филиппова
Рамазан Магомедов
Константин Моргунов
Разиля Хисамутдинова
Галина Шешукова

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на журнал «Этнопанорама» обязательна.

Адрес редакции:
г. Оренбург,
460015, Дом Советов,
комната 516.
Тел.: 8 (3532) 37-25-64,
8 (3532) 78-69-16
E-mail: avenali@mail.ru
niiural@mail.osu.ru
© «Этнопанорама», 2013

Художественное и техническое редактирование, верстка выполнены в ООО ИПК «Университет». Заказ № 30. 460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26

Отпечатано в ООО ИПК «Университет». Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

• **ИНТЕРВЬЮ**

АКАДЕМИК ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ:
ПОЧЕМУ НЕ РАБОТАЕТ ДРУЖБА
НАРОДОВ? 4

• **СОВЕТСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА**

В.Г. Чеботарева
ПРОТИВОРЕЧИЯ
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ
(1920-е ГОДЫ) 13

И.В. Лоткин
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
У ПРИБАЛТИЙСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ
СИБИРИ В 1920-1930-х ГОДАХ 26

Н.Ф. Бугай
СОВЕТСКИЕ КОРЕЙЦЫ В БОРЬБЕ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ
И ЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ
КАК ГОСУДАРСТВА 36

• **ОСОБЕННОСТИ
ЭТНИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ**

Т.А. Титова, В.Е. Козлов
РУССКИЕ ТАТАРСТАНА:
ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ И ГРУППОВЫХ
СТРАТЕГИЙ
САМОРЕАЛИЗАЦИИ 49

• **ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
ПОЛИТИКА**

В.Б. Игнатьева
РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ):
КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
И ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 55

• **ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ
ШКОЛЫ**

Д.А. Черниенко
УКРАИНИСТИКА ЮЖНОГО
ПРИУРАЛЬЯ НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ (1990–2000-е гг.): ОПЫТ
ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ 62

• **УКРАИНЦЫ В РОССИИ**

М.Ю. Мартынова
УКРАИНЦЫ В РОССИИ:
РОССИЙСКИЕ ГРАЖДАНЕ
И УКРАИНСКИЕ МИГРАНТЫ 71

• **КОНФЕССИИ**

К.А. Моргунов
РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ
СТАРООБРЯДЦЕВ ОРЕНБУРЖЬЯ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 78

Д.Н. Денисов
ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ
ЖИЗНИ КАТОЛИКОВ
ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ. 90

• **ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

В.В. Дубовицкий
ПРОЦЕСС СМЕНЫ ВЛАСТИ
В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ В КОНЦЕ
XIX ВЕКА В ДОКУМЕНТЕ РУССКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО АГЕНТСТВА
В БУХАРЕ 101

• **ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ**

В.Р. Филиппов, Е.И. Филиппова
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ГВАДЕЛУПЫ 106

• **ИСТОРИКИ РОССИИ**

Н.И. Кондакова
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ.
БУЯНТО САЙНЦАКОВИЧ
САНЖИЕВ 114

• **РЕЦЕНЗИИ**

*Н.М. РОМАНОВА. ПОЛИТИКА
УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ
ПРОЦЕССАМИ В ПЕТРОГРАДЕ
И ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1917-1923 гг.) 117*

АНТРОПОЛОГИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ
КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ
ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ . 119

АКАДЕМИК ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ: ПОЧЕМУ НЕ РАБОТАЕТ ДРУЖБА НАРОДОВ?

Еще в пятидесятые годы советские этнологи и антропологи писали докладные записки о проблемах депортированных народов, но обнародовать эту информацию не могли. Только когда во время перестройки в разных концах страны вспыхнули национальные конфликты, политики обратились к ученым за помощью. Об этом, о многоэтнической российской нации, о современной российской гуманитарной науке рассказал в своём интервью интернет-изданию «Православие и мир» директор Института этнологии и антропологии РАН, академик РАН Валерий Тишков.*

ЧЕМ ЗАНИМАЮТСЯ ЭТНОГРАФЫ И ЭТНОЛОГИ?

– Валерий Александрович, одним из первых ваших шагов на посту директора стало переименование Института этнографии и антропологии в Институт этнологии и антропологии. Почему вы считали это важным, что после этого изменилось?

– Дело в том, что наш Институт, которому в этом году исполнилось 80 лет, вышел из Петровской Кунсткамеры и Русского географического общества, где была мощная этнографическая секция. Естественным образом у нас рождалась наука этнография — описание народов. Одновременно в мировом гуманитарном знании родилась большая дисциплина под названием культурная антропология (это американская традиция) или социальная антропология (европейская традиция). В итоге ее называют социально-культурной антропологией.

Родственная ей специальность — этнология — утверждалась скорее в Восточной Европе. Не графия — описание, а логос — познание народов, культурного разнообразия мира. В России и СССР этнология тоже существовала — до 1931 года в МГУ был этнологический факультет. Но его расформировали, декана расстреляли, и наша наука вернулась в этнографический кафтан XIX века, к изучению пережитков прошлого разных народов.

На самом деле ученые в Институте этнографии занимались не только описанием народов, но и различными феноменами культуры (например, системами родства, мифом, ритуалом), историей важнейших общественных явлений (например, власти и авторитета, мира и войны), что, строго говоря, к этнографии не относится. В том числе и религией. Группа ученых под руководством Марины Михайловны Громыко проводила исследования в рамках программы «Православие в народной жизни». Мы издаем православный научный журнал «Традиции и современ-

ность». Самый большой отдел института — отдел русского народа, сотрудники которого создали целую библиотеку по истории и этнографии русских.

За 23 года моего директорства в институте появилось еще несколько направлений, которые выходят за рамки чистой этнографии и этнологии. Название Институт этнологии и антропологии соответствует нашей деятельности, и оно в русле современной мировой науки.

Я сам по образованию не этнолог, а историк, заканчивал истфак МГУ, кафедру новейшей истории стран Запада. Занимался этнической историей, например, историей франко-канадского национального вопроса (одна из первых моих публикаций — «Проблемы Квебека»), проблемами аборигенного населения — североамериканских индейцев.

– А в советское время кто-то изучал межнациональные отношения народов СССР, или это вообще не приветствовалось?

– Отечественная тематика в нашей этнографии была всегда. Вообще у нас сильная этнографическая традиция еще с дореволюционных времен. Российская империя ведь тоже была огромным государством с большой этнической периферией, и власть, и Императорская академия наук проявляли большой интерес к путешествиям, к географическим и этнографическим экспедициям. Кунсткамера родилась еще при Петре Великом, там представлены материалы кругосветных географических экспедиций, в которых всегда участвовали и этнографы.

Этнографические экспедиции были приоритетным занятием, потому что Российская империя интересовалась составом населения не только в своей стране, но и в соседних государствах. Иногда этнографы за границей выполняли специальные задания. Известно, что Снесарев в Афганистане не только изучал обычаи местного населения, но и работал на нашу разведку. Чокан Валиханов в Средней Азии — тоже. Внешнеполитические службы Российской империи частенько привлекали к своей работе специалистов-этнографов.

Всё, что было связано с советской национальной политикой, тоже требовало этнографического знания. Государство проводило политику поддержки как крупных народов, так и самых малочисленных, до недавнего времени отсталых. Только русскими занимались недостаточно, а остальные народы изучали. В составлении этнографических карт, справочников, атласов советская этнография вообще была «впереди

планеты всей». Наша 18-томная серия «Народы мира» начала 1960-х гг. была уникальна. Американцы перевели на английский язык наш «Атлас народов мира», поскольку никто в мире тогда таких атласов не делал.

И когда рухнула марксистско-ленинская идеологическая система, наши труды не обесценились в такой степени, как, например, труды экономистов или философов. Конечно, и этнография была не свободна от идеологических схем (прежде всего, о дружбе народов), но мне и моим коллегам и сегодня не стыдно за наши труды.

– Почему не удалось предотвратить национальные конфликты? Потому что политики не советовались с учеными, или потому, что сами ученые за лозунгами о дружбе народов не всё видели, не понимали многих нюансов?

– Действительно, как минимум последние два советских десятилетия господствовал лозунг о сближении социалистических наций, и этот лозунг накладывал определенное вето на реальные ситуации. Недавно мы издали докладные записки, которые писали сотрудники института, начиная с 1950-х годов, о положении некоторых наших народов в конкретных ситуациях. Все эти записки хранились в институтском архиве. И о малых народах Севера писали, и о Карабахе, и о проблеме депортированных народов.

Когда в 1989 году в Средней Азии устроили погром месхетинских турок, многие спрашивали: «Кто такие месхетинские турки?». А у нас в институте была защищена диссертация по месхетинским туркам. Мы знали, кто они такие, когда и откуда их депортировали. И что такое Карабах, мы знали, и о территориальных спорах на Северном Кавказе. Но мы порой даже на этнических картах не могли показывать депортированные народы. Крымских татар вообще упоминать запрещалось. Были запреты и ограничения, особенно когда речь шла о спорных проблемах, о конфликтах.

По-моему, Андропов сказал, что наша гуманитарная наука представляла собой сплошные заздравные тосты, потому что мы не знаем общество, в котором живем. Это было еще до перестройки. А уже при Горбачеве пресс власти, силовых органов ослаб, и конфликты вылезли наружу: Карабах, Сумгаит, Душанбе...

Я занялся этой проблемой, потому что знал проблему Квебека, проблемы аборигенных народов, знал, как это там решается или не решается. Еще в 1982 году я писал статью о политике мультикультурализма в Канаде. Естественно, не только по книгам я это изучал, но и поехал по Северной Америке. Когда в нашей стране вылезли наружу эти проблемы, специалистов по национальным проблемам,

межнациональным конфликтам не хватало, и мои знания и опыт пригодились. Считаю себя одним из основоположников постсоветской этнической конфликтологии.

В 1992 году я даже вошел в правительство. Не уходя с поста директора института, стал министром по делам национальностей. Это была прямая связь практической работы по государственному управлению, обеспечению гражданского согласия и стабильности с академической наукой.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ С ЕЛЬЦИНЫМ И СОВЕТЫ ПУТИНУ

– Но министром вы пробывали всего семь месяцев. Почему не задержались? Вроде уже все понимали, что проблема есть, что ваши знания и опыт необходимы.

– Первая причина – стилистические разногласия с господином Ельциным, и не только с ним, но и с его помощником по национальной политике Галиной Васильевной Старовойтовой, которая, кстати, до прихода в политику работала в нашем институте. Я был против радикальной поддержки так называемых освободительных движений, тем более – против территориальной формы «национального самоопределения». Не соглашался я и с программой, которую предлагали еще в конце 80-х Старовойтова и Сахаров – создать вместо СССР «Союз объединенных штатов или государств Европы и Азии». Тогда было 53 союзные и автономные республики, области и округа, и они хотели из каждой сделать государство!

А когда я пытался что-то сделать, договориться, мне не давали. Особенно острыми тогда были проблемы на Северном Кавказе. Чечня тогда фактически вышла из-под контроля, уже не подчинялась центральному правительству. Летом 1992 года я хотел поехать туда, но Хасбулатов и Ельцин запретили мне эту поездку. Попытка договориться с Дудаевым, предотвратить вооруженный сепаратизм закончилась ничем.

Так же и в Северной Осетии... У части наших политиков, в том числе у Ельцина, была установка на импровизацию, возможно, и с использованием оружия. В итоге выпустили ситуацию из-под контроля, и осенью произошел осетино-ингушский конфликт, приведший к вооруженным столкновениям, человеческим жертвам. Я ушел за две недели до конфликта. Зная, что там будет кровь, и я ничего не могу сделать, потому что мои советы и предложения по урегулированию конфликтов игнорируют, подал в отставку.

Вторая причина – тяготила меня государственная служба. Всё-таки мне ближе наука. Ушел по собственному желанию, хотя Ельцину это не понравилось,

и он даже в приказе о моем увольнении не указал причину — просто написал: «Освободить от должности председателя Государственного комитета и министра по делам национальностей».

Но и после увольнения я входил и до сих пор вхожу в коллегию Министерства регионального развития, участвовал в разработке государственных концепций. Я не порвал с властью, не ушел в оппозицию. Считаю, что государство — важнейший институт (без государства невозможно), к тому же возглавляю бюджетное государственное учреждение, поэтому сохранял центристскую позицию, не политизированную, не ангажированную. Для меня как для ученого важно не только делать выводы, говорить правду, как я ее понимаю, нравиться это кому-то или нет, но и выдвигать новые концепции, в частности, концепцию многоэтнической российской нации. Я сформулировал ее еще в девяностые, сейчас она стала частью официальной доктрины.

Путин, как только стал исполняющим обязанности президента, обратился в Академию наук за советом, как можно урегулировать конфликт в Чечне. Я с группой специалистов беседовал с ним в феврале 2000 года. Некоторые наши важнейшие рекомендации были учтены, что помогло выйти из конфликта без новых жертв и довольно быстро восстановить Чечню.

— Если не секрет, то какие конкретно рекомендации?

— Нет никакого секрета. Я советовал ему не бояться наделить властью и ресурсами самих чеченцев, чтобы они разрешали этот конфликт. Говорил, что есть там силы, лояльные к России, и надо найти таких лидеров, тогда они сами разберутся. Это было сделано, и один этот шаг спас тысячи жизней военнослужащих. Кстати, таков и мировой опыт. Если бы в Канаде не пришел к власти Пьер Трюдо, выходец из Квебека, а по-прежнему все места во власти занимали англофоны, не давая их франкоканадцам, особенно на территории Квебека, дело там дошло бы до гражданской войны.

Также я рекомендовал президенту изменить поведение армии. Если Чечня — территория России, то и чеченцы — наши равноправные граждане. Одно дело — вооруженные боевики, другое — само население.

К сожалению, до сих пор не удалось в полной мере изменить отношение российского общества к Чечне и чеченцам. Это была моя третья рекомендация президенту. Понятно, что многие прошли чеченскую войну, многие потеряли на этой войне своих близких, и сложился негативный образ: все чеченцы — либо воры и казнокрады, либо террористы. Этот образ частично сохраняется и сегодня.

Вот пример, как ученые могут помочь политикам, хотя политики и не обязаны руководствоваться только научными советами. У них много разных задач: надо переизбираться, остаться у власти, учитывать интересы разных групп. Часто политикам не хватает времени и ресурсов. Но я убежден, что без научных рекомендаций нельзя грамотно управлять страной.

Конечно, не всем ученым присущ общественный темперамент. Есть люди, которые целиком поглощены наукой, мало интересуются, что происходит вокруг. Так называемые кабинетные жучки. При этом они могут быть прекрасными учеными, делать много полезного для науки. А есть ученые с общественным темпераментом. Допустим, филологу не может не резать слух «облЕгчить», а так теперь зачастую и дикторы говорят. Но один просто вздрогнет и махнет рукой — что, мол, с дикторов взять, а другой не поленился, дозвонится на студию и скажет, что говорить надо «облеГчИть». От темперамента зависит.

Я смолоду, даже раньше, со школы был активным общественником: председателем совета дружины, комсоргом. Естественно, не идеология меня привлекала, а возможность организовать коллектив, провести интересные мероприятия. И в дальнейшем я не чурался организационной работы. Времени на это ушло много, может быть, написал бы пару лишних книг, но я и так автор более 400 научных работ и самый цитируемый гуманитарий в России.

Общественная активность дает дополнительный опыт и дополнительное понимание. Ученый должен быть ответственным гражданином, наша наука — способствовать миру и согласию между гражданами России разных национальностей, рас, вероисповедания. Мы, этнологи и антропологи, помогаем сохранять и поддерживать обычаи народов, которые проживают в нашей стране. Через наши труды порой возвращаются забытые знания, традиции, обычаи. Я создал при институте небольшую фирму «Этноконсалтинг».

Сотрудникам нефтегазовых компаний, которые на Севере добывают газ и нефть, мы объясняем, как правильно вести себя среди малочисленных северных народов, или разрешать конфликты, если они возникают. Для многих россиян разных профессий важно знать, как провести обряды, как соблюсти традиции, какие должны быть народные костюмы или сувенирные куклы. Новое поколение, особенно в городах, утратило много традиционных знаний, которые нужно сохранять. В этом я вижу нашу, ученых, профессиональную ответственность.

КОНЦЕПЦИЯ МНОГОЭТНИЧНОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

— Вы сказали, что сформулировали концепцию многоэтнической российской нации. Расскажите, пожалуйста, подробнее.

— Мой опыт изучения других стран и опыт путешествий по миру, начиная от Аляски, Гавайев, канадского Севера и кончая Китаем и Австралией, помогает взглянуть и на собственную страну. Если думать, что мы исключение, что таких государств больше нет, и мы живем по другим законам, то неизбежны фатальные ошибки. Я имею в виду опять же расовый, языковой, религиозный и этнический факторы. Сегодня в мире практически нет моноэтнических и моноконфессиональных государств, за исключением, может быть, некоторых стран фундаментального ислама, где люди другой веры просто преследуются.

Еще при Горбачеве мы с коллегами работали над подготовкой специального пленума ЦК КПСС по межнациональным отношениям. Тогда я впервые столкнулся с советскими клише о дружбе народов и интернационализме — на этом была основана советская национальная политика. Вроде неплохие вещи, но слишком лозунговые, не от человека они идут. Я по-новому сформулировал в тексте итоговой резолюции цель национальной политики. В ее основе — обеспечение прав и запросов граждан, основанных на их принадлежности к той или иной национальности, культуре. То есть предложил идти от человека. Это была одна из новаций, благодаря знакомству с мировым опытом.

Далее... С одной стороны, декларировалась дружба народов, с другой, была увлеченность этническими различиями и конструированием социалистических наций. И СССР был устроен по территориальному принципу, в конечном итоге и распался по границам этнообразований. Эта линия сохранилась и в постсоветское время, она отражена в Конституции — там написано, что мы страна многих наций. А что это такое?

Стали издеваться над понятием «россияне» — это, мол, Ельцин придумал, россиянин всё равно, что марсианин. Люди просто не знают собственную историю. От Ломоносова, Карамзина и Пушкина понятия «россияне», «российский народ» были доминирующими. Даже Церковь называлась Российская Православная Церковь. И во всех документах Собора 1917-1918 годов упоминается именно Российская Православная Церковь. По-моему, только в 1945 году Сталин окончательно утвердил название Русская Православная Церковь. После 1917 г. понятие российского было предано забвению.

Я стал изучать историю самосознания, категорий «российский народ» и «россияне», историю понятия «нация». Это понятие впервые встречается уже в XVIII веке, позднее, в трудах Витте, Струве, Милюкова, Трубецкого, Ильина говорится и о «многонародной нации», и о «большой русской нации», но тогда под словом «русский» не понималась исключительно этническая принадлежность. Русскими считались все

православные и восточные славяне — великороссы, малороссы и белорусы. Уже при советской власти русскими стали называть великороссов, и это понимание сохраняется до сих пор.

О том, что Российская империя имела представления об общности, как-то забыли, в основном, спонсировалась многонациональность — много наций, и мы все дружим. А что, если завтра раздружимся, государства не станет? Особенно после распада Союза стал чувствоваться недостаток национального в общероссийском понимании. Все говорили о национальных интересах России, национальном доходе, здоровье нации, лидере нации, национальной олимпийской команде, а нации нет. Поэтому я считал необходимым вернуть понимание российского народа как гражданской, политической нации. И это нашло поддержку.

Когда в начале девяностых годов людей спрашивали, кем они себя ощущают в первую очередь, значительная часть отвечала: «Я советский», многие предпочитали этническую принадлежность — я татарин, я мордвин, я чуваш, я чеченец, а ответ «я россиянин» был на третьем или четвертом месте. Все социологически опросы, начиная с 2000 года, показывают, что понятие «мы россияне» — это коллективная категория, и оно стало привычным, вышло на первое место. Может быть, только в некоторых республиках этническая принадлежность опережает общегражданскую, и то я не уверен. Это надо проверить. Но в целом по России идентичность «мы россияне» стала доминирующей. И это не химера, не я придумал российскую нацию. Это реальное отражение нашего прошлого и настоящего.

А какой может быть другой вариант? Старая дружба народов не работает. Обязательно найдутся лидеры, которые скажут: «Вы нас эксплуатируете». Поэтому поддержка разнообразия, поддержка этнических культур важна, но не менее важны усилия по созданию общей идентичности, ощущение принадлежности к единому народу, который мы называем «российский народ» и «россияне». У нас общая история, общий язык, общая культура.

Мы же не делим великую русскую культуры по этничности! Этническая культура (я ее называю партикулярной культурой) — лишь небольшой пласт, который входит в наш общий культурный багаж. Не только русские любят русскую народную песню, не только русские с наслаждением слушают Кубанский казачий хор, не только лезгины танцуют лезгинку. Мы сохраняем многообразие, но и обеспечиваем единство. Это, кстати, работает во многих странах: от Индии до Ямайки. Индия еще более гетерогенная страна, там есть и касты, и сепаратистские регионы, бывают религиозные и гражданские войны, но есть и понятие общей индийской нации.

**МЫ СКЛОННЫ ПРЕУВЕЛИЧИВАТЬ
РАЗЛИЧИЯ И НЕ ЗАМЕЧАЕМ ОБЩЕГО**

— Вы считаете, что в России сегодня есть единство?

— Дело в том, что мы склонны преувеличивать различия, которые есть между россиянами, и совсем не замечаем общего. Мы говорим на одном языке, а это есть даже не во всех странах, которые кажутся нам моноэтническими. Например, в Мексике не все знают испанский язык. Многие индейцы там говорят на ацтекском и языке майя. И в Бразилии не все говорят на португальском языке.

В Великобритании есть шотландские сепаратисты, одна из провинций, Ольстер, не признает британскую корону, но никто в Англии не впадает из-за этого в истерику. В Испании есть сепаратистские регионы — Каталония и Страна Басков. Абсолютно единых, слившихся в согласии, без диссидентов и сепаратистов, крупных государств я не знаю. Но ни кто не отказывается от того, что они национальные государства с многоэтническими гражданскими или политическими нациями.

В России есть проблема межнациональных отношений. Был регион вооруженного сепаратизма и сецессии — Чечня, которую мы несколько лет не контролировали, но в итоге вернули под контроль центральной власти. У нас есть антимигрантские настроения, и это тоже проблема. Но в то же время Россия демонстрирует достаточно высокий уровень межконфессионального и межнационального согласия.

У нас нет таких распрей между мусульманами и христианами, как во многих других европейских странах. А межэтнических браков в России, наоборот, больше. По последней переписи населения не больше миллиона граждан России (из ста сорока миллионов) не владеет русским языком. Так что степень консолидации и гомогенности при всем многообразии достаточно высока.

Нельзя на основе имеющих место гражданских и социальных недовольств, противоречий утверждать, что у нас нет гражданской нации. А именно это утверждают некоторые мои оппоненты. «У нас нет свободных и равноправных граждан, поэтому нет гражданской нации, — говорят они. — Давайте сначала воспитаем, обеспечим демократию, гражданские свободы».

Я всегда отвечаю: «В Китае тоже, значит, нет гражданской нации. Там, если ты испачкаешь портрет Мао Цзэдуна, попадешь в тюрьму. В Аргентине, когда правили полковники, или в Чили при Пиночете не было нации? Она на время диктатуры упразднялась?». Нет жесткой связи между существованием нации и обязательным гражданским согласием, обеспечением в полной мере гражданских свобод.

— Но ксенофобские настроения есть. Вы как ученый видите, что этому можно противопоставить?

— Ксенофобия, как и ультранационалистические настроения, проявляющиеся вплоть до насильственных акций, — не российское ноу-хау. И в просвещенной Европе это существует, даже в спокойной Норвегии. В Америке есть расизм и ультраправые.

Россия пережила такой катаклизм, как распад исторического государства, я считаю, что Советский Союз был продолжением исторического российского государства. И внутри страны происходили сложные трансформации, а плюс к этому сюда иммигрировали миллионы русских из регионов, которые от нас отвалились. Их, русских, оттуда часто выталкивали, выживали. Многие уезжали с болью в душе, не выдержав оскорблений, беспричинной враждебности. Когда они видят, что оттуда, откуда их выжили, люди приезжают сюда на заработки, а они сами здесь не ахти как устроены, у них возникают недобрые чувства к приезжим, и это можно понять.

Конечно, власть допустила много ошибок в миграционной политике, а работодатели воспользовались этой бесконтрольностью, стали использовать труд нелегальных мигрантов, чтобы за счет эксплуатации и минимальной оплаты труда выкачать сверхприбыль. Не только нанимали тех, кто уже приехал, но порой и сами их завозили. Помещали людей без регистрации у себя на дачах или в строительных вагончиках, иногда даже в подвалах офисов. Поэтому мы, россияне, тоже несем ответственность за массовую неконтролируемую миграцию.

Но что бы ни происходило в стране, нельзя оправдать, когда такие настроения перерастают в массовые беспорядки и жесткие акции с применением насилия, вплоть до убийства. Неприемлемо и то, что часть нашего населения, особенно молодежь, увлеклась неонацистскими идеями и практиками; появились лозунги «Россия для русских» и другие подобного содержания. Это угрожает устоям нашего государства, безопасности граждан, их здоровью и жизни.

В то же самое время надо знать, что экстремистские, радикальные идеи и общественная деятельность, организации есть во всем мире. Россия не исключение. Если их не будет, если не будет крайностей, мы не узнаем, что такое норма. Будут и ультраправые, и ультралиевые. Просто надо относиться к таким вещам со знанием, грамотно. Конечно, не допускать ультралиевых, фундаменталистских акций, особенно если они основаны на этнических или религиозных принципах. Это может привести к большой беде, особенно в государствах со сложным составом населения, как наше государство.

РАСОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ СЛОЖИЛИСЬ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ КЛИМАТА

— **Человеческий менталитет как-то зависит от этнической и расовой принадлежности, или дело только в том, в какой культуре человек воспитан?**

— Современная наука говорит о том, что социальная иерархия, основанная на расовых различиях, — историческая конструкция того или иного государства или общества. Особенно если это фенотипические различия — цвет кожи, волосяной покров. В некоторых обществах эти различия не замечаются. Если ты в Бразилии имеешь хоть каплю белой крови, ты — белый. В Америке наоборот — если у тебя хоть капля черной крови, ты черный. Для бразильцев Барак Обама — белый, для американцев — первый в истории Америки чернокожий президент.

Эти расовые различия — исторически сложившиеся биологические характеристики людей. Сложившись они под воздействием климата. Например, если в Африке родится альбинос, он практически обречен, потому что не вынесет этого солнца. Умственные способности от этих характеристик не зависят. Просто там, где столетиями была расовая сегрегация, дискриминация, социальный лифт для дискриминируемых был гораздо хуже. Скажем, в Америке, если пробивались, то через бокс, баскетбол, джаз. Но когда сегрегация исчезает, черное и белое население демонстрируют примерно равные способности. Это показало американское общество за последние 30-40 лет.

В России практически нет представителей африканской расы. Есть монголоидная — несколько народов. Некоторые физиологические различия между ними и европеоидами есть. Ученые установили, что представители арктических монголоидных народов не могут разлагать алкоголь. Эта особенность приводит к быстрой алкоголизации, если человек употребляет спиртные напитки, то есть выливается в социальную проблему. А представители африканской расы имеют такое мышечное строение тела, что показывают лучшие результаты в легкоатлетических видах спорта. Есть отличные белые спринтеры, но на многих международных соревнованиях побеждают чернокожие бегуны.

Открыла наука и особенность к восприятию некоторых лекарств. Когда вы покупаете в аптеке лекарство, там есть инструкция. И в некоторых инструкциях написано: «Не обнаружено воздействие на представителей разных расовых меньшинств». То есть некоторые лекарства могут не действовать на представителей монголоидной расы или иметь совсем другой эффект. Появилось новое направление в науке — медицинская антропология, она продолжает изучать этот феномен.

Исторически раса связана с этничностью, потому что культурно отличительные народы складыва-

лись часто в ареалах, где формировались популяции, схожие по физическому облику. Но, во-первых, в России немалая часть населения рождена в межэтнических и межрасовых браках, во-вторых, этничность еще менее фундаментальна, чем раса. Раса — это на всю жизнь. По крайней мере, цвет кожи.

А этничность — это самосознание. Человек не рождается татарин, русским, чувашом... Потомок африканца или араба Ганнибала, Александр Сергеевич Пушкин стал стопроцентным русским, хотя фенотип его, наверное, не подходил под классические представления о том, как должен выглядеть русский человек.

Этническая принадлежность — это, прежде всего, плод самосознания, самоидентификации. А это зависит и от семьи, и от среды, от языка, на котором говорил и думал с детства. Этничность подвижна. Например, отец у тебя русский, а мама украинка или татарка, и ты в равной мере знаешь русский и украинский (татарский) язык, культуру отца и матери. Кто ты? Бытовое сознание говорит, что нельзя быть одновременно русским и татарин. Спорно. Нельзя одновременно быть мусульманином и христианином — это безусловно. А этническая смешанная принадлежность допустима, во многих странах даже разрешается указывать несколько этнических принадлежностей (по-нашему — национальностей).

За счет ассимиляции в пределах одного поколения возможна смена этничности. Просто потому, что у человека нет возможности общаться на родном языке, в некоторых странах это даже запрещено, и если не он, то его дети неизбежно ассимилируются. Сколько у нас в Москве татар или армян, которые по своей культуре, по самосознанию, по языку русские. Но фамилии сохраняются...

Отдельный феномен, который мы изучаем — религиозная идентичность. Здесь границы более жесткие. Религиозная доктрина осуждает переход или выход, а радикальный ислам даже наказывает за выход из ислама. Не допускается двоеверие. Поэтому многие религиозные общины имеют более очерченные границы. К тому же религиозная принадлежность предполагает обязательное исполнение религиозной практики, обрядов.

В России после длительного государственного атеизма ситуация своеобразная. С одной стороны, в стремлении вернуть религию в нашу жизнь есть некий перебор, с другой стороны, если говорить об осознании, еще много надо сделать для того, чтобы вера пришла в души людей. Недавно был я за городом в бассейне. Пришла купаться группа подростков, школьники. На всех — крестики, при этом матперемат. Они не ругаются, они на нем разговаривают. Крестики родители на них надели, а понимания,

что нельзя материться, другие нехорошие вещи делать, у них нет. И не только у подростков. Многим нашим гражданам, считающим себя православными, не хватает внутренней сдержанности. Это же относится и к молодым мусульманам.

Поэтому я не против преподавания в школе основ религиозной культуры и светской этики и даже участвовал в разработке известного курса. Считаю, что и теология должна обрести статус, в том числе и в университетах возможны кафедры и факультеты. Ничего в этом особенного — европейская традиция. Вообще наука и вера — не антиподы, как считал покойный академик Гинзбург, некоторые другие мои коллеги по Академии, особенно естественники. Гуманитарии реже так думают. Мы в институте занимаемся историей Церкви, участвуем в богословских чтениях. В этом году в издательстве «Паломник» вышла книга нашей сотрудницы, доктора наук Киры Владимировны Цеханской «Почитание православных святых в России». Много чего делается по истории.

ПОТРЕБНОСТЬ В НАШЕМ ЗНАНИИ ВОЗРОСЛА

— А как вообще выживала ваша наука, ваш институт последние 20 лет? Приходила ли молодежь? Удавалось ли ездить в экспедиции?

— Мне трудно оценить это время, потому что оно совпало с моим директорством. С 1989 года я директор. Но мне кажется, что для института это был один из самых плодотворных периодов. Для наших исследований не нужны дорогие установки, реактивы, которые надо завозить с Запада. Конечно, в девяностые не было денег на заграничные экспедиции, но зато мы больше сконцентрировались на проблемах нашей страны.

Сейчас с поездками по стране тоже трудно стало. Особенно на Север, в Сибирь. Авиакомпании взвинтили цены, и теперь билеты на Камчатку, на Сахалин, на Чукотку стоят дороже, чем в Америку. Но появились гранты, появилась заинтересованность у местных властей, у компаний. Благодаря поддержке «Сахалин Энерджи» смогли издать языковой словарь уйльта — это такая небольшая группа на Сахалине.

Что касается зарплат, то я пришел к выводу: если человек ученый, если его интересует наука, ты можешь платить ему 100 тысяч, можешь 20, но он всё равно будет работать, хотя 100 тысяч в любом случае лучше. А если он лентяй или просто недостаточно образован, неталантлив, то хоть 200 тысяч плати, он ничего не напишет. Потребность в нашем знании не упала, а возросла. Возрос интерес к корням, к этническим культурам, к возрождению языков, традиций, обычаев. Не только среди национальных мень-

шинств, но и среди русского населения к этому есть очень большой интерес.

Недавно в институте защищалась диссертация по новым святыням и памятным знакам — крестам, поставленным на местах дорожных аварий. Очень интересная работа. Изучают наши специалисты и историю миссионерства, старчества, паломничества. Много появилось сюжетов, которые раньше исследовать нам просто не дали бы.

С молодежью есть проблема. Открылись новые профессиональные сферы, которых раньше не было: частное предпринимательство, менеджмент, дизайн... Да масса новых профессий, которые кажутся более престижными. Поэтому нет в науку такого наплыва, как раньше. И много денег здесь сейчас не заработаешь, а люди стали прагматичны, родители тоже. Конечно, приток молодежи нужен, нужна преемственность. Было бы ограничение для директора института до 70 лет, я бы уже два года занимался другими делами. А ограничений нет, и коллектив считает, что я могу по-прежнему оставаться на директорском посту. Остаюсь, хотя считаю, что полезней было бы, если бы молодой ученый меня сменил. Как ни успешен тот или иной директор, преемственность и принцип сменяемости важнее.

— Вы еще возглавляете Учебно-научный центр социальной антропологии, который открылся 10 лет назад при РГГУ. Эту специальность впервые ввели в российскую высшую школу? Сколько уже было выпускников, многие ли работают по специальности?

— С прошлого года «Антропология и этнология» признана Министерством образования и науки как самостоятельное направление профессиональной подготовки в высшей школе. То есть уже не только на уровне магистров, но и бакалавриат есть. В прошлом году мы набрали 20 студентов на бюджетные места плюс платные. На направление «Антропология и этнология», а не просто на специализацию в рамках подготовки историков. Почти 10 лет ушло на это — непросто в нашем обществе было утвердить новую специальность.

Не обойтись в России без этнографов, этнологов и антропологов. Они нужны и в образовании, и в средствах массовой информации, и в бизнесе. Всемирный банк требует, чтобы все компании, особенно добывающие ресурсы в регионах с уязвимой средой и уникальными культурами, будь это тундра, тайга или горная местность, имели в штате антрополога или этнолога, который может подсказать: «Ребята, здесь путь оленьих пастбищ или нерестовые места. Если вы тут проложите нефтепровод и не оставите места для прохода оленей, подорвете хозяйство местных общин».

Антропологи и этнологи нужны в государственной службе, во внешнеполитических ведомствах. Наши ребята работают... Не все по специальности. Всё-таки еще не хватает понимания, что такие специалисты необходимы. Например, наши посольства за рубежом говорят: в МГИМО есть народоведческие курсы, дипломаты знают специфику. На самом деле, не всегда знают. К тому же их переводят из одной страны в другую. Ладно, если из Ирана в Пакистан переведут. А если из Ирана во Вьетнам? Ты имей этнографа, который знает вьетнамские народы, в том числе горные, и всегда получишь квалифицированный совет.

Так что в полной мере запрос еще не сформировался, но он будет расти. Наши выпускники работают в Минрегионе, в Московском Доме национальностей, в «Этномире» — есть такой этнографический музей-парк в Подмосковье, на границе с Калужской областью. А многие из них поступают к нам в аспирантуру. Так что нельзя сказать, что молодежь совсем к нам не приходит.

— Многие технари, естественники в девяностые уехали, а кто не хотел уезжать, всё равно выживали во многом за счет длительных зарубежных командировок. А насколько востребованы за границей наши гуманитарии?

— Этнологов и антропологов в России не так много, как физиков и математиков, поэтому мы несильно пострадали от эмиграции. Но некоторые талантливые ученые уехали. Вот сейчас Николай Ссорин-Чайков, специалист по Сибири, возвращается к нам из Кембриджа. Он успешен там, но принял наше предложение, чему я очень рад.

Но, конечно, за граница наших гуманитариев не так часто переманивает, как физиков, математиков или биологов. Там есть свои специалисты по России. Сотрудничаем мы с зарубежными коллегами постоянно, есть у нас совместные проекты с французами, англичанами, поляками, американцами, китайцами, сербами, не говоря уже о странах бывшего СССР.

ПОСЛЕДНИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ГУМАНИТАРИЕВ

— А что еще интересного происходит в российской гуманитарной науке в последние годы? Вы же еще руководитель Отделения историко-филологических наук Академии.

— Некоторые не понимают, зачем нужны история и филология, если всё можно прочитать в Википедии. Прямо современные митрофанушки! Друзья, а кто написал эти статьи в Википедию? Прежде чем вы заглянули в толковый словарь русского языка, его десятки лет писали десятки людей из Института русского языка РАН. В наших институтах тоже не один

год и тоже десятки ученых составляли словарь русских говоров, лингвистические исследования по языкам малых народов, с помощью которых сейчас возрождаются забытые традиции.

А собрания сочинений Чехова, Толстого, Достоевского! Это наша мировая визитная карточка, если угодно. Они готовятся в ИМЛИ — Институте мировой литературы. А Пушкинский дом в Петербурге с его рукописями! Это часть нашего национального сознания.

Я уж не говорю об истории. Откуда мы знаем наше прошлое? Вот праздновали 1150 лет российской государственности. Это же историки всё показали: раскопали Рюриково городище, новгородские грамоты. Институт археологии, Институт всеобщей истории, Институт российской истории — все участвовали. Откуда мы знаем, какие народы живут в нашей стране? Это наш институт сделал под моей редакцией 20-томный труд «Народы и культуры» о народах России и других стран СНГ. Может, эти знания не доходят до сотен тысяч, но профессионалы ими пользуются: что-то берет преподаватель вуза, что-то — школьный учитель, что-то — журналист, которого интересует история, что-то — сценарист с режиссером, которые хотят снять фильм о гражданской войне или Сталинградской битве. Это же всё кем-то написано.

Кто издает архивные документы? Профессиональные историки. Конечно, без гуманитариев мы будем знать, что дорогу на красный свет переходить нельзя, но почему улица носит имя Волгина или Косыгина, уже не скажем. Как слепые. Координаты в пространстве и времени дают ученые-гуманитарии. Только прочитав книжку о прошлом, мы узнаем: был такой премьер-министр Косыгин и историк Волгин, вот откуда название улицы.

— Думаю, читателей Правмира не надо убеждать в важности гуманитарной науки. Но всех в связи с грядущей реформой Академии интересует, что делается в науке сегодня. Что интересного открыли российские гуманитарии в последние годы?

— Гуманитарная наука отличается от физики, астрономии или биологии тем, что у нас звезды не взрываются. Она носит накопительный характер. Не бывает у нас такого, что сегодня доказали теорему, которую ученые 100 лет не могли доказать. Например, несколько десятилетий воссоздавали историю средневековой Руси. За последние 20 лет мы воссоздали ее достаточно полно, особенно историю центральной части. До этого была более-менее ясна история Киева и Новгорода, а вот средневековое Поволжье мы плохо себе представляли. Теперь представляем.

Еще одно из важнейших открытий последних 20 лет сделали археологи. Тоже не мгновенно, а 20 лет

трудилась, раскопала огромное количество памятников, описали их, издали книги, внесли открытия в учебники. Я считаю это научным подвигом. Если вы сравните современные учебники и учебник двадцатилетней давности, увидите, что ранние этапы истории описаны теперь совсем по-другому.

Также археолог Анатолий Пантелеевич Деревяноко обнаружил на Алтае останки древнего человека («денисовца»), и это изменило представления ученых об эволюции, о том, как она проходила. В прошлом году за свое открытие Анатолий Пантелеевич получил Государственную премию.

Существенные достижения есть и в российской лингвистике. Она, особенно корпусная лингвистика — составление корпусов языка — котируется во всем мире. Вячеслав Всеволодович Иванов уже лет 15 работает в Америке. А другой лингвист, Андрей Анатольевич Зализняк, подключился к исследованиям берестяных грамот и древнего письма, которые начал академик Валентин Лаврентьевич Янин. Андрей Анатольевич доказал многие вещи, связанные с ранним появлением грамотности на Руси, с разными вариантами древнерусского языка. И это помогло ему доказать, что «Слово о полку Игореве» — действительно памятник древнерусской литературы, а не поздняя стилизация, как предполагали некоторые. И за это открытие он шесть лет назад получил премию Солженицына, а три года назад — Государственную.

В 2004 году Государственную премию получили супруги-археологи из Новосибирска Вячеслав Иванович Молодин и Наталья Викторовна Полосьмак за открытие мумии на Алтае — Принцессы Укока. В позапрошлом году премию получили наши китайцы за создание энциклопедии «История и культура Китая».

Не все достижения я вам назвал, но почти каждый год одну из Государственных премий вручают гуманитариям. Просто так ее не дают.

СТРАШНА ЛИ РЕФОРМА?

— А как вы относитесь к реформе? Многие ученые говорят, что она уничтожит российскую науку.

— Я всё-таки сторонник перемен. Хотя изучаю традиции, считаю, что перемены — условие развития. Мы запоздали с переменами. За 20 лет у нас выросла новая экономика — рыночная, новая политическая система, основанная на демократии и много-

партийности, новая культурная среда, новое информационное пространство. Наука оказалась консервативней, перемен в Российской Академии наук произошло меньше, чем надо было бы. Это вызвало определенное недовольство.

Часть дисциплин, наиболее мобильных, ушли из академии, в том числе некоторые общественные науки. У нас сильные экономисты, но они стояли в некоторой оппозиции — Гайдар натворил, вы и расхлебывайте, — а Высшая школа экономики стала делать за нас то, что должны были делать мы. Мы упустили некоторые сферы, связанные с развитием страны, в которых ученые должны играть ведущую роль.

Но всё равно Российская академия наук осталась средоточием научного фундаментального знания, институтом, где есть крупные профессиональные коллективы, которые могут решать крупные задачи. Никакой вуз, даже самый прикормленный, не делает за 20 лет то, что сделано мною с коллегами — не издаст 20-томную серию «Народы и культуры». Это 20 лет и сотни людей, которых мы привлекали по всей стране и даже за рубежом, чтобы издать эти книги. Ни одному преподавателю вуза, ни одному ректору сделать это невозможно. Поэтому план ликвидировать академию (а изначально в проекте было именно слово «ликвидировать») был похож на рейдерство, и именно он нами отвергался, а не идея перемен. После того, как были сделаны некоторые коррективы (пусть не в полной мере так, как мы желали), и закон принят, мы не можем его не выполнять. Мы — бюджетное государственное учреждение.

Это не значит, что нас всё устраивает. Переговоры, утряски с Федеральным агентством научных организаций продолжаются, мы, конечно, будем доказывать, что, с нашей точки зрения, не так. Если они готовы более эффективно и рационально использовать собственность Академии — имею в виду земельные участки — пожалуйста. Мы от этого только выиграем. Если благодаря этому улучшатся условия работы ученых, повысится зарплата, можно будет только спасибо сказать. Но если чиновники, которые никогда наукой не занимались и ничего в ней не смыслят, станут управлять институтами, указывать ученым, чем они должны заниматься, а чем не должны, мы будем протестовать. Без большой науки нет великих стран.

Беседовал Леонид Виноградов

Примечание:

* «Православие и мир». Интервью Леонида Виноградова с Валерием Тишковым, академиком РАН. 18.12.2013. <http://www.pravmir.ru/akademik-valerij-tishkov-o-druzhbe-narodov-1/>

*В.Г. Чеботарева**

ПРОТИВОРЕЧИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ (1920-Е ГОДЫ)

Создание Киргизской АО — Киргизской АССР. Обретение суверенитета

Осенью 1924 г. завершилось национально-государственное размежевание Средней Азии. 14 октября 1924 г. ВЦИК СССР утвердил постановление ЦИК Туркестанской ССР¹: «Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих дехканских масс кара-киргизского народа, предоставить право кара-киргизскому народу выйти из состава автономной Туркестанской ССР и образовать Кара-Киргизскую автономную область в составе РСФСР»². Область была создана из частей Ферганской, Сырдарьинской и Семиреченской областей.

I Учредительный съезд Советов Кара-Киргизской АО (27–30 марта 1925 г.) принял решение ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК о переименовании области. Приставка «кара» (черный) воспринималась местной общественностью как рудимент колониальной политики царизма, этноним «кара-киргизы» унижал достоинство древнего этноса, поэтому съезд поручил вновь избранному исполкому войти в Президиум ВЦИК с ходатайством «об изменении, как в отношении народности, так и наименования области, слова “кара-киргиз” на слово “киргиз”»³. 25 мая 1925 г. автономная область была переименована в Киргизскую автономную область.

Но и форма государственного образования — автономная область — вызвала критические замечания. Соседям — узбекам и казахам — Центр предоставил статус республики. На IV Учредительном съезде Советов Киргизии делегаты придерживались одного мнения: статус области не соответствует принципам советской национальной политики, экономическим и политическим особенностям Киргизстана. Съезд поручил исполнительному комитету и областному комитету партии ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК о преобразовании области в автономную республику. На II Киргизской областной партийной конференции (1925 г.) идею поддержал первый секретарь обкома партии Н.А. Узюков. Он привел аргументы, касающиеся численности киргизов и геополитического положения Киргизстана: «Если у нас сейчас насчитывается от 800 до 900 тыс. населения, то с другой

стороны мы имеем наших родных братьев около 2 000 000 в Китае и в других угнетаемых империалистами странах... Мы граничим с одной стороны с Китаем, а с другой — с другими монархическими странами, что играет большую роль в экономике, и значение нашей области ничуть не меньше других республик Средней Азии. Вот почему был поставлен вопрос о переименовании нашей автономной области в республику. Наши представители вели по этому поводу переговоры с Средазбюро ЦК РКП(б), а также и в Центре, откуда мы получили положительный ответ, что мы вполне заслуживаем этого переименования»⁴.

1 февраля 1926 г. Президиум ВЦИК принял постановление о преобразовании Киргизской АО в Киргизскую АССР. Таким образом, было реализовано провозглашенное еще в 1898 г. на I съезде РСДРП право народов на самоопределение, самостоятельное государственное существование; это право народов было подтверждено в 1923 г. в резолюции XII съезда РКП(б).

Земельный передел и противостояние этнических сообществ

По данным переписи 1926 г. население Киргизской АССР составляли 989 971 человек, в том числе: 661 170 киргизов, 116 430 русских, 109 776 узбеков, 64 128 украинцев, 6004 дунган, 4290 немцев и т. д.⁵; 65% населения было оседло-земледельческим, 35% — занималось отгонным скотоводством. В общественных отношениях киргизов господствовали родовые традиции.

В начале 1920-х гг. задачей первостепенного значения являлось проведение земельной реформы. Как и во всей Российской Федерации, в бывшей колониальной окраине начался передел земли. Основным закон о социализации земли, утвержденный III Всероссийским съездом Советов 18 января 1918 г., предусматривал распределение земли между трудящимися на уравнильных началах, с тем, чтобы «потребительно-трудова норма ... не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца»⁶. В 1922 г. принцип уравнильного распределения был узаконен в Земельном кодексе.

* Чеботарева Валентина Георгиевна — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Узбекской ССР (г. Москва).

Передел земли сопровождался в Киргизской АССР обострением межнациональных отношений. Крестьяне, прибывшие из центральных губерний России, Украины при царском режиме, земельные наделы получили от Переселенческого управления. На земле, выделенной из колонизационного фонда, они построили в Туркестане 940 поселков, в которых проживали 106 тыс. человек. После Октябрьской революции «русское землевладение» в крае еще более увеличилось. В 1918–1922 гг., когда в стране царил беззастенчивый, в Казахстан и Киргизию из голодных российских губерний хлынул поток безземельных крестьян, которые самовольно захватывали земли свободного государственного фонда.

Русские, украинцы, немцы занимались преимущественно сельским хозяйством, выращивая зерновые и другие культуры. Таким образом, «некоренное население» — крестьяне европейских национальностей — использовали местные земельные и водные ресурсы в личных целях, для получения доходов. Это обстоятельство, к которому коренное население — киргизы — проявляли вынужденную терпимость в колониальный период, в советское время превратилось в мощный фактор национальной нетерпимости и эмоционального раздражения.

22 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление о задачах партии в Туркестане, по которому местные власти обязаны были: отобрать у переселенцев земли, запроектированные Переселенческим управлением или самовольно захваченные у казахов и киргизов, оставив переселенцам участки в размере трудового надела; изъять земли следовало обратить в фонд наделения земель коренного населения⁷; предлагалось уравнивать землевладение русских крестьян с местными жителями, но при этом реализовать «классовый подход» к зажиточной части русского крестьянства: «разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом»⁸.

Директива Политбюро имела целью восстановление исторической справедливости — ликвидацию наследия колониальной политики русского царизма в Туркестане. Вместе с тем постановление ЦК открывало широкие возможности для дискриминации русских, украинских и немецких крестьян, невзирая на социальное, имущественное расслоение. Под непосредственным руководством полномочного органа ЦК РКП (б) — Туркбюро местные власти во главу угла земельной реформы поставили последний пункт резолюции, выраженный в столь агрессивной форме: «разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом».

В соответствии с директивой Политбюро в решениях конференций Компартии Туркестанской АССР была разработана идеология дискриминационной политики по отношению к русскому крестьянству. В резолюции Пятой конференции КПТ (20 — 25 янва-

ря 1920 г.) подчеркивалось: русское крестьянство «в главном своем составе представляет кулачество, воспитанное в духе эксплуатации и колонизаторства...»⁹, поэтому работа партии среди русской деревни должна быть направлена на искоренение этого чувства и «примирение их с тем положением, что должны быть одинаковыми в правах с местным населением»¹⁰.

XI съезд Советов ТАССР (2 — 6 декабря 1922 г.) одобрил политику дискриминации русских поселенцев: все, что проделано в процессе земельной реформы, остается в силе; не подлежат возврату участки и инвентарь, «отдельные общества и лица, нарушающие это основное положение, подлежат строжайшему наказанию...». Справедливо отмечая колониальный характер политики царизма в Туркестане, съезд подвел всех переселенцев под категорию колонизаторов, навживавшихся за счет коренного населения. Но это был демагогический прием. Накануне I мировой войны 27% переселенцев совершенно не имели посевов; на киргизских землях из 1416 переселенческих хозяйств Пишпекского уезда 415 не имели рабочего, а 674 — вообще никакого скота, 208 крестьян не имели инвентаря¹¹. Совершенно очевидно, что пропаганда тезиса об эксплуататорской сущности русского земледельца проводилась в политических целях.

В результате упразднения в 1921–1922 гг. самовольческих поселков, хуторов, заимок, изъятия излишков переселенческих наделов в фонд землеустройства поступило 198,6 тыс. десятин удобной земли. Сюда же были причислены более 200 тыс. десятин свободных государственных пахотных земель, сенокосов, пастбищ. Реформа подорвала экономические позиции русского колонизаторского кулачества, у которого изъяли землю, инвентарь и рабочий скот¹².

На VI пленуме Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б) (14 — 16 марта 1925 г.) председатель Средазбюро И.А. Зеленский¹³ с удовлетворением подвел итоги реформы: «центром землеустроительной политики являлись районы, колонизованные русскими переселенцами, и содержанием политики явилось отобрание земли у русских ... и возвращение их для землепользования коренному населению»¹⁴. Зеленский признал, что эта работа имела целью «не урегулирование земельных отношений, а ликвидацию наследия колониальной политики русского царизма, причем, за колониальную политику царизма расплачивались русские переселенцы»¹⁵.

Одним из ответственных лиц, руководивших проведением земельной реформы, был член Туркбюро ЦК РКП(б) Г. Сафаров¹⁶. Выступая на X съезде партии, он сделал циничное признание: мы отбираем земли у переселенцев России, «не останавливаясь даже перед тем, чтобы сносить, выселять целые кулацкие поселки»¹⁷. Нельзя не отметить фальшивый тезис Сафарова: по социальному составу все поселки

не могли быть кулацкими — в каждом были и кулаки, и бедняки, и батраки.

Националистически настроенные партийные и советские работники Киргизстана всячески вынуждали славянских и немецких поселенцев оставить пределы автономии. Массовое выселение крестьян из их поселков и хуторов вызвало поток писем Председателю Президиума ВЦИК М.И. Калинину и в «Крестьянскую газету». В Государственном архиве Российской Федерации хранится целая коллекция писем, повествующих о дискриминации, о «гонениях нации на нацию» в Киргизии. Крестьяне надеялись найти правду в правительственных кругах.

В мае 1926 г. редакция «Крестьянской газеты» получила письмо из Быстрореченской волости Пишпекского округа. В волости проживали: 379 киргизов, 4699 русских и 1400 украинцев¹⁸. Житель села Новороссийское Е.Ф. Филиппов делился с «Крестьянской газетой» своими горестями: в 1921 г. по распоряжению представителя Центра Сафарова местная власть отобрала у односельчан все: и землю, и 320 голов рабочего скота с упряжью — и отдала киргизам. Пытались завести иск, говорят, дело давнее, устарело. Крестьяне сидят голодные, проклинают Советскую власть, некоторые пошли с сумой. А у «коренного населения земля пустует»¹⁹.

Отрагическом положении изгнанных с земли русских крестьян говорил председатель Киргизского ЦИК А. Уразбеков²⁰ на сессии ВЦИК XII созыва (8 ноября 1926 г.). Он отметил: в 1921—1922 гг. в Киргизию прибыли нескольких тысяч голодающих с Поволжья; в ходе землеустройства, которым руководил посланец Центра Г. Сафаров, переселенцы (4 тыс. хозяйств) не получили землю, они «остались за бортом, без земли, хотя земля в Киргизии есть»²¹.

В октябре 1926 г. А. Уразбеков информировал Отдел национальностей ВЦИК: «На Ваш запрос по существу письма в “Крестьянскую газету” русского крестьянина села Новороссийское Быстрореченской волости... областной исполком провел проверку...». Указанный факт имел место в 1921 г., когда в порядке земельной реформы «у некоторых зажиточных русских крестьян, построивших свое материальное благополучие на эксплуатации киргизского батрака, была отобрана часть имущества, главным образом живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь, которым были снабжены батраки-киргизы с целью предоставления им возможности заняться сельскохозяйственным трудом и этим самым освободиться от той кабальной зависимости, в которой они до того времени находились». (Заявление А.Уразбекова о «кабальной зависимости» носит явно демагогический характер, поскольку киргизы земледелием в основном, не занимались, а вели кочевое скотоводческое хозяйство).

По проведенному в 1923 г. землеустройству, писал далее Уразбеков, значительная часть земли села Новороссийское была отведена смежным киргизским обществам, но решением ВЦИК передача этой земли киргизам была отменена. В текущем году вновь проведено землеустройство по всей Быстрореченской волости. Указания на насилия и грабежи относятся ко времени существования партии «Ур-Токмок»²², которая только в текущем году совершенно ликвидирована. В целях окончательного урегулирования спорного вопроса по проекту районирования село Новороссийское присоединяется к проектируемой Быстрореченской волости, что «исключает возможность конфликтов и будет способствовать нормальным отношениям между киргизским и русским населением»²³.

7 мая 1926 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление, в котором констатируется: общее организационное состояние и работа Киргизской областной парторганизации «являются совершенно неудовлетворительными», что объясняется крайней экономической отсталостью коренного населения (наличием кочевого скотоводства, малой товарностью сельского хозяйства, пережитками родовых отношений). В документе подчеркивается: существует «некоторая ненормальность в отношениях между национальностями»²⁴.

ЦК ВКП(б) предложил партийному руководству Киргизской АССР: в целях улучшения межнациональных отношений (в том числе между русскими и киргизами) принять меры к большему вовлечению национальных меньшинств (в частности, русских) в советское строительство путем создания самостоятельных административных единиц в составе Киргизской республики и разработки соответствующих хозяйственных мероприятий (борьба со скотокрадством, потравами, нарушением водопользования и т. п.); усилить уголовное преследование за оказание содействия и укрывательство байско-манапских агентов, уголовно-хулиганских элементов, вроде организации «Ур-Токмок», а также преследование должностных лиц как за незаконные поборы, так и за превышение власти²⁵.

18 ноября 1926 г. сессия ВЦИК XII созыва приняла по отчетному докладу ЦИК Киргизской АССР постановление, предусматривающее «урегулирование земельно-водных отношений среди населения (в том числе и по линии межнациональной), проведение земельной реформы, межселенное и внутриселенное землеустройство»²⁶. Отдельный пункт постановления касался вовлечения национальных меньшинств в советское строительство.

Нельзя не признать, что в 1920-х гг. директивы центральных органов власти, касающиеся отношений между этносами, в практике русско-киргизских,

русско-казахских и прочих межнациональных отношений не давали желаемого результата. В Киргизстане националистические силы продолжали политику «выдавливания» русских из республики. Широко использовались потравы посевов, что особенно озлобляло крестьян. Приведу в пример лишь один инцидент.

В упоминавшейся выше Быстрореченской волости на озимые хлеба русских поселенцев с. Белый Пикет соседи-киргизы выпустили на выпас 600 овец. Потравы посевов в этом районе происходили не в первый раз, поэтому выведенные из терпения крестьяне захватили киргизский скот. Освободить его прибыл в сопровождении 50 сородичей секретарь Сары-Багшеевского сельсовета и потребовал вернуть овец. В ответ на протесты крестьян он заявил, что киргизский скот может пастись где угодно. Овцы были возвращены, но противоречия остались.

Агенты ОГПУ сообщали в Москву, в правительство, что в районах по разным поводам наблюдаются драки между киргизами и русскими из-за дискриминации прав русских крестьян. Конфликты возникали особенно часто во время перевыборных кампаний. Председатель Джалал-Абадской окружной избирательной комиссии Ашуров дал указание волостной избирательной комиссии: лишить избирательных прав 227 русских граждан, при этом только 9 человек относились к кулакам, остальные — к беднякам и середнякам. После обжалования дела крестьяне были восстановлены в правах.

В сообщениях ОГПУ отмечалось, что непрекращающиеся конфликты вынуждали русских и украинцев покидать Киргизию. В 1927 г. жители ряда поселков направили ходяков в Уссурийский край, в Сибирь, на Кавказ, чтобы выяснить условия переселения всей общиной²⁷. Тогда же из села Светлая Поляна (Каракольский округ) выехали 20 семейств. Причина одна — систематические притеснения со стороны киргизов.

В феврале 1927 г., в связи с многочисленными жалобами из Киргизии, Президиум ВЦИК принимает решение: организовать комиссию для выяснения сути конфликтов в земельных отношениях между киргизами и русскими. Комиссии было рекомендовано при разборе спорных вопросов обязательно привлекать коренное население.

Комиссия установила: в Киргизской АССР сохраняются дореволюционные земельные отношения, баи и манапы продолжают оставаться земельными собственниками. Созданная в 1924 г. Особая комиссия ВЦИК по землеустройству в кочевых и полукочевых районах расформирована, дело распределения земли передано местным властям, межселенное землеустройство проведено на площади 634 тыс. деся-

тин, внутриселенное — на территории 354,2 тыс. десятин; предстоит землеустроить 4 млн. десятин.

14 июня 1927 г. Президиум ВЦИК заслушал доклад комиссии и поручил Совнаркому РСФСР: предусмотреть в государственном бюджете финансирование землеустроительных работ в Киргизии, в том числе на внутриселенное землеустройство; выдачу ссуды киргизам, перешедшим к оседлому ведению сельского хозяйства, и русским крестьянам, пострадавшим от земельной реформы 1921–1922 гг. Средства выделялись для приобретения инвентаря и семенной ссуды. Президиум ВЦИК установил удлиненные сроки погашения ссуды для маломощных хозяйств и просил СТО²⁸ выделить 200 тыс. руб. для ирригационных работ в Георгиевском и Атабашинском районах, а также для изыскательских работ в долине р. Чу.

Киргизскому ЦИК было предложено обеспечить внеочередное землеустройство русских крестьян, выселенных из обжитых мест в период земельной реформы 1920–1921 гг., и до настоящего времени землей не наделенных. В эту категорию были включены русские крестьяне, прибывшие в Киргизию до 14 сентября 1925 г. Президиум одобрил предложения комиссии ВЦИК по оказанию хозяйственной помощи жителям сел Юрьевское, Кутумбетовское, Кинчак-Чииклаевское и Кара-Дубинское, переселяемых на новые места. Комиссия считала необходимым компенсировать убытки русских крестьян в связи с переносом жилых и хозяйственных построек.

В то же время Президиум ВЦИК отклонил ходатайства граждан русских селений о компенсации за жилые и хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, изъятые в ходе реформы 1921–1922 гг.

Не были удовлетворены ходатайства граждан сел Тепловодское, Озерное, Привокзально-Михайловское, Подгорное, Ионовское Фрунзенского кантона о возвращении в их пользование земель и усадеб, экспроприированных по той же земельной реформе. Президиум обязал ЦИК Киргизской АССР принять срочные меры по землеустройству и оказанию помощи крестьянам, пострадавшим от «сафаровской» реформы²⁹.

Постановления Президиума ВЦИК не улучшили общую общественно-политическую ситуацию в отношении русских переселенцев, в Москву из Центральной Азии шли потоком письма русских и украинских крестьян с просьбой разрешить выезд за пределы региона в одну из губерний Российской Федерации, но ответ всегда был отрицательный. Только в одном случае, в постановлении от 14 июня 1927 г. Президиум ВЦИК «сжалился над челобитчиками»: поручил Наркомзему «рассмотреть вопрос об открытии переселения для отдельных групп, проживаю-

щих в Киргизской АССР, в другие, намеченные для этого районы РСФСР». Данных о реализации этого пункта постановления в архиве обнаружить не удалось.

Здесь необходимо отметить, что существовали серьезные исторические предпосылки, которые вызвали антагонизм в русско-киргизских отношениях. Негативное, откровенно враждебное отношение киргизов к русским переселенцам — результат методов, которыми осуществлялась колонизация края царским правительством, неприятие русских было, в том числе, эхом восстания 1916 г., охватившем весь Туркестан.

Нельзя не сказать и о том, что в Центральной Азии многие партийные и советские работники из среды коренных национальностей рассматривали директивы Президиума ВЦИК, связанные с защитой прав русских крестьян на землю и недвижимость, как ущемление прав автономных республик. Председатель Совнаркома Киргизской АССР Ю. Абдрахманов³⁰ был в их числе. Выступая на совещании в Президиуме ВЦИК, он сказал: «Заявления русских ходоков из национальных окраин по значению ставятся выше, чем заявления официальных органов той же автономной республики, и по каждому отдельному случаю начинают третировать нас по линии ВЦИК, наркоматов, создавая невозможное настроение»³¹.

Председатель Киргизского Совнаркома привел в пример случай, когда при проведении земельной реформы 1921—1922 гг. у русских отчуждались земли и строения, в том числе мельницы. В ответ на жалобы владельцев, ВЦИК постановил: вернуть мельницы собственникам. Местные власти это решение проигнорировали. «На этом основании, — негодовал Абдрахманов, — крестьяне поднимают бучу». Киргизское руководство пыталось настоять на своем, утверждая, что власти действовали в соответствии с законом о земельной реформе, но в Москве, видимо, не приняли во внимание этот аргумент, потому что в ответ, как сказал Абдрахманов, «ВЦИК упорно молчал»³². Совершенно очевидно, что попытки утвердить равноправие русских крестьян, на которых все еще сохранялось клеймо — «колонизаторы» — не могли не задевать национальные чувства председателя Совнаркома Киргизской АССР. О мотивах своего недовольства он информировал и Генерального секретаря ЦК партии И.В. Сталина³³.

Ю.А. Абдрахманов, одаренный талантом государственного деятеля, был сыном своего времени и народа, который находился на феодальной стадии развития с сильными пережитками родового строя. Первый секретарь Киргизского обкома Н.А. Узюков характеризовал его как ценного культурного работника, самостоятельно ориентирующегося в обстанов-

ке, но подверженного националистическому уклону, который по партийной линии «сказался не только в практической деятельности Ю. Абдрахманова, но и получил отражение в его брошюре, написанной в связи с десятилетием восстания народов Средней Азии и Казахстана в 1916 г.».

Этот труд, как документ эпохи, представляет интерес и в наши дни. Давая развернутую характеристику аграрной политике царизма в Киргизии, Абдрахманов оценивает русское переселенческое крестьянство как враждебный киргизам кулацко-колониаторский конгломерат. Между тем, накануне I мировой войны 27% русских и украинских переселенцев не имели посевов и шли в батраки к богатым нанимателям — и к киргизам, и к русским. Из 1416 переселенческих хозяйств Пишпекского уезда 415 не имели рабочего скота, 674 — вовсе никакой тягловой силы, 203 хозяйства не могли обеспечить себя даже примитивным инвентарем³⁴. Архивы свидетельствуют, что наряду с крепкими кулацкими хозяйствами тысячи русских переселенцев отчаянно бедствовали, не найдя счастливой доли в Киргизии.

Национальное чувство и естественная ненависть к колонизаторам не позволили страстному патриоту Киргизии Ю. Абдрахманову понять, что для подъема экономики республики понадобятся трудовые ресурсы, в том числе рабочая сила и производственный опыт уроженцев русских губерний. В письме Р. Худайкулову Ю. Абдрахманов писал: «У руля управления областью... беднота местного коренного населения стоять еще не может... необходимо сделать подбор европейцев и очистить область от остальных колонизаторов»³⁵. Иначе говоря: используем русских интеллектуалов и выставим вон «крестьянскую массу».

Но в правительстве Киргизстана существовали и другие мнения: русские трудовые ресурсы оценивались с точки зрения перспективного развития киргизской экономики. На II Киргизской областной конференции РКП(б) (1925 г.) председатель Плановой комиссии Киргизской АССР Я.М. Гильперштейн говорил о возрождении зерновой отрасли в регионе. До революции, сказал он, Киргизия вывозила до 10 млн. пуд. зерна; в текущем году урожай исчисляется в 2 млн. пуд. зерна; если мы обеспечим общий подъем сельского хозяйства, то сумеем доставить все 30 млн. пуд., т. е. «будем в состоянии снабдить весь рынок Средней Азии хлебом»³⁶.

Это была заманчивая перспектива, если учесть, что ЦК партии ставил развитие хлопководческой специализации Узбекистана и Таджикистана как общегосударственную задачу, и посевы зерновых в этих республиках практически исключались. Но для того, чтобы реализовать проект по превращению Киргизстана в житницу регионального значения, следовало

подумать, кто будет выращивать этот хлеб? Пока, сказал Я. Гильперштейн, «киргиз или другой крестьянин, живущий в этом крае, не уверен в том, что его не сгонят в ближайшее время с той земли, на которой он сидит, до тех пор мы не можем рассчитывать на поднятие нашего сельского хозяйства».

Но сгоняли с земли русских крестьян отнюдь не декан. Проблема развития зерноводческой специализации разбивалась о подводные камни национальных предрассудков. Председатель Плановой комиссии заявил, что обострение национальных киргизско-русских отношений мешает развитию хозяйства; эта «неурегулированность и неорганизованность доходят до того, что целый ряд культурных хозяйств... собираются выехать из пределов Киргизской области. Наше культурное хозяйство уже выслало ходяков для подыскания новых земель, для того чтобы весной совершенно оставить пределы Киргизии»³⁷.

Учитывая национальные чувства делегатов-киргизов, их настроение, Я.М. Гильперштейн деликатно избегает словосочетания «русское хозяйство», обходится другим — «культурное хозяйство». Он ссылается на разговор с крестьянином, который получил отличный урожай, но не провел зимнюю вспашку. На вопрос: «Почему?» крестьянин ответил: «Как же мне зимнюю вспашку производить, когда я не знаю, останется ли весной эта земля в моем пользовании, или же сгонят меня с этой земли». Гильперштейн констатирует: «Агрономия у нас убывает [сходит на нет] из-за неурегулированности земельных и национальных отношений»³⁸.

Землеустройство в Киргизстане осуществлялось с нарушением всех правительственных инструкций, в ряде районов царил произвол: местные деятели ограничивали в праве на землю не только русских, но и киргизов, и представителей других национальных меньшинств — узбеков, дунган и пр.; лучшие участки раздавали по принципу родства и сословных отношений, бедняки и батраки во многих случаях землю не получали. В 1928 г. жалобы в Москву шли уже не только от русских крестьян, но и от представителей коренных национальностей Джалал-Абадского и Ошского кантонов.

Расследовать эти дела было поручено комиссии, созданной Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Проверка показала, что права на землеустройство лишались не только русские крестьяне, но и киргизы-чайрикеры (издольщики), иногда по причине межродовых противоречий.

«Доклад о результатах проверки жалоб граждан Джалал-Абадского и Ошского кантонов Киргизской АССР на неправильное отобрание у них земли и инвентаря» был представлен на заседании Президиума ВЦИК. Президиум предложил рассмотрение жалоб поручить земельным органам Джалал-Абадского и

Ошского кантонов, провести проверку с выездом на места с привлечением организованных групп бедноты, материалы направить в ЦИК Киргизской АССР; получившим землю оказывать содействие в скорейшем освоении и правильной постановке хозяйства, обеспечить кредитами, агрономической помощью.

Президиум ВЦИК потребовал от местных органов власти придерживаться классового подхода при распределении земли, реализовать право на землю беднейших слоев населения за счет зажиточных слоев. В постановлении содержится указание: поручить земельным органам совместно с волостными исполкомами и сельсоветами выявить хозяйства, которые ускользнули от земельной реформы; проверить состояние хозяйств следующих лиц: муллы Гани Дада-Шанбаева (Сузакская волость), Юлдаша Ходжаева (та же волость) и др.; наделить Чопанова (Сары-Багишский сельсовет Джалал-Абадского кантона) землей по норме; возратить Сотывалдыеву (г. Джалал-Абад) отобранный у него сад и виноградник; наделить землей граждан Ошской волости: Каримджана Кари Азамбаева, Ходжи-джан Газамбаева; проверить право на получение земли лицам, состоящими в родстве с Дадабаевым, получившим землю на основании родственных с ними отношений; при подтверждении этих отношений передать землю бывшим чайрикерам, работавшим на этой земле, или лицам, по своему социальному положению имеющим большее право на лучшие участки.

Президиум ВЦИК поставил вопрос и об ответственности партийных функционеров, которые пренебрегли установленным законом: в целях удовлетворения интересов батрацко-средняцких групп, не обеспеченных землей, пересмотреть вопрос о наделении землей работников советского аппарата, получивших участки в ходе земельной реформы; предложить прокуратуре и уполномоченному ОГПУ ускорить разбор дела Дадабаева, проведя судопроизводство по этому делу в показательном порядке. В документе зафиксирован единственный случай, когда Президиум разрешил компенсировать убытки, понесенные крестьянами во время «сафаровской реформы»: гр. Филиппову и Сурикову, имущество которых незаконно ликвидировано во время земельной реформы, возместить нанесенный ущерб в размере стоимости отобранного и сожженного у них инвентаря и имущества³⁹.

Разрушение феодально-родового уклада киргизов: изгнание родовых вождей

В исследуемый период общественно-политическая ситуация в Киргизии, как и в других республиках Советского Востока, осложнялась не только обострением межнациональных отношений, но и фор-

мированием группировок по национально-этническому признаку: в национальных партийных организациях шла ожесточенная борьба за власть. В Киргизии групповая борьба была отражением родовой борьбы. Утверждение представителя какого-либо рода во властной структуре означало усиление влияния всего рода в округе. В 1926 г. байство рода Сару в Таласском районе, пользуясь тем, что председателем волостного исполкома назначен сородич, развило кампанию за гегемонию рода Сару в этом районе. А коммунисты Маймулов и Орозбаков в противовес Сару организовали в горах этого же района собственный районный исполком, чтобы утвердить свое влияние⁴⁰.

Идеология родového строя, писал Ю. Абдрахманов, «имеет влияние не только на неорганизованную массу трудящихся айлов, не только на низовых советских и общественных работников, но и на ответственных кантонального и республиканского масштаба»⁴¹.

Вспышки родовой борьбы тормозили деятельность окружных и республиканских партийных и государственных органов. К 1925 г. относится выступление 30 ответственных работников против руководства Киргизского обкома. Действия группировки Худайкулова-Бабаханова против другой группировки, возглавляемой А. Сыдыковым, на время дезорганизовали работу партийного и советского аппарата Киргизии. Секретарь обкома Н. Узюков писал И. Зеленскому⁴²: для завоевания руководящего положения в органах власти применяются манапские методы внутрипартийной борьбы; рядовые члены партии в абсолютном большинстве элементарно не грамотны, ни с Уставом, ни с Программой партии не знакомы, «будучи организованы по родовому, группировочному принципу, составляют опору пробивающемуся к власти вождю»⁴³.

В групповой борьбе участвовал и Ю. Абдрахманов. Он признавался Н. Узюкову: «Будучи ответственным секретарем Киробкома (вторым), я прибегал к старым методам влияния внутри нашей организации. У меня, официального секретаря обкома, был свой подпольный, тайный орготдел, который организовывал массу по групповому, родовому принципу»⁴⁴.

Ради защиты родových интересов киргизские коммунисты, вольно или невольно, привнесли в партию пережитки патриархально-родового строя. В группировку ответственного секретаря обкома партии Садаева (за которым стоял род Солто — Тынай, входили 17 человек, в том числе: председатель ЦИК Киргизской АССР Узурбеков, руководитель республиканской Рабоче-крестьянской инспекции, наркомы юстиции, земледелия, председатель Союза «Кошчи» и т. д. Группировку, возглавляемую предсе-

дателем СНК Киргизии Абрахмановым (род Буги — Саяк) составляли 8 ответственных лиц из верхнего эшелона власти⁴⁵. Вдохновителями группировочной борьбы зачастую являлись бай и манапы.

Манапы — влиятельные родové вожди, которых после завоевания Средней Азии царская администрация сделала управителями волостей. В 1867 г. был принят закон, по которому вводился институт волостного управления. Путем подкупа чиновников манапы избирались на должность главы этого учреждения. Получив поддержку администрации, полицейского аппарата, манап становился представителем высшей власти, безраздельным господином в волости. После Октябрьской революции, в новых условиях манапы развернули активную деятельность для сохранения привилегированного положения посредством вхождения в исполкомы Советов.

Если манап был политической фигурой в аиле, то бай — скотовод, владелец земли, крупного стада овец (200 и более голов), занимался преимущественно хозяйством. В политической жизни бай не проявляли такой активности, как манапы, их интересы были сосредоточены на предпринимательской деятельности. В сущности, бай являлись нарождающейся национальной буржуазией, которая не могла принять Советскую власть, уничтожившую частную собственность на землю и средства производства.

Бедняки и батраки, в силу родových связей и многовековых традиций, втягивались под влиянием богатых сородичей в бесконечные межродové распри, обеспечивая успех тому или иному кандидату в продвижении по партийной или советской линии. Групповая борьба неизменно влекла за собой хаос в общественно-политической жизни, отрицательно сказывалась на экономике Киргизстана.

Айльные сельсоветы возглавляли, как правило, ставленники баев и манапов. Ответственный секретарь Киргизского обкома партии Садаев писал: «Наши низовые Советы являются по форме советскими, а по существу — исполнительными комитетами по делам баев и манапов. Только очень небольшое количество Советов проводят нашу политику, причем, там, где Совет оказывает сопротивление манапскому влиянию, там манап действует через Союз «Кошчи», который является в сущности анти-советским»⁴⁶.

Манапы и бай были противниками советского государственного строя, и поэтому Учредительный съезд Советов Киргизии (1925 г.) принял постановление о борьбе с байством, манапством и кулачеством. Съезд поручил руководству Киргизстана разработать меры, «обеспечивающие освобождение от эксплуатации байско-манапских элементов, не отставившаяся перед применением мер администра-

тивной изоляции по отношению к наиболее злостным и социально вредным баям, манапам и кулакам»⁴⁷.

7 мая 1926 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление, обязывающее Киргизскую партийную организацию изгнать родовых вождей — манапов — из родовых гнезд, чтобы ослабить их влияние на киргизское население. В документе подчеркивалось: эта акция может быть осуществлена при условии объединения бедноты вокруг советских и кооперативных организаций. Наркомату юстиции автономной республики Оргбюро предложило усилить преследование в административном и судебном порядке манапов, совершивших преступные антисоветские действия; ужесточить уголовное преследование должностных лиц за незаконные поборы, как за превышение власти, за содействие или укрывательство преступлений байско-манапских агентов, «уголовно-хулиганских элементов» в роде организации «Ур-Токмок»⁴⁸.

На общих собраниях крестьян провели разъяснительную кампанию. 80 сельсоветов вынесли резолюции о политической целесообразности выселения крупных манапов и баев.

В данном контексте уместно привести фрагмент из труда известного востоковеда, признанного знатока истории Киргизии Ч. Ч. Валиханова о социальной роли манапов в жизни киргизов. Киргизский народ, пишет Валиханов, подразделяется на две касты: владетелей (манапов) и простого народа (карабуханы). Манапы, как прямые потомки древнейшего родоначальника орды, имели «патриархальное право отца семейства, но постепенно с течением времени власть эта увеличивалась и обратилась, в конце концов, в деспотические отношения владетеля и рабов. Власть их в настоящее время (середина XIX в.) в роде не ограничена: он полный господин черного народа, может их продавать и убивать... Урман, манап сарбагышей, имел на реке Каскелене виселицу, на которой ежегодно висел вор для внушения вящего страха... Уважение простого народа к манапам безгранично (хотя основано на страхе): никто не может мимо юрты родоначальника ехать на лошади, и в присутствии манапа свободные выражения не терпят, даже в шуточном тоне... Мрачность характера и недоступность доставляют манапам большую значительность. Жестокость называют они великодушием и ставят как первую добродетель всякого управителя...». Ч. Валиханов приводит в пример проявление такой «добродетели»: манап сарбагышей Умбет-Али расстрелял любимую жену за то, что она заставила его повторить какое-то приказание дважды⁴⁹.

Можно предположить, что выселение правителей не встретило особого сопротивления со стороны бедняцких киргизских слоев. Первым шагом на пути

ликвидации манапства, байства и кулачества как «класса», стала депортация 21 манапа из Северной Киргизии. Их собственность была конфискована: 12 000 голов рабочего скота передано хозяйствам бедняков, более 20 тыс. баранов продано, на вырученные средства — 100 тыс. руб. — создан фонд для кредитования бедноты.

Политические декларации о выселении манапов, аресты в Северной Киргизии вызвали противодействие манапов южных районов республики — весной 1927 г. началось вооруженное выступление братьев Ташкуловых и Джанибек-казы. Председатель Средазбюро ЦК ВКП(б) И.А. Зеленский квалифицировал это выступление как проявление басмаческого движения. Он писал Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину: «Басмачи выступают под лозунгом борьбы за ислам и выселение русских из края. Отношение к выступлению Джанибек-казы резко отрицательное, население боится разорения, которое принесут басмаческие шайки. Лозунги басмачей не могут их организовать и вызвать на борьбу против Советской власти»⁵⁰.

25 июня 1927 г. И.А. Зеленский сообщает И.В. Сталину и В.М. Молотову⁵¹: большая часть курбашей сдалась или арестована; население оказывает помощь отрядам Красной Армии, посланным на подавление мятежа. Население, утверждает И. Зеленский, «не только участвует в розыске басмачей, но и принимает участие в их арестах... Ликвидация банды Джанибека-казы — руководителя рода Базыс (1,5 тыс. семей), нанесла сильный удар по манапству»⁵².

12 апреля 1928 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) заслушало отчет Средазбюро о выполнении решения Оргбюро ЦК от 7 мая 1926 г. и соответствующего постановления Политбюро от 6 июня 1927 г. И.А. Зеленский доложил о выполнении партийных директив по ликвидации враждебного Советской власти сословия. Он указал на предпосылки сохранения влияния манапов: их социально-экономические позиции в аиле остаются незыблемыми благодаря родовым традициям; слабость низового советского аппарата содействовала проникновению родовой борьбы в средние звенья и в руководящий состав советских и партийных организаций. Кроме того, земельные отношения не урегулированы; пользование пастбищными угодьями — предмет постоянно возникающих споров; антагонизм раздирает национальные отношения между киргизами и узбеками, киргизами и русскими; кооперативная и государственная торговля проникает в кочевые районы медленно; неудовлетворительно поставлена работа среди бедноты и в Союзе «Кошчи».

И. Зеленский отметил, что предприняты некоторые меры по ликвидации негативных факторов: в целях прекращения влияния родовой борьбы на со-

ветский аппарат, освобождения работников от байско-манапской зависимости проведена чистка партийных и советских организаций; все элементы, участвующие в родовой борьбе, устранены из руководящего состава. В частности, секретаря Киргизского обкома Бабаханова, председателя Союза «Кошчи» Худайкулова за антисоветскую деятельность исключили из партии, приговорили к 8 и 10 годам принудительных работ.

Но родовая борьба, докладывал Зеленский, все еще проявляется в различных формах, в основном, в сельскохозяйственной отрасли⁵³. Наиболее злостные манапы, активно влиявшие на работу советского аппарата и державшие в своем подчинении население, высланы, их имущество конфисковано; манапство теряет свои позиции в республике — почти во всех сельсоветах дехкане приняли резолюции о высылке манапов. Зарегистрированы мирские приговоры о высылке из республики 80 манапов.

Кандидаты на выселение принимали все возможные меры, чтобы избежать злой участи изгнания. Характерен пример, связанный с манапом Рахметом Молтаевым. Странники Рахмета, проведая, что он в списке выселяемых, прибыли в его родное село Асельбаш (Чуйский кантон), организовали сход населения и вынесли приговор: «Молтаев не манап, а бай, эксплуатацией не занимается, имеющееся имущество нажито честным трудом». Вскоре в село прибыли уполномоченные райкома. При них общее собрание вынесло другой приговор — с требованием выселить Молтаева из Киргизии, имущество конфисковать⁵⁴.

Выступая на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б), И. Зеленский уверял присутствующих, что ликвидация манапов в Южной Киргизии «нанесла сильный удар по манапскому влиянию»; проведены судебные процессы по отношению к лицам, совершившим уголовные преступления (дело Саробаева, Сарыбагырова и др.).

Байско-манапское влияние в Южной Киргизии сохранялось потому, что долгое время не решались вопросы землепользования. В руках баев и манапов и при Советской власти оставались крупные земельные владения. Попытки экспроприировать их земельную собственность в процессе земельной реформы наталкивались на ожесточенное сопротивление. Пользуясь влиянием на сородичей, манапы проводили собрания, на которых убеждали бедняков, что в ходе реформы земля будет отдана кафирам — неверным, т. е. русским. На этом основании принимались приговоры: излишков земли в селении нет. В целях сокрытия манапских земель применялось дробление их и распределение между чайрикерами, родственниками и даже малыми детьми. Чайрикером, участвовавшим в вынесении приговоров о сокрытии зем-

ли, жестоко избивали.

В противодействии экспроприации земли активно участвовали и представители мусульманского духовенства, объясняя крестьянам, что посягательство на чужую землю — большой грех, Коран этого не одобряет. Проповедь оказывала сильное воздействие на чувства религиозных крестьян, немало было случаев, когда бедняки отказывались от полученной земли, отнятой у богатого собственника.

Усилению байско-манапского влияния содействовал и Союз «Кошчи»⁵⁵. Его низовые ячейки были построены по родовому принципу, нередко бедняк — член «Кошчи» — выступал в защиту бая-сородича, составляя приговор, что «имярек не бай, а бедняк». В Загорной волости ячейка «Кошчи» ходатайствовала за крупными манапов Чиникова и Султанова, в Каракольском кантоне — за Яркинбаева, Мамырканова и др.

Осенью 1927 — в начале 1928 г. в Ошском и Джалал-Абадском кантонах была проведена земельно-водная реформа. И. Зеленский докладывал на заседании Оргбюро ЦК: ликвидировано 494 нетрудовых хозяйства, в том числе 240 — помещичьего типа; остальные принадлежали городским баям и торговцам. В результате реформы власти наделили землей 18 тыс. безземельных крестьян, которым Сельхозбанк выдал 2 млн. руб. на обустройство хозяйств⁵⁶. В целях урегулирования пастбищных споров на джайлау (летние горные пастбища) вместе со скотоводами выехали председатели исполкомов, прокуроры, судьи, занимавшиеся решением территориальных споров. На пастбища были направлены также медицинские и ветеринарные работники.

И.А. Зеленский заявил, что в результате проведения земельно-водной реформы запланированные меры по борьбе с манапством, по раскрепощению трудового народа от байско-манапского влияния в районах оседлого населения, в основном, выполнены. Но председатель Средазбюро из служебного рвения преувеличивал успехи по преодолению байско-манапского влияния в аиле, родовая вражда не утихла. В частности, группа ответственного секретаря обкома партии Дж. Садаева вела непримиримую борьбу с председателем Киргизского СНК Ю. Абдрахмановым, причем Дж. Садаев был связан с манапом С. Кундубаевым, через которого привлекал сторонников из низовых работников.

Реляция Зеленского о выселении 21-го манапа мало что значила, манапы в Киргизии исчислялись сотнями. Из приведенных И. Зеленским цифр о земельно-водной реформе в Ошском и Джалал-Абадском кантонах отнюдь не следовал вывод о «нанесении сокрушительного удара» по манапству. Председатель Средазбюро умолчал о том, что работники советского аппарата Киргизии за взятки оказывали со-

действие баям и манапам в сокрытии земли. Воздействие проведенных мероприятий по земельной реформе на общественно-политическую жизнь Киргизии было настолько незначительно, что на последней партийной конференции о земельно-водной реформе даже не упоминалось.

Осенью 1928 г. начался новый этап борьбы с родовыми вождями. 24 октября Исполкомиссия Средазбюро приняла секретное постановление «О проведении кампании по ликвидации помещичьих и байско-манапских хозяйств в Киргизии». В документе констатировалось: в 1927/28 г. в ходе земельной реформы в Южной Киргизии из скотоводческих районов было выслано около 60 байско-манапских хозяйств с конфискацией имущества⁵⁷. Ввиду того, что проведение массовой кампании по ликвидации крупных скотоводческих хозяйств в приграничных районах при слабости советского аппарата сопряжено со значительными осложнениями, была признана «нецелесообразной организация массовой кампании по примеру Казахстана». Постановили: «продолжить высылку с конфискацией имущества контрреволюционного манапства по мере выселения антисоветских деятелей. Ввиду обнаруженных случаев проявления антисоветской деятельности, произвести высылку из пределов Южной Киргизии в административном порядке наиболее злостных представителей байских элементов, в первую очередь — организаторов массовых выступлений батраков и бедняков»⁵⁸.

«Война» байско-манапскому сословию была объявлена не только потому, что они препятствовали осуществлению социально-экономической и культурной политики Советской власти в Киргизии. Баи и манапы, не желая утратить власть в республике, во время перевыборов Советов развернули интенсивную деятельность за проникновение в советские органы. В борьбе за власть группировки формировались по родовому принципу, как среди манапов и баев, так и среди партийных и советских работников.

В отчете ГПУ отмечалось: в Чуйском кантоне группировочная борьба за советский аппарат охватила почти все население, работников низового звена и центральных учреждений — уроженцев кантона; аналогичное положение — в Нарынском, Таласском и Джалал-Абадском кантонах; вражда между собой, «группировки, под руководством влиятельных манапов и при содействии ответственных киргизских работников, использовали все возможности для захвата власти в свои руки, подчас арестуют сторонников враждебных группировок. В Чуйском кантоне манапская группировка ставит своей целью систематической агитацией объединить население и вынудить сельских коммунистов выйти из партии, агитирует против призыва в Красную Армию, распространяет провокационные слухи»⁵⁹.

В Каракольском округе задолго до перевыборной кампании 1927 г. наметились две группировки во главе с бывшими ответственными работниками и манапами. Одна, так называемая Сухановская группа, провела ряд совещаний, на которых обсуждались тактические вопросы захвата низового и окружного советского аппарата и выдвижения кандидатур на съезд Советов. Все было рассчитано, назначены специальные уполномоченные в населенные пункты.

Другая группировка — Мукамбаевская, центром которой являлась Джеты-Огузская волость, связалась с разрозненными группами других волостей и объединила их. В течение трех месяцев в аулах вели агитационную работу представители манапов Тургенской, Уллахольской, Кунгей-Аксульской и Курменинской волостей. Органы ОГПУ не дремали: манапов изолировали; группировки своей цели на выборах не достигли⁶⁰.

Во Фрунзенском и Джалал-Абадском округах ранее враждовавшие манапы устраивали совместные совещания, на которых определяли тактику действий в перевыборной кампании. В эти группировки вовлекались ответственные работники, связанные с манапами родовыми узами. Посредством традиционных массовых угощений вербовали сторонников для получения голосов. Во Фрунзенском округе группа, руководимая видными манапами, истратила на подкуп советских и партийных работников 350 руб. деньгами, шерсть 50 овец, трех лошадей, 46 баранов и одну корову. Другая «партия», пользуясь зависимостью крестьян от получения ссуды, использовала кооперацию для привлечения их на свою сторону⁶¹. В борьбе за власть коммунисты исключали из ВКП(б) лиц, примыкавших к противной стороне.

Внедрять своих кандидатов в органы власти зажиточным слоям было нетрудно: во второй половине 1920-х гг. низовой советский аппарат фактически не был оформлен. При существующих в аиле социально-экономических отношениях и родовых связях, байство оказывало решающее воздействие на Советы. При очередной перевыборной кампании, оказав давление на избирком, верхушка аила лишала крестьян, особенно середняков, избирательного права. «Лишенец» не мог быть членом кооператива, утрачивал и другие возможности, обеспечивавшие его существование. Инструкция о выборах запрещала участвовать в выборах тем, кто нанимал рабочую силу, даже тем, кто по состоянию здоровья не мог работать в поле. Боязнь лишиться избирательного права заставляла зажиточного крестьянина продавать скот, инвентарь и, вследствие этого, сокращать посевы⁶². Пользуясь этим обстоятельством, а также зависимостью бедняков от получения ссуды, манапы в перевыборной борьбе привлекали крестьян на свою сторону.

Борьба шла за каждую сотню голосов, о чем свидетельствует парадоксальный случай. К моменту перевыборов Советов в селение Хили Майли-Сайской волости прибыли представители Узбекистана для проведения перевыборной кампании. Они заявили жителям, что по новому районированию Хили отведено Узбекистану. Одновременно прибыл уполномоченный Джалал-Абадского окружного избиркома. В результате спора между двумя представителями выборы были сорваны. Население недоумевало: «Подчиняются они Киргизстану или Узбекистану?»⁶³.

2 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР утвердили постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Этим постановлением подрывались экономические позиции кулаков и зажиточных хозяев: им запрещалось брать в аренду землю, нанимать рабочую силу. Но самое главное — органам власти предоставлялось право реквизировать их имущество, выселять из пределов района, области, республики. В соответствии с этим постановлением правительство Киргизии провело кампанию по репрессированию родовых вождей, баев, ишанов, кулаков и прочих выходцев из эксплуататорских социальных слоев. У них забирали земли, сады, хозяйственные постройки, скот, инвентарь. Все это передавалось в неделимый фонд колхозов, в результате материально-техническая база многих сельскохозяйственных артелей была укреплена⁶⁴.

22 августа 1930 г. Исполбюро Киргизского обкома приняло решение о выселении из Беловодского района всех кулаков. Кандидатуры на выселение обсуждались на общих собраниях крестьян и утверждались решением районного исполкома. Из 768 хозяйств района были раскулачены и выселены 100, изъято имущество у 356. Раскулачиванию за антисоветскую позицию подверглись баи, манапы, кулаки и в других районах: в Кетмень-Тюбинском, Балыкчинском, Базар-Курганском и т. д.⁶⁵

В данной статье представлены сведения о русско-киргизских противоречиях. Но существовал еще и «киргизско-узбекский вопрос», связанный с конфликтом в приграничных территориях. Вышеприведенный случай в селении Хили не был единичным. После принятия акта о национально-государственном размежевании Средней Азии власти провели районирование. Но сделали это в спешке, не учли многие национальные моменты; отдельные территории сопредельных государственных образований на 50 — 80 км вклинились в территорию Киргизии, расчленив районы, нарушив их экономическую целостность. В результате недостаточно продуманного, поспешного размежевания часть киргизского населения оказалась на территории Узбекистана, а часть

узбекского — в пределах Киргизстана.

На II Киргизской областной партийной конференции первый секретарь обкома партии Н. Узюков уделил этому вопросу особое внимание: «Мы имеем факты, которые подтверждают, что многие работники Узбекистана провоцируют наши волости, посылают в них своих агентов и уговаривают перейти к узбекам. И мы имеем также много кишлаков, которые имеют тяготение к нам, но находятся на территории Узбекистана. По этому поводу поступает много жалоб в Средазбюро, где говорится, что наша власть в Киргизстане не принимает мер к тому, чтобы изжить эти явления».

Провокации имели место в Джалал-Абадском округе и Таласском районе. Узюков заверил, что в Киргизстане не допускается угнетение какой-либо национальности: «Мы можем гордо заявить, что у нас таких подходов, в каких нас обвиняют, к национальным вопросам не было. Наоборот, если мы наблюдаем угнетение, избиение или аресты киргизов в Узбекской республике, то это происходит по инициативе Узбекистана или его работников, поэтому наша конференция должна просить Средазбюро об окончательном ограждении нашей области от посягательств таких работников, которые сеют антагонизм между узбеками и киргизами»⁶⁶. ЦИК Киргизской АССР апеллировал к Президиуму ВЦИК с просьбой принять решения о пересмотре и уточнении границ⁶⁷.

В последующие годы проводилась работа по уточнению границ, но многие спорные вопросы, видимо, не имеют решения, поскольку затрагивают политические и экономические интересы народов сопредельных республик и являются камнем преткновения между Узбекистаном и Киргизстаном и в наши дни, в начале XXI в.

Острыми оставались и русско-киргизские национальные отношения. Уровень конфликтности ситуации удалось снизить за счет проведения районирования. В конце 1920-х гг. в Киргизской АССР были созданы национальные Советы: 314 киргизских, 91 европейский (объединявшие русских, украинцев, немцев); 21 узбекский, 26 смешанных; сформированы и национальные волости: 29 киргизских, 11 европейских, 1 узбекский, 11 смешанных; сформировали 1 кантон — Фрунзенский — русский⁶⁸.

Итак, провозглашенный советским правительством лозунг «Земля — крестьянам!» был справедливо реализован в Киргизии в отношении коренного населения; для пришельцев — крестьян славянского происхождения и немецких колонистов — этот лозунг не только оказался пустой политической декларацией, но и повлек за собой неисчислимы бедствия, ввергнув переселенцев в стихию национальной дискриминации.

Принцип самоопределения был реализован в Киргизии в различных формах: крупные и малочисленные этнокультурные общности получили разную степень суверенитета: титульная нация оказалась в

известном привилегированном положении, остальные – в многоступенчатом подчинении, в зависимости от районной или областной власти, а все население – от директив всеильного Центра.

Примечания:

- ¹ Туркестанская ССР – так в тексте документа.
- ² ЦК ВКП(б) и Союзное правительство о Киргизии. Сб. документов за 1919 - 1937 гг. Фрунзе, 1937. С. 14.
- ³ Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925 – 1937 гг.). Фрунзе, 1973. С. 15.
- ⁴ Стенографический отчет 2-й Киргизской областной конференции РКП(б), 1–5 ноября 1925 г. Б. м. 1925. С. 74.
- ⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VIII. Казахская АССР. Киргизская АССР. Отдел 1. Народности. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928. С. 200–201.
- ⁶ Декреты Советской власти. Т. 1, М., 1957. С. 408.
- ⁷ В.И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1982. С. 364.
- ⁸ Там же. С. 368.
- ⁹ Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. Ташкент, 1988. С. 74.
- ¹⁰ Там же. С. 75–76.
- ¹¹ *Джунушалиев Дж., Семенов И.Е.* Верный сын народа. (Вступительная статья). //Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 94.
- ¹² История советского крестьянства Киргизстана. Фрунзе, 1972. С. 87.
- ¹³ **Зеленский И.А.** Еврей. С 1906 г. член РСДРП. С 1924 г. – председатель Средазбюро ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1937 г. **необоснованно** репрессирован, расстрелян. В 1959 г. реабилитирован.
- ¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 62, оп. 1, д. 35, л. 81.
- ¹⁵ РГАСПИ, ф. 62, оп.1, д. 35, л. 79.
- ¹⁶ **Сафаров Г.И. Русский.** В 1921 г., будучи членом Туркбюро ЦК РКП(б), Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, активно участвовал в ликвидации колониального наследия в землепользовании Туркестана, в ликвидации русских и украинских поселков, в изгнании крестьян. См. подробнее: *В.Г. Чеботарева.* Национальная политика Российской Федерации. 1925 -1938 гг. М., 2008. С. 819–820.
- ¹⁷ Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 194.
- ¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VIII. С. 216.
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 1235, оп. 121, д. 240, л. 132.
- ²⁰ **Уразбеков Абдукадыр.** Киргиз. Член РКП(б) с 1918 г. В 1925 -1926 гг. – председатель Киргизской АО. В 1927 – 1937 гг. – Председатель ЦИК Киргизской АССР, член ВЦИК. Репрессирован **необоснованно** в 1937 г., реабилитирован посмертно.
- ²¹ ГАРФ, ф. 1235, оп. 27, д. 77, л. 19.
- ²² Партия «Ур-Токмок» – террористическая антисоветская организация в Киргизстане. «Ур» - тюркское «бей».
- ²³ ГАРФ, ф. 1235, оп. 121, д. 240, л. 52.
- ²⁴ КПСС и Советское правительство о Советском Киргизстане. Сб. документов (1924–1974). Фрунзе, 1974. С. 63.
- ²⁵ КПСС и Советское правительство о Советском Киргизстане. С. 63–64.
- ²⁶ Там же. С. 26.
- ²⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. (1922–1934 гг.). Т. 5. М., 2002. С. 109–110.
- ²⁸ СТО – Совет труда и обороны СССР, орган по руководству хозяйственным строительством и обороной (1923 - 1937 гг.)
- ²⁹ ГАРФ, ф. 1235, оп. 121, д. 240, л. 27.
- ³⁰ **Абдрахманов Юсуп Абдрахманович** (1901–1938). Киргиз. Получил начальное образование в русско-туземной школе, затем в Каракольском начальном училище. Член РКП(б) с 1919 г. В 1925–1927 гг. – инструктор ЦК ВКП(б). В 1927-1933 гг. – председатель СНК Киргизской АССР, в 1933–1935 гг. – в аппарате Средне-волжского земельного отдела, 1935–1937 гг. – заведующий отделом Оренбургского облисполкома. Член ВЦИК,

кандидат в члены ЦИК СССР, участник XV Всероссийского съезда Советов. В апреле 1937 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Посмертно реабилитирован // Анкета члена ВЦИК XV созыва 1931–1934 гг. (ГАРФ, ф.1235, оп. 30, д. 98, л. 2); *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991. С. 318–319.

³¹ ГАРФ, ф. 3316, оп. 16а, д. 212, л. 23.

³² Там же.

³³ *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма к Сталину. Фрунзе, 1991.

³⁴ *Джунушалиев Дж. Семенов И.Е.* Верный сын народа // *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневники. Письма... С. 95.

³⁵ Там же. С. 28.

³⁶ Стенографический отчет 2-й Киргизской областной конференции РКП(б) 5 ноября 1925 г. ... С. 80.

³⁷ Стенографический отчет 2-й Киргизской областной конференции... С. 81.

³⁸ Стенографический отчет 2-й Киргизской областной конференции РКП(б)... С. 81.

³⁹ ГАРФ, ф. 1235, оп. 43, д. 52, л. 126–127.

⁴⁰ *Джунушалиев Дж. Семенов И.Е.* Верный сын народа... С. 21.

⁴¹ Там же. С. 23.

⁴³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 62, оп. 2, д. 833, л. 7.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 612, л. 71.

⁴⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 612, л. 99.

⁴⁷ Резолюции и постановления съездов Советов Киргизии (1925–1937 гг.)... С. 66–67.

⁴⁸ РГАСПИ, ф.17, оп.113, д. 612, л. 54.

⁴⁹ *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в 5 томах. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 7–8.

⁵⁰ РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 833, л. 33.

⁵¹ **Молотов В.М.** Член РСДРП с 1906 г. В 1920–1921 гг. – секретарь ЦК ВКП(б) Украины, в 1921–1930 гг. – секретарь ЦК ВКП(б).

⁵² РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 833, л. 70, об –71.

⁵³ Там же, л. 58.

⁵⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 612, л. 65.

⁵⁵ Союз «Кошчи» объединял пролетарские и полупролетарские массы села.

⁵⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 812, л. 56.

⁵⁷ РГАСПИ, ф. 62, оп. 1, д. 457, л. 224.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 62, оп. 1, д. 457, л. 226–227.

⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 612, л. 61.

⁶⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг. Т. 5. М., 2002. С. 204.

⁶¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 5... С. 205.

⁶² РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 271, л. 7.

⁶³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 5... С. 205.

⁶⁴ История советского крестьянства Киргизстана... С. 177.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Стенографический отчет 2-й Киргизской областной конференции. РКП(б)... С.75.

⁶⁷ ГАРФ, ф. 1235, оп. 27, д. 77, л. 6.

⁶⁸ РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 833, л. 139.

И.В. Лоткин*

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ У ПРИБАЛТИЙСКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ В 1920-Х — 1930-Х ГОДАХ

Одной из наиболее актуальных задач современной исторической и этнографической науки является изучение истории и культуры этнических и национальных групп, оторванных от основного этнического массива. При этом интерес представляют не только этнокультурные процессы у таких групп, но и возможность экстраполяции этих процессов на более крупные этнические общности.

В данной статье мы рассмотрим становление и развитие культурно-просветительных учреждений у прибалтийских поселенцев в Сибири в 1920-х — 1930-х годах. Они появились в нашем регионе путем административной, уголовной или политической ссылки и добровольного крестьянского переселения в XIX — начале XX вв. и в рассматриваемый нами период проживали на территории современных Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областей, а также Алтайского и Красноярского края. По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г., в сельских районах Сибирского края проживало 22 860 латышей, 7 911 латгальцев и 27 847 эстонцев¹.

В условиях многонациональной России к началу рассматриваемого периода в решении проблем культурного строительства имела масса проблем. От царской России осталось тяжелое наследство. Народные массы были ограблены в смысле образования, света и знания. Особенно это относилось к народам окраин, в частности Сибири. Согласно переписи 1920 г., из 9 257 825 человек населения Сибири 5 300 212, или 57,3%, были неграмотными. Среди представителей национальных меньшинств доля грамотных была еще ниже и составляла в среднем 10-15%².

Действительно, положение в сфере народного образования и культурно-просветительской работы на родном языке у выходцев из Прибалтики оставалось очень тяжелым, хотя было более предпочтительным, чем среди русского населения. Так, перед революцией среди латышей Омской губернии был 51% неграмотных, среди латышей Иркутской губернии - 69,6%, а в среднем по Западной Сибири - 78,2%³.

По данным демографической переписи 1920 г., по Омской губернии среди латышей было 51,7% негра-

мотных, среди эстонцев - 58,0%, среди русских 78,0%⁴. С мест сообщали, что «культурный уровень населения с каждым годом понижается. Старики и старухи, приехавшие из Латвии, умеют читать и писать, а молодое поколение сильно отстало». В Минусинском уезде грамотность среди латышей составляла всего 20%⁵. Иные данные приведены в статье В. Куджиева «К практической постановке национальной проблемы в Омской губернии», опубликованной в журнале «Известия Омского губкома РКП(б)» в 1923 г. По его подсчетам, в Омской губернии из 10375 эстонцев - 6533 (63%), а из 8574 латышей - 5679 (66,2%) были неграмотными⁶. На Алтае подавляющее большинство эстонцев «получили только домашнее образование, а на русском языке очень мало грамотных»⁷.

В этих условиях 25 января 1920 г. при Сибревкоме был создан сибирский отдел народного образования, который включал и подотдел национальных меньшинств. Заведующим его был назначен латыш Иван Каро⁸. В губерниях и ряде уездов с многонациональным составом населения были созданы губернские и уездные совнацмены отделов народного образования. Таким образом, сложилась определенная система руководства культурно-просветительной работой среди национального населения, позволявшая сочетать единство задач культурной революции с учетом национальной специфики при обязательном партийном контроле со стороны большевиков.

В 1924 г. латыши и эстонцы достигли значительных успехов в борьбе с неграмотностью и опередили по этому показателю другие так называемые нацменьшинства Сибири. Так, неграмотных среди эстонцев Омского округа было 10% (у латышей этот процент был, вероятно, еще меньше), среди евреев - 22%, среди поляков и немцев-колонистов - 48%, среди украинцев - 65%, татар - 71%, киргизов - 93%. Поэтому из 45 открытых в округе школ ликбеза было 14 татарских, 13 украинских, 11 немецких и только 3 эстонских и 3 латышских⁹. Сеть эстонских школ в Сибири в 1924 г. была представлена следующим образом: Омская губерния - 17 школ - обслуживали 40% детей; Томская губерния - 12 школ - 75%; Енисейская гу-

* Лоткин Илья Викторович – доктор исторических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью» Омского государственного университета путей сообщения (г. Омск).

берния - 11 школ - 45%; Алтайская губерния - 4 школы - 26%; Иркутская губерния - 1 школа - 25%; Новониколаевская губерния - 2 школы - 26%¹⁰.

Во многом переломным в деле становления народного образования у балтийских национальных групп Сибири стал 1926 год.

Например, на совещании нацмен работников при Тарском окружкоме ВКП(б), состоявшемся 6 апреля 1926 г., отмечалось, что «...развертывание школьной сети нацмен идет успешно. Так, в 1926/27 учебном году открываются 18 новых школ. Из них татарских - 9, эстонских - 2, латышских - 1, польских - 2, украинских - 2 и чувашских - 2».

Но в деле школьного строительства существовали и серьезные трудности. Совещание отметило, что «...из имеющихся школьных зданий 60-70% не соответствуют назначению». Выступивший на совещании латинструктор М. Юршевский заявил: «Эстонское, латышское и немецкое население живет хуторами, которые разбросаны на 10-12 верст, и большинство школ обслуживает несколько таких поселков. Ребятам непосильно ходить ежедневно домой, учителя жалуются на малую посещаемость, но эти жалобы дальше РИКов не доходят. Поэтому для указанных нацмен поселений необходимы школы с общежитиями».

Этинструктор Р. Абен обратил внимание на формальный подход к развертыванию школьной сети нацмен. Он сказал, что «...там, где детей школьного возраста 42-45 человек, обслуживаемых школой соседней деревни, открывают школу, а там же, где 37-39 человек не обучаются нигде, - школы не открывают. По-моему, при развертывании школьной сети надо исходить из отсталости населения данного района, и в заброшенном уголке, где нет никаких культурных начинаний, необходимо открывать в первую очередь школу, хотя бы с меньшим числом детей. В более заселенных пунктах необходимо добиваться открытия двухкомплектных школ».

Совещание учло замечания М. Юршевского и Р. Абена и в резолюции постановило: «В дальнейшем поручить нацмен инструктору ОНО ввести в производственный план постройку общежитий при уже существующих школах немцев, латышей и эстонцев, а также довести школу до двух комплектов в более населенных пунктах»¹¹.

Трудная ситуация сложилась в этот период и в некоторых других прибалтийских поселениях. Так, в отчете латинструктора Омского окружкома ВКП(б) Р. Эглита о поездке в Калачинский и Крутинский районы с 10 января по 7 февраля 1926 г. отмечалось, что в Старой Риге имеется 480 душ населения, все латыши. Нет школы, нет избы-читальни... Старая Рига является во всех отношениях самым отсталым населенным латышами пунктом в Омском округе... В будущем году обязательно надо дать штат по мень-

шей мере одному учителю, так как детей школьного возраста 128 человек. Для перестройки школьного здания 8 x 6 сажень нужна поддержка населению не менее 300 рублей¹².

После принятия 18 июня 1926 г. декрета Совнаркома РСФСР «По докладу народного комиссариата просвещения о просветительной работе среди национальных меньшинств» в качестве главных задач подъема культурного уровня национального населения было намечено следующее: «расширение сети школ первой ступени, увеличение числа дошкольных учреждений, а также укрепление кадрового состава преподавателей»¹³.

Конкретные меры были определены на первом Всероссийском совещании по введению всеобщего обучения среди национальных меньшинств (17-22 мая 1927 г.), в работе которого приняли участие представители автономных областей и республик РСФСР, работники Центрального Совета нацменьшинств и Наркомпроса и где подробно рассматривались планы всеобщего и типы школ для разных национальностей¹⁴. В ходе обсуждения было решено признать преподавание на родном языке основным условием методически правильной постановки дела в советской школе первой ступени и положить означенный принцип в основу своей работы среди национальных групп. Одновременно указывалось на необходимость усиления внимания к преподаванию русского языка во всех национальных школах с целью «облегчения оканчивающим курс для продолжения образования в русских школах повышенного типа, а также для участия их в общественно-политической жизни страны»¹⁵.

В резолюции совещания отмечалось, что западные национальности являются наиболее благополучной группой в отношении осуществления школьного дела на родном языке в силу своей высокоразвитой национальной культуры, сравнительной обеспеченности национальными учебниками и наличия педагогов-националов. Однако и среди них вопросы засорения национального языка, происходящего вследствие влияния окружающего большинства, слабого еще владения литературным национальным языком педагогами-националами, незнания своей родной национальной литературы должны быть, безусловно, предусмотрены в мероприятиях по закреплению родного языка в начальной школе. Особое внимание совещание обратило на латгальское население. Подчеркивалось, что «создание национального учебника, подготовка педагогов, выпуск вообще литературы на латгальском языке являются первоочередными задачами для латгальских школ»¹⁶.

По данным М.Н. Колоткина, обследование, проведенное летом 1927 г., выявило в Сибирском крае 27 эстонских, 25 латышских и 16 латгальских школ. И если у латышей имелось 39 учителей, то в латгаль-

ских школах только 11. Поэтому в пяти латгальских школах преподавание вели русские учителя, а три школы за неимением педагогов были закрыты. Относительно благополучной ситуация со школами была в Ачинском и Томском округах, где имелось соответственно 8 и 6 школ, в том числе 11 школ первой ступени, однако в Тарском, Омском и Канском округах не было ни одной¹⁷.

Однако приведенные сведения не совсем верны. Уже зимой 1926 г. в деревне Елизаветинка Омского округа работала школа. Правда, ее работа была затруднена. В вышеупомянутом отчете Р. Эглита говорится: «В поселке имеется школа-пятилетка с тремя учителями и 117 учениками. Из них 41% латышей, 23% латгальцев, 28% русских, 5% чехов и 3% поляков. Школа скудно снабжена учебными пособиями: нет букварей на латышском языке. Для латгальцев, которые готического шрифта не понимают, нет никакой литературы. Необходимо, чтобы один учитель был латгалец; для расширения школьного здания необходима пристройка. Последнее при условии участия населения нуждается в поддержке со стороны ОкрОНО не менее 600 рублей. Надо отметить, что закон, запрещающий применять какие бы то ни было принудительные меры по отношению к гражданам в деле самообложения, дезорганизует и крайне подрывает всякую работу по снабжению школ, изб-читален и т.д. Обычно отказываются исполнять постановления общего собрания по самообложению зажиточный и враждебно настроенный по отношению к советской власти элементы»¹⁸.

Среди учителей латышей и эстонцев Сибирского края летом 1927 г. было со средним образованием - 93%, с низшим - 7%. Практический стаж учителей был небольшим: 75% учителей - от одного года до трех лет, свыше трех лет - 25%¹⁹. Серьезной помехой в деле образования был большой отсев учащихся. Причем, как правило, бросали школу дети бедняков и батраков.

В 1929 г. в Сибири было всего 27 учителей-латгальцев, но лишь три человека из них были со специальным образованием. Остальные учительские вакансии занимали люди с низшим образованием, выпускники совпартшкол и просто выдвигенцы из числа бывших учеников²⁰.

Впоследствии при решении этих проблем были достигнуты определенные успехи. Так, в резолюции Всесоюзной методической конференции учителей этих школ от 31 января 1927 г. говорилось, что налицо, во-первых, рост активности учительства, а во-вторых, поднятие квалификации учителей²¹.

Надо отметить, что по сравнению с другими народами СССР, в середине 1920-х гг. показатели грамотности у выходцев из Прибалтики были довольно высокими. Так, в 1926 г. по числу грамотных на каж-

дую тысячу жителей латыши и эстонцы занимали соответственно второе и четвертое места в СССР, имея 745 грамотных на 1000 человек — у латышей и 724 — у эстонцев. По этому показателю выходцы из Прибалтики уступали только караимам (849 грамотных на 1000 человек) и жившим в СССР чехам и словакам (743 на 1000)²².

В 1928 г. в СССР в 372 крупных латышских колониях было 106 школ. Из них в Сибири находилось 102 колонии с 31 школой²³.

Росло количество и латгальских школ: в 1923/24 г. в СССР насчитывалось 5 латгальских школ, в 1924/25 г. — 8, в 1925/26 г. — 12, в 1925/26 г. — 16, в 1929/30 г. — 24, причем из них три школы крестьянской молодежи. Латгальские педагоги начали готовиться при Латгальском центральном педтехникуме лишь в 1929 г., когда впервые была организована латгальская группа при подготовительном отделении. В среднем во всех средних и высших учебных заведениях к началу 1930-х гг. обучалось до 120 латгальцев. Ежегодно, начиная с 1927 г., в Сибири проводились летние курсы по повышению квалификации латгальских учителей²⁴.

Однако проблема заключалась в том, что это были в своем большинстве школы-трехлетки. Таким образом, решение Наркомпроса о том, чтобы национальные школы предусматривали обязательный пятилетний срок обучения, не было выполнено. А существующие школы могли охватить только чуть более половины детей школьного возраста. Так, по сведениям, собранным в ходе обследования латышских и латгальских школ инструктором агитпропотдела Сибкрайкома Блаумом, в 1929 г. не были охвачены учебой в Тарском округе - 41,2% детей школьного возраста, в Красноярском - 35%, в Ачинском - 40,3%²⁵.

Исполкомы Советов разработали планы ликвидации неграмотности среди отдельных национальностей с указанием возможных конкретных сроков окончания работы. По Западной Сибири намечалось закончить ликвидацию неграмотности среди «западных» национальностей к октябрю 1931 г., а в Восточной Сибири - к октябрю 1932 г.²⁶ Задача была вполне реальной, так как в 1928 г. неграмотность среди взрослого населения, к примеру, у латышей Омского округа составляла 20%, а у эстонцев - 15%²⁷. Для реализации этой задачи Западно-Сибирский крайисполком утвердил штаты межрайонных национальных инструкторов-методистов для 40 латышских, 57 эстонских и 50 латгальских школ, предварительно пропустив их через двадцатидневные курсы переподготовки. На совещании редакторов национальных газет, прошедшем 20 февраля 1932 г., было решено развернуть сеть национального радиовещания для просветительской деятельности. Вскоре стали выходить передачи три раза в месяц по 45 мин.²⁸

25 июля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном образовании», в котором потребовал ввести повсеместно, начиная с 1930/31 учебного года, всеобщее обязательное начальное обучение детей в возрасте 6-10 лет с последующим распространением обязательности обучения для детей 11 лет. Для Сибири данное постановление означало перенесение ранее намеченных сроков введения всеобща с 1933/34 на 1930/31 учебный год²⁹. В 1930-31 учебном году, по данным П.Л. Трофимова, обучением на родном языке были охвачены все эстонские, немецкие и татарские дети³⁰.

На краевом совещании «западных» национальностей, которое состоялось 15 февраля 1930 г. в Новосибирске, латгальская делегация остро поставила вопрос о составлении учебников для латгальских школ первой ступени и пунктов ликвидации неграмотности. В ходе прошедшей дискуссии с учетом реальных возможностей было решено сконцентрировать на первых порах свои усилия на составление двух учебников - для школ первой ступени и для ликпунктов. При этом отмечалось, что учебники должны быть составлены на сибирском материале и «рассчитаны на районы сплошной коллективизации». Всю работу возглавила комиссия, куда вошли от редакции газеты «Taisneiba» В. Аболин и два опытных педагога - Ю. Вуцан и С. Загорский. В компетенцию комиссии входило также определение круга лиц из числа опытных методистов и культпросветработников, которые бы могли в короткий срок написать учебники и методические указания³¹.

В 1931 г. при Ачинском педагогическом техникуме было создано латгальское отделение, на котором училось около 90 слушателей. Одновременно через краткосрочные учительские курсы при техникуме были переподготовлены и повысили свою квалификацию почти все работавшие учителя-латгалцы. К 1935 г. на латгальском отделении обучалось уже 125 человек³².

Непрерывно росло также количество прибалтийских дошкольных учреждений в СССР во второй половине 1920-х гг. Так, например, если в 1927/28 г. в стране насчитывалось 8 латышских детплощадок, которые посещали 190 детей, то в 1929/30 г. — уже 24 детплощадки, охватывавшие 700 детей³³. Однако в целом охват детей дошкольного возраста был незначителен.

Несмотря на то что детские площадки назывались национальными, их посещали дети разных национальностей. Так, например, из 31 ребенка, посещавшего латышскую детплощадку в селе Елизаветино, только 5 детей были латыши, 4 - из русско-латышских семей и говорили как по-латышски, так и по-русски, а остальные были из русских и латгальских семей и говорили дома только по-русски³⁴. В селе

Рыжково обе воспитательницы местной детплощадки были по национальности латышки, а дети были из латышских, эстонских и финских семей. Это создавало трудности в работе, и поэтому на собраниях родителей было решено ходатайствовать перед соответствующими учреждениями о присылке воспитательницы-эстонки³⁵.

Нехватка учителей, культпросветработников, из-за чего не позволяла заниматься в должном объеме культурным просвещением. Центром политико-просветительной работы в деревне, опорным пунктом всех форм просвещения стали клубы, красные уголки, избы-читальни. В 1927 г. для национального населения Сибирского края действовало 134 избы-читальни и 287 красных уголков, что было явно мало. Двухсоттысячное эстонское население России обслуживалось сетью всего в 38 изб-читален³⁶, причем большинство из них не имело собственных зданий и размещалось в школах и жилых домах. По подсчетам К. Шкилтера, в 1928 г. во всей Сибири насчитывалось только 7 латышских изб-читален (lasitava) и 39 красных уголков (sarkanais sturis)³⁷.

Большое значение в культурно-просветительной работе у балтийских национальных групп Сибири имела национальная пресса.

В 1927 г. совещание работников эстонских секций агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП приняло следующую резолюцию по национальной прессе:

«Отмечая успехи продвижения газеты в массы и улучшение содержания, совещание находит необходимым для дальнейшего продвижения газеты в массы поставить перед отделом печати ЦК вопрос об увеличении формата «Edasi» и об издании «Edasi» вместо двух раз три раза в неделю.

Констатируя тяжелое материальное положение газет и журналов, совещание поручает ЦБ принять меры к улучшению материального положения наших изданий.

По издательской работе необходимо иметь в виду: 1) издание популярной массовой (крестьянской) литературы; 2) издание дополнительной литературы к учебникам политграмоты.

Совещание считает необходимым продолжать издание двух журналов: 1) популярный теоретический журнал «Классовая борьба» для широкого партактива и 2) популярно-литературный журнал «Орас» для широкого рабоче-крестьянского читателя. Вокруг этих журналов объединить наших лучших публицистов и группу пролетарских писателей³⁸.

Среди российских латышей в начале 1930-х гг. большую воспитательную работу проводили три газеты: «Komunista Cina» («Борьба коммуниста»), «Latviesu Kolektivists» («Латышский коллективист») и «Sibirijas Cina».

До декабря 1930 г. «Komunista Čina» выходила под названием «Krievijas Čina» («Российская борьба»). Это была самая старая газета латышей СССР, она начала выходить под названием «Socialdemokrāts» («Социал-демократ») сразу же после Февральской революции 1917 г. В рассматриваемый период ее тираж составлял 4500 экземпляров. Газета не только популяризировала партийные решения и постановления, но и освещала работу культурной и партийной жизни в СССР и писала о ситуации в буржуазной Латвии.

Крестьянская газета «Latviesu Kolektīvisks» была основана в декабре 1925 г. Выходила она раз в пятидневку, тираж ее достигал 5 тыс. экземпляров. Газета сплотила вокруг себя до 1 тыс. стенкоров и селькоров. Наконец, «Sibirijas Čina» выходила в этот период три раза в декаду, тираж ее составлял 3 тыс. экземпляров, и она имела до 300 селькоров и стенкоров³⁹.

В результате развития культурно-просветительных учреждений к началу 1930-х годов только у латышского населения СССР имелось 45 изб-читален и 148 красных уголков. Большинство их находилось в национальных сельсоветах. Однако, по мнению А. Бруцера, массовая политическая работа в латышской деревне зачастую отставала от процесса коллективизации. Ссылаясь на публикацию в «Sibirijas Čina», он писал: «Средняк и беднота не получают ответа на актуальнейшие вопросы, как то: хлебозаготовки, контракция; так как изба-читальня заперта на замок месяцами, она и не привлекает своим грязным видом население: дым, грязь и холод»⁴⁰.

Здесь мы более подробно рассмотрим этноязыковую ситуацию, сложившуюся у прибалтийских колонистов.

Вовлеченные в события революции и Гражданской войны в Сибири латыши и эстонцы постоянно сталкивались с русскими и людьми других национальностей, что объективно способствовало изучению переселенцами из Прибалтики русского языка. Однако степень владения русским языком у эстонцев и латышей была неодинаковой.

По мнению Ю. Вийкберга, в дореволюционное время сибирские эстонцы в основном не владели русским языком. У переселенцев, живших обособленно в деревнях и на хуторах, не возникало потребности учить язык окружающего населения. Встречались люди, побывавшие в тюрьме или на каторге, работавшие на золотых приисках или ремесленниками, то есть жившие в русской среде и имевшие тесные контакты с русским языком, но таких было немного. Поэтому, оказываясь в русскоязычной среде, эстонцы попадали в затруднительное положение. Когда переселенцы шли в город к врачу, в суд или на базар, они брали с собой переводчика. Языковой барьер мешал эстонцам служить в армии. Так, в Ива-

новке Тюкалинского уезда Тобольской губернии удалили с военной службы Эдуарда Штейнбаха (Eduard Steinbach), так как он не понимал команд на русском языке⁴¹.

Однако, на наш взгляд, языковая ситуация в эстонских колониях не была столь однозначной. В отчете инструктора этсекции Тарского окружкома ВКП(б) о поездке в Екатеринбургский район Тарского округа весной 1927 г. в частности говорилось: «Особый интерес вызвал вопрос о международном и внутреннем положении СССР и ход событий в Китае. Все единодушно одобряли политику мира СССР и мероприятия по индустриализации страны. Внимательно разобрали вопрос о бюджете нашей Республики, а китайские события остались предметом разговора еще долго после собрания. Многие из стариков — участники японской и китайской войны — дополнили своими воспоминаниями наиболее характерные бытовые картинки китайского кули. Собрания расходились с очевидным хорошим настроением»⁴². То есть эстонские поселенцы не только служили в армии, но и принимали участие в русско-японской, а также в Первой мировой и Гражданской войнах, что должно было способствовать овладению ими в той или иной степени русским языком.

При регистрации эстонским подотделом отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса национальных культурно-просветительных учреждений Омской губернии в конце 1920 г. выяснилось, что в большинстве деревень около половины эстонского населения умели читать и писать по-русски⁴³. А в Томской губернии в 1922 г. лишь 3% эстонцев владело русским языком хорошо, 16% - удовлетворительно, 26% - плохо и 55% не владели совсем⁴⁴.

Русский язык знало в основном городское население. Что же касается эстонских колоний, то там, если крестьяне и овладевали разговорным русским языком, то писали по-русски они неграмотно, при этом написание русских слов у них почти полностью совпадало с их произношением. Подтверждением этого служит приведенный ниже документ, написанный жителем деревни Оравка Чановского района Барабинского округа, датированный ориентировочно началом 1930-х годов:

«Зоявление

От Кобар Оскар Янович

Гр. Кобар Оскар таайю настояей расписку о том что Либа Александр Карлович занимался крестьянством и ни каких врет и акитачию против власти от него я ни слыхал. Но долго терсал работнича ввремя полесни, в том и потпису».

О. Кобар⁴⁵.

(Гр. Кобар Оскар даю настоящую расписку о том, что Либа Александр Карлович занимался крестьян-

ством, и никакого вреда и агитации против власти от него я не слышал. Но долго держал работницу во время болезни, в том и подписуюсь. — *И. Л.*)

В то же время для многих эстонцев, живших в сельской местности, знание русского языка означало не только ликвидацию языкового барьера между ними и русскоязычным населением и приобщение к нормам и ценностям общесоветской культуры, которая в Сибири существовала и развивалась в основном на базе русского языка, но и создавало условия для большей горизонтальной и вертикальной мобильности. Иначе говоря, сибирский эстонец, хорошо владевший русским языком, имел гораздо больше возможностей и для продвижения по служебной лестнице, и для переезда из эстонских колоний в иные населенные пункты, чем его соотечественники, говорившие только на национальном языке.

В этом отношении характерно письмо Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от уже упоминавшегося нами П.А. Калье, датированное 29 мая 1934 г., где автор, жалуясь на неправильное лишение избирательных прав, рассказывает свою биографию:

«...По национальности я эстонец, рождения 1895 года. В Сибирь я приехал в 1912 году, в начале работал пастухом, затем рабочим у одного купца. И с 1914 г. работал по маслоделению вначале рабочим, а затем мастером. В 1915 году был взят на военную службу в качестве рядового и в 1917 г. возвратился с войны в д. Оравку, где проживаю и сейчас (к своему зятю Ояперову Павлу Яновичу и опять стал работать мастером маслозавода). С 1 ноября 1924 г. по 1 марта 1930 г. служил председателем маслоартели в д. Оравка. С марта месяца 1930 г. все маслоартели перешли в ведение Райкомсельхоза, и меня назначили директором маслозавода. На этой работе до 1 октября 1930 г., когда наш завод был ликвидирован, я перешел на должность счетовода Узунгульского механизированного маслозавода и после трехмесячной работы перевелся счетоводом Чановского Охотрыбсоюза...»⁴⁶.

Как видим, в отличие от заявления О. Кобара, письмо П. Калье не только написано на хорошем русском языке (хотя нельзя исключать возможность, что автор воспользовался услугами переводчика), но также свидетельствует, что П. Калье неоднократно менял место работы и жительства, включая должность директора маслозавода, что было бы невозможно без соответствующей языковой подготовки.

Латыши, по нашему мнению, владели русским языком лучше, чем эстонцы. Так, Н.М. Ядринцев в своей статье «Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири» упоминает о своей беседе с одним латышом, просившим написать ему прошение⁴⁷.

В 1914-1916 гг. в Сибирь приехало около 4 тыс. беженцев из Латвии, значительную часть которых

составляли рабочие с эвакуированных предприятий, работавшие бок о бок с людьми других национальностей и говорившие по-русски. Многие из них впоследствии оказались в латышских сибирских деревнях⁴⁸.

Однако многие латышские переселенцы, прибывшие в Сибирь в конце XIX — начале XX вв., не владели русским языком или владели им в недостаточной степени, что вынуждало их также прибегать к помощи переводчика. Это иногда приводило к трагикомическим ситуациям, одну из которых в 1915 г. описала газета «Енисейская мысль» в статье «Из зала суда (без языка)»:

«Сельская власть в лице сельского писаря потребовала от крестьянина-переселенца Борисовского переселенческого участка латыша Балтайс какую-то бумагу. Балтайс отговорился, что за требуемую писарем бумагу деньги посланы и что таковая, вероятно, в скором времени будет получена. В доказательство он предъявил почтовую квитанцию Уярского почтового отделения.

Посмотрев на квитанцию, писарь сказал Балтайсу:

- Такие квитанции за полбутылки водки можно купить целый кошелек.

Возмущенный ответом писаря Балтайс, не владеющий русским языком, в сопровождении своего земляка-переводчика пошел жаловаться начальнику почтового отделения.

Начальник, приняв за оскорбление переданные переводчиком слова Балтайса, составил на него протокол»⁴⁹.

В середине 1920-х годов языковая ситуация у сибирских латышей была достаточно противоречива. Так, в информационном письме № 1 по латышскому отделу совнацмена Наркомпроса РСФСР, адресованному заведующим латышскими секциями Губсовнацменов, секретарям латсекций губернских и окружных комитетов РКП, говорилось: «Необходимо указать на состояние разговорного языка латышей, как в городе, так и в колонии: латышский язык перемешивается с русскими словами, и таким образом получается особый жаргон, который дает себя чувствовать даже в литературных произведениях»⁵⁰.

В то же время в «Докладе о состоянии и работе латячек РЛКСМ Тарского округа», опубликованном в том же 1926 г., отмечалось, что «...латячкам общественную работу вести трудно, потому что члены плохо владеют русским языком». Там же указывалось, что «ячейки плохо разбираются в присылаемых бумагах на русском языке. Живое руководство осуществить райкомам также трудно в силу незнания языка и бытовых особенностей»⁵¹.

То есть, с одной стороны, уже в середине 1920-х гг. в результате латышско-русских языковых контактов

у сибирских латышей стала наблюдаться смена кода, или свитчинг, — попеременное употребление говорящим двух языков во время одного речевого акта. С другой стороны, даже в тех поселениях, где латыши жили бок о бок с русскими, они нуждались в литературе на родном языке, так как читать по-русски им было трудно. В таежных же районах Сибири с преобладавшим хutorским расселением и удаленностью от основных коммуникаций латыши владели русским языком еще хуже.

Таким образом, и у латышей, и у эстонцев владение русским языком было четко разграничено как по линии «город – село», так и по степени удаленности прибалтийских поселений от крупных населенных пунктов и основных коммуникаций.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов произошли события, оказавшие существенное влияние на развитие процессов социально-политической, экономической и культурной адаптации прибалтийских национальных групп Сибири. Во время реорганизации аппарата ЦК и местных комитетов ВКП(б) национальные секции прекратили свое существование.

По мнению В. Раевского, к тому моменту латышские секции ВКП(б) исчерпали свои задачи. Латышское население СССР к этому времени хорошо владело русским языком, и необходимость в существовании специальных организаций партии для ведения агитации и пропаганды на латышском языке отпала. Многочисленные культурно-просветительные учреждения — школы, клубы, театры (равно как газеты и журналы), которые вели на родном языке работу среди латышей, проживавших в советских союзных республиках, входили в общую систему организаций культуры и просвещения⁵².

Мы категорически не согласны с этим высказыванием латвийского ученого. Во-первых, владение русским языком у латышей (а особенно у эстонцев) в рассматриваемый период еще оставляло желать лучшего. Во-вторых, партийные, советские и профсоюзные органы, осуществлявшие культурно-просветительную работу, не всегда учитывали национальную специфику, что ухудшало качество этой работы. На наш взгляд, национальные партийные секции к началу 1930-х годов еще не выполнили своей главной задачи — полного приобщения выходцев из Прибалтики к нормам и ценностям советского общества, а потому упразднение этих секций было крупной политической ошибкой.

Но так или иначе, ликвидация национальных секций ВКП(б) вместе с начавшейся в тот момент коллективизацией значительно ускорили переход прибалтийских национальных групп к «этнографическому мультикультурализму».

Однако работа, проводимая с целью подъема уровня культурного просвещения национальных групп,

продолжалась. В январе 1932 г. при Западно- и Восточно-Сибирском краевых отделах народного образования были созданы специальные комитеты по просвещению национальных меньшинств, в задачу которых входило руководство всей культурно-просветительной работой, инспектирование национальных школ, издание учебников на родном языке.

Западно-Сибирский крайисполком в 1932 г. учредил штаты межрайонных национальных школьных инструкторов-методистов. Для латгалцев один инструктор на 50 школ. Конечно, это было очень мало, однако все же позволяло координировать всю школьную работу в латгалских деревнях⁵³.

Действенным средством улучшения работы школ и других учреждений стали массовые смотры и конкурсы, а также регулярные инспекции. Во время обследования эстонских школ Мариинского района Западно-Сибирского края в апреле - мае 1934 г. инспектор отдела национальных меньшинств крайисполкома отмечал: «Показательно поставлено трудовое воспитание в Юрьевской школе, где директором — Август Брук. Силами учеников делаются модели ткацкого станка, льномялки... Текущий ремонт парт, скамеек школа делает силами учеников. Организована переплетная мастерская. При Кайдулинской школе хорошо организовано общественное питание. Школа имеет 8 га посева, в том числе 5 га пшеницы. Полученный хлеб и продукты идут на улучшение общественного питания школьников. Краевую эстонскую газету «Коммунар» читают все колхозники и выписывают на каждый двор. Кроме этого, правление колхозов и отдельные колхозники выписывают центральные газеты на русском и на родном языках. Помещение правления колхоза «Leek» («Пламя») уютное, чистое. Там же организована читальня, особенно в образцовом порядке библиотека этого колхоза. Книги в библиотеке раздаются по бригадам и обмениваются»⁵⁴.

Наладилось издание учебной литературы. В плане издания латгалских учебников, утвержденных президиумом западносибирского комитета по делам издательства 8 мая 1934 г., значилось 10 наименований общим тиражом 12,5 тыс. экземпляров. В числе авторов «Арифметики» были С. Ероман и Гровер. «Книгу для чтения» и «Граматику» составлял Дацкевич, «Географию» - Лоц, «Обществоведение» - Межуль, «Естествознание» - Юргель и др. Предполагалось, что в первую очередь будут выпущены пять учебников для начальной и один для неполной средней школы, а во вторую - оставшиеся четыре учебных пособия. К этой работе активно подключились крайОГИЗ и типография, которым было поручено «обратить особое внимание на улучшение качества оформления учебников»⁵⁵. Однако напряженный труд людей, от которых зависела судьба учебников,

сделал свое дело. К новому 1934/35 учебному году было издано свыше 15 учебников по различным дисциплинам для латгальских школ⁵⁶. Что касается эстонцев, то эта задача для них была практически решена еще в 1931 году. Так, по данным краевого совещания национальностей Сибири, эстонские дети были обеспечены учебной литературой на 94%⁵⁷.

Близилась к своему разрешению проблема педагогических кадров, которая у латгальцев среди всех других балтийских национальностей была наиболее острой. Еще в начале 1935 г. в сводном балансе по педагогическим кадрам Западно-Сибирского края отмечался недостаток 23 учителей, у эстонцев не хватало только 2, а у латышей учительский корпус был полностью укомплектован. Однако уже к началу нового учебного года прибыли подготовленные в центральных и сибирских учебных заведениях специалисты: четыре выпускника Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, четырнадцать - Ачинского педтехникума, десять выпускников совпартшкол⁵⁸. Направленный для контроля в балтийские поселения инспектор крайоно С. Южак, посетив ранее недокомплектованные школы, с удовлетворением отмечал: «Потребности в педагогических кадрах для начальных школ нет»⁵⁹.

По сути дела за пятилетку произошел качественный скачок в деле народного образования балтийских народов. Успеваемость учеников в школах составляла в среднем 94%, посещаемость - 95%. Выборочное обследование, проведенное в 1935 г. в десяти школах, показало, что там имелось всего 26 второгодников. Активно работали драматические, хоры, физкультурные кружки и т.п.

Таким образом, несмотря на серьезные проблемы в сфере народного образования и организации культурно-просветительной работы, к середине 1930-х гг. прибалтийские поселения в Сибири обладали разветвленной сетью национальных школ, культурно-просветительных учреждений (клубы, избы-читальни, библиотеки, кружки и пр.), национальной прессой и сравнительно высоким культурным уровнем населения.

В целом, конечно, квалификация учителей и работников культуры была недостаточной. В процессе поисков только вырабатывалась методика обучения, не было четких критериев оценки знаний. Вместе с тем, важнейшим успехом можно считать то, что к концу 1930-х годов Сибирь стояла на пороге превращения в край сплошной грамотности, а балтийские поселенцы региона вместе со всеми трудящимися активно приобщались к советским культурным ценностям.

Яркой страницей в истории деятельности прибалтийских культурно-просветительных организаций

в Сибири стало творчество коллектива латгальского межколхозного театра, который был создан в ноябре 1934 г. по инициативе просветительского общества «Прометей» и редакции сибирской краевой газеты «Тайснейба».

Средства на организацию театра выделило общество «Прометей» и краевые организации. Местом постоянного пребывания театра был определен Ачинск Красноярского края. Первым режиссером театра был назначен П.Ю. Липен, которого вскоре сменила В.П. Спогис, а директором - Д.А. Цируль. Труппа в начальный период состояла всего из восьми артистов и комплектовалась из рабочей и колхозной молодежи. Профессиональное ядро составили закомандированные артисты из Ленинграда. Ими были И.И. Галван, В.А. Балцер, В.Е. Вуцан, М.Е. Логинов, А.А. Шкельгин, Т.С. Валько и др. При активной поддержке местных органов театр бурно развернул свою деятельность. В его репертуаре были спектакли на латгальском и русском языках, песни, частушки, народные танцы, художественное чтение. Действовал струнный оркестр. Только за год работы после своего создания театр обслужил все латгальские колхозы Западно-Сибирского и Красноярского краев, дал 196 спектаклей и 80 концертов, на которых присутствовало свыше 25 тысяч зрителей. Помимо чисто театральной работы, силами артистов было выпущено 36 стенных и 28 «живых» газет, прочитаны 72 лекции по общественно-политической тематике, организовано 16 деревенских драмкружков. Артисты сумели привлечь 170 человек подписаться на газету «Тайснейба» и 205 - на журнал «Цейняс Карогс»⁶⁰.

В 1937-1939 гг. по стране прокатилась волна репрессий. В эти же годы под ширмой борьбы против «национального демократизма» были закрыты некоторые выходившие в СССР газеты на языках народов Прибалтики. Также было покончено с изданием учебников и художественной литературы. Были ликвидированы издательства «Kulvaja», «Prometejs» и ряд других, обеспечивавших прибалтийские школы учебниками. Вынуждены были прекратить свою деятельность латышские и эстонские общественные объединения, а также учебные заведения. Например, в Ленинграде были закрыты Латышский сельскохозяйственный институт, Дом просвещения эстонских трудящихся им. В. Кингисеппа и ряд других. После закрытия общества «Prometejs» в числе изданий, подлежащих обязательному изъятию из библиотек общественного пользования, школ и книготорговой сети на латышском и латгальском языках, были книги Леона Паэгле, Р. Блаумана, Л. Лайцена и даже «Избранные латышские народные песни» Дайнаса. Был закрыт и латгальский межколхозный театр. К осени 1937 г. из 11 артистов, работавших в труппе, органа-

ми НКВД было арестовано 7 человек. Их судьбу разделил и директор Донат Цируль⁶¹.

17 декабря 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О национальных школах». В нем говорилось: «Признать вредным существование особых национальных школ (финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие и др.) на территории соответствующих республик. Предложить наркомпросам национальных республик реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа». На этом заседании было принято также решение «О ликвидации национальных районов и сельсоветов»⁶².

Осуждению и искоренению подлежало все, что было так или иначе связано с национальной самобытностью. На латышскую и эстонскую интеллигенцию в СССР обрушились жестокие гонения. Эстонский поэт Айн Раналээт, изобразивший в сборнике стихов «Вечерние села» труд и жизнь людей из эстонских поселений, был назван «контрреволюционным демократом». Его соотечественник, видный поэт и деятель культуры Оскар Куллеркупп, описывавший жизнь дальневосточных эстонских поселений и рассказывавший о трудолюбивых и зажиточных поселенцах, был сурово осужден, а его выступления заклеены как «славословие нацдемократизму»⁶³.

Отметим, что сам термин «национальный демократизм» неудачен и лишен конкретно-исторического содержания. Также нельзя говорить о буржуазном национализме, поскольку к середине 1930-х гг. в Советском Союзе класс буржуазии (как городской, так и сельской) фактически прекратил свое существование. Скорее всего, речь могла идти о борьбе с этническим партикуляризмом и протекционизмом, ко-

торые действительно имели место в прибалтийских сибирских поселениях.

Необходимо также подчеркнуть, что традиционная духовная культура переселенцев из Прибалтики в 1920-х - 1930-х годах несла в себе черты и развивавшейся советской культуры и культуры этнической родины дореволюционной эпохи. В условиях жесткого идеологического противостояния с национальными государствами Балтии последнее, наряду с иногда проявлявшимся национальным эгоизмом и бытовым национализмом выходцев из Прибалтики, могло послужить обоснованием для репрессий значительной части латышских и эстонских культурных кадров в конце 1930-х годов.

Несмотря на то, что переход обучения на русский язык и ликвидация национально-культурных учреждений привели к тому, что языковая и культурная жизнь прибалтийских переселенцев в Сибири оказалась парализованной, сохранение национально-культурных учреждений также неизбежно бы привело к негативным результатам, т.к. культурное доминирование русского большинства сделало существование национальных школ, клубов, театров и других культурных учреждений лишенным исторической перспективы. С другой стороны, создание в СССР плановой экономики и обобществление производства, которое проявилось в сельской местности в форме создания колхозов и совхозов, поставило в повестку дня и унификацию культурной жизни национальных групп. С этой точки зрения, ликвидация национально-культурных учреждений у балтийских национальных групп явилась сильнейшим культурно-адаптационным механизмом этих групп к конкретно историческим условиям 1930-х годов.

Примечания:

¹ Цит. по: Коровушкин Д.Г. Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2008. С.104, 112.

² Сборник статистических сведений по Союзу ССР (1918-1923 гг.). М., 1924. С. 50-51.

³ Veika A. Latviesu padomju skola Sibirija // Skola un gimene. 1973. № 4. 44. lpp.

⁴ Итоги демографической переписи населения 1920 г. по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. Омск, 1923. Вып. 2. С.102-103.

⁵ Из опыта работы латсекции в Енисейской губернии // Известия Сиббюро ЦК РКП(б). 1923. № 63. С. 53.

⁶ К практической постановке национальной проблемы в Омской губернии // Известия Омского губкома РКП(б). 1923. № 7. С.18-19.

⁷ ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 5. Д. 345. Л. 54.

⁸ ГАНО. Ф.1053. Оп.1. Д. 110. Л. 49; Д. 177. Л. 45.

⁹ Из отчета Совета национальных меньшинств при губоно о состоянии работы // Наш край. Омск, 1985. Ч. I. С.105.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 296. Оп.1. Д. 87. Л. 5.

¹¹ ЦДНИ ОО. Ф. 940. Оп.1. Д. 76. Л.130-131.

¹² ЦДНИ ОО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 330. Л. 65.

¹³ Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927 гг. Т.1. Ч. 2. Документы и материалы. М., 1984. С. 23.

¹⁴ Культурная жизнь в СССР. 1917-1927. Хроника. М., 1975. С.698.

¹⁵ Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа. Новосибирск, 1994. С. 119.

- ¹⁶ Там же. С.119-120.
- ¹⁷ Там же. С.120.
- ¹⁸ ЦДНИ ОО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 330. Л. 64, 64 об.
- ¹⁹ ГАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1630. Л. 43.
- ²⁰ Колоткин М.Н. Балтийские диаспоры Сибири... С. 122.
- ²¹ ГАОО. Ф. 1152. Оп.1. Д. 1166. Л. 5.
- ²² Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940 гг.). Таллин, 1977. С.93.
- ²³ Kolonijas latviesu // Latviesu konversācijas vārdnīca. R., 1933. 9. sej. 17142. sl.
- ²⁴ Бруцер А. Культурная работа среди латышей // Просвещение национальностей. 1932. № 2-3. С. 63-64.
- ²⁵ ГАНО. Ф.Р-859. Оп.1. Д.10. Л.110.
- ²⁶ Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири... С. 123.
- ²⁷ ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.783. Л. 22.
- ²⁸ ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.1519. Л. 25, 56.
- ²⁹ Культурное строительство в РСФСР. Т. 2. 1928-1941. Ч. I. Документы и материалы. М., 1985. С.109-114.
- ³⁰ Трофимов П.Л. К истории введения начального обучения в Западной Сибири (1930-1933 гг.) // Культурное строительство в Сибири в 1917-1960 гг. Сибирь в эпоху строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск, 1962. Вып. I. С. 104-116.
- ³¹ ГАНО. Ф.Р-859. Оп.1. Д.1. Л. 39.
- ³² ГАНО. Ф.Р-859. Оп.1. Д.232. Л.1; Д.52. Л.27, 68.
- ³³ Бруцер А. Культурная работа среди латышей. С. 62.
- ³⁴ ГАОО. Ф.1152. Оп.1. Д.1167. Л. 52.
- ³⁵ Там же. Л. 28.
- ³⁶ Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири... С. 122.
- ³⁷ Skilters K. Latkoloniju vesture. M., 1928. 137. lpp.
- ³⁸ ЦДНИ ОО. Ф. 940. Оп. 2. Д.112. Л.185.
- ³⁹ Бруцер А. Культурная работа среди латышей. С. 63.
- ⁴⁰ Там же. С. 61.
- ⁴¹ Вийкберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири (Возникновение, изменения, контакты). Таллин, 1986. С. 25.
- ⁴² ГАОО. Ф. 940. Оп.2. Д.112. Л.162.
- ⁴³ ГАОО. Ф. 318. Оп.1. Д.1152. Л.1-53.
- ⁴⁴ Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940 гг.)... С. 31.
- ⁴⁵ ГАНО. Ф. 392. Оп.1. Д.445. Л. 25.
- ⁴⁶ ГАНО. Ф. 392. Оп.1. Д.443. Л.11.
- ⁴⁷ Ядринцев Н.М. Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири // Неделя. - 1878. - № 3.
- ⁴⁸ Spreslis A. Latviesu sarkangvardi cīņa par padomju varu 1917. - 1918. gada. - Rīga, 1987. 25. lpp.
- ⁴⁹ Енисейская мысль. 1915. 29 января.
- ⁵⁰ ЦДНИ ОО. Ф. 940. Оп.1. Д. 76. Л.72 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 3, 4.
- ⁵² Раевский В. Латышские секции РКП(б) (1917-1925 гг.). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Таллин, 1977. С. 37.
- ⁵³ ГАНО. Ф. 47. Оп.1. Д.1599. Л. 25.
- ⁵⁴ ГАНО. Ф. Р-724. Оп.1. Д.3. Л. 53.
- ⁵⁵ ГАНО. Ф. 47. Оп.1. Д.2151. Л. 198.
- ⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-859. Оп.1. Д.194. Л. 27.
- ⁵⁷ ГАНО. Ф. Р-61. Оп.1. Д.1234. Л. 18.
- ⁵⁸ ГАНО. Ф. Р-859. Оп.1. Д.87. Л. 139-140.
- ⁵⁹ ГАНО. Ф. Р-61. Оп.1. Д.1323. Л. 29.
- ⁶⁰ Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири... С.129-130.
- ⁶¹ Там же. С.134.
- ⁶² Галущенко О.С. Из опыта межнациональных отношений в Молдавской АССР // Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации: (Материалы «круглого стола»). Кишинев, 1999. С. 57; РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 994. Л.15.
- ⁶³ Пяль Э. Воспоминания и размышления // Коммунист Эстонии. 1989. № 4. С. 101.

К 150-летию переселения корейцев в Россию

Н.Ф. Бугай*

СОВЕТСКИЕ КОРЕЙЦЫ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ И ЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ КАК ГОСУДАРСТВА¹

В 2014 г. исполняется 150 лет добровольного переселения корейцев в Россию, в районы Приморья. За полтора века корейцы внесли заметный вклад в приумножение экономического и духовного потенциала в Советском Союзе и в России. Российские корейцы принадлежат к той этнической общности, история которой еще далеко не исследована и хранит многие неизвестные страницы. Одной из таких страниц является и выполнение советскими корейцами интернационального долга в КНДР в период войны 1950–1953 гг.

Изучение проблемы российских корейцев в системе межнациональных отношений в Российской империи, Советском Союзе, России позволило выделить в качестве самостоятельной такую важную, имеющую не только научное, но и практическое значение тему как восприятие этнической общности. Дело в том, что перестройка систем управления обществом, межэтническими отношениями, коренные изменения в бывшем Союзе ССР, а затем и его ликвидация обострили вопросы взаимоотношений между этническими общностями в целом. Это поставило задачу досконального изучения истории этнических общностей, что актуально в плане формирования самосознания и национального сознания в условиях современной России.

История распорядилась таким образом, что в 1950–1953 гг. из одной общей корейской государственности возникло два государства, с разной судьбой, зоны разделенного влияния Союза ССР и США. В 1946 г. последовало обращение руководства Кореи в ЦК ВКП(б) с просьбой направить группу опытных специалистов для решения хозяйственных задач, организационных вопросов по созданию государственности – КНДР. Данные о количестве направлявшихся советских корейцев разнятся. Так, по сведениям Д.В. Мен, их планировалось направить только из Казахстана и Узбекистана – 1000 человек². В

связи с этим заслуживает внимания документ, приведенный автором статьи:

«Справка

О количестве коммунистов-корейцев в партийных организациях Алма-Атинской, Кзыл-Ординской и Талды-Курганской обл.

(по состоянию на 01.01.1946 г.)

Область	Членов ВКП(б)	Кандидатов в члены ВКП(б)	Всего
Алма-Атинская	72	28	100
Кзыл-Ординская	488	158	646
Талды-Курганская	236	101	337
Итого:	796	267	1083

Инструктор оргинстр. отдела ЦК КП/б/ К. Тасеменов.

Краткая справка. В связи с усилением противостояния на Корейском полуострове между Севером и Югом, которых олицетворяли диктаторы Ли Сын Ман и Ким Ир Сен, возникло множество проблем и противоречий, которые разрешались не в весьма эффективной форме – вооруженным путем. 9 сентября 1948 г., на Севере Кореи коммунисты провозгласили Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР) во главе с Ким Ир Сенем.

Оба правительства Кореи претендовали на управление всей страной. ООН провозгласила правомочность южнокорейского правительства. 25 июня 1950 г. возникшее противоречие по вопросу оформления власти вылилось в войну, закончившуюся захватом Севером Сеула.

Каждое корейское правительство видело главную задачу в безотлагательном объединении под своей эгидой всей страны.

Фактически война разразилась на территории одной страны между образовавшейся на Юге самостоятельной Республикой Корея («Тэхан Мингук») и Севером, поло-

* Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва).

жившим начало КНДР. Тогда руководство Союза ССР, верное идее мировой революции, ее распространению дальше на Восток, оставалось на стороне КНДР. Все это содействовало созданию на Севере страны мощных вооруженных сил. Только в сентябре 1950 г. армия Южной Кореи перешла в наступление. В октябре 1950 г. войска ООН заняли Пхеньян.

На стороне Пхеньяна выступала армия Китая. Военные события завершились в июле 1953 г. 27 июля 1953 г. было подписано перемирие в Пханмынджоме. В Корейской войне была поставлена точка. Соглашение восстановило границу между Северной и Южной Кореей по 38-й параллели. Попытка заключить мир в Женеве в 1954 г. завершилась неудачей. В период войны погибло около 2,5 млн корейцев, было разрушено более 80 % жилого фонда, промышленной и транспортной инфраструктуры обоих государств.

Взаимное доверие на Корейском полуострове было подорвано. Напряженность между Севером и Югом сохраняется до сих пор, время от времени, то затихая, то обостряясь. Республика Корея заключила договор с США о взаимной обороне. Объединение Кореи пока не получается. Юридически договор Южной и Северной Кореи 1953 г. мирным не является, то есть полуостров до сих пор пребывает в состоянии войны.

Местные партийные и советские органы власти ориентировались главным образом на подготовлен-

ных специалистов из советских корейцев. Затем численность корейцев, планировавшихся к командированию, возросла. После определенной организационной работы со второй половины 1940-х и по начало 1960-х годов были отправлены, по сведениям Д.В. Мен, 428 человек³. Из 438 человек, по данным Тянь Хак Пон, им были выявлены поименно 239 советских корейцев, пребывавших временно в Корее⁴. При окончательном решении вопроса о кандидатуре для поездки в Корею имели случаи отказов по разным причинам, как и случаи возвращения советских корейцев уже отправленных в Корею.

По данным З.П. Вашуриной, к моменту провозглашения КНДР (9 сентября 1948 г.), на территории Северной Кореи насчитывалось «несколько сотен советских корейцев»⁵.

Самими корейцами направление их в КНДР рассматривалось как задание партии и Советского правительства, как исполнение интернационального гражданского долга, вызванного потребностями строившегося поистине братского государства. В данном случае советские корейцы вовлекались в исполнение таких важных стратегических задач, вызванных к жизни самим развитием событий войны, как подготовка военных кадров, оказание помощи военными советниками и специалистами братской стране в решении разного рода вопросов военного строительства, управления отраслями экономики, общественно-политической жизнью, обучением военных кадров. Это была и бескорыстная помощь КНДР. По этому поводу профессор А. Ланьков замечает: «В экономическом отношении советские власти должны были поддерживать функционирование северокорейской экономики, обеспечивать потребности населения в продовольствии и товарах первой необходимости, организовать проведение неотложных восстановительных работ и поддержание общественного порядка. Это были непростые задачи»⁶.

И после окончания войны корейцы как советские специалисты и советники оставались в КНДР, оказывая помощь в первую очередь в решении народно-хозяйственных задач, подготовке военных кадров. Правительство КНДР высоко оценивало их труд, свидетельством чего явилось награждение около 100 из них высокими наградами КНДР⁷.

Несомненно, создание 3 октября 1945 г. Советской гражданской администрации (СГА) в Пхеньяне позволяло учитывать каждого из прибывавших советских корейцев. 26 августа 1945 г. штаб 25-й армии прибыл в Пхеньян. Как свидетельствуют источники, первая мобилизация советских корейцев для работы в КНДР началась также в августе 1945 г., т.е. задолго до начала войны на Корейском полуострове.

В первую очередь призыв распространялся на подготовленный и образованный контингент корей-

ского населения. В сентябре 1945 г. в Пхеньяне в распоряжение Штаба советской 25-й армии направилась первая группа советских корейцев в составе 12 человек⁸. Это были, главным образом, ранее служившие в армии. Возглавляли группу майор Михаил Кан и капитан О Ки Чхан. Так, в составе первой группы оказался участник боев за освобождение Кореи от японских захватчиков в 1945 г. **Тен Сан Дин (Юрий Данилович)**. За мужество и отвагу награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны.

Направлялся в Пхеньян как советник и консультант. Работал зав. кафедрой русского языка и литературы Университета им. Ким Ир Сена. В последующем был выдвинут на пост заместителя министра культуры и пропаганды КНДР. Возвратился в Союз ССР и занимался преподавательской деятельностью в Алма-Ате, проводил большую работу по мирному демократическому объединению Кореи⁹.

В сентябре 1945 г. в Пхеньяне отбыл бывший секретарь крайкома ВКП(б) А.И. Хегай (Хо Га И)¹⁰, возглавивший в последующем многие партийные и государственные органы власти и ставший заместителем министра внутренних дел КНДР в чине генерал-лейтенанта¹¹.

В обязанности интернационалистам вменялось установление контактов с населением региона, общественно-политическая работа, в том числе в качестве переводчиков, цензоров и др. Численность советского контингента в Корее заметно возрастала. Следует учитывать, что многие из грамотных корейцев, проживавших в Средней Азии, направлялись в качестве переводчиков также в Приморский и Хабаровский края. Одним из таких был, например, Юн Сан Хым, владевший в совершенстве корейским, китайским и японским языками. После окончания войны 1950–1953 гг. он был в числе первых, кто направлялся на важный идеологический участок работы¹².

Состоялись и другие назначения советских корейцев на государственные должности КНДР. Так, Пак Чан Ок являлся членом политбюро ТПК и заместителем председателя кабинета министров, Нам Яков — министром иностранных дел, Ким Сын Хва — министром строительства, Ли Иван — заместителем министра иностранных дел КНДР, Мун Эрик Александрович — секретарем самого Ким Ир Сена¹³.

Разведчик Юн Сан Чоль возглавил оперативное управление Генерального штаба КНА. Пак Пен Юль стал руководителем политического училища в Кантоне. Ким Чхан (из советских корейцев) работал, занимая высокий пост в финансовом управлении КНДР, и др.

Как замечает командующий 25-й армией Г.И. Коротков, «Сталин выдвигал на руководящие посты исключительно послушных ему людей». При этом главным критерием являлась преданность. Такое внимание объяснялось и тем, что Корея в целом

рассматривалась советским руководством как форпост социализма в Восточной Азии. Службу безопасности КНДР возглавил в то время прибывший в 1947 г. из Союза ССР Пак Хак Се.

Сразу же осенью 1948 г. соединения Красной Армии оставили территорию КНДР, начиналось ее возрождение.

Некоторые из советских корейцев прославили себя в Корейской войне 1950–1953 гг. Известно имя Героя КНДР советского корейца Ан Владимира Степановича (Ан Дон Су).

Ан Дон Су (Ан Владимир Степанович) родился 6 августа 1920 г. в сел. Поповагора (Барабаш) Посьетского района Приморского края. Совместно с родителями был переселен в Узбекистан (1937 г.), где родители трудились в колхозе им. М. Буденного (Нижнечирчикский р-н Ташкентской области). Здесь он завел семью, окончил Ташкентский пединститут по специальности «Преподаватель русского языка и литературы». Был слушателем в Чирчикском танковом училище.

По призыву ЦК КПСС в октябре 1947 г., оставив семью (жену и троих детей), убыл в составе группы советских корейцев добровольцем в Корею. В возрасте 27 лет он, как и многие другие корейцы, с достоинством и честью исполнял свой интернациональный гражданский долг.

Будучи в Корее, Ан Дон Су преподавал в Высшем военном училище в Нампхо (ныне это Военная политическая академия им. Ким Ир Сена). Был главным редактором армейской газеты «Чосон мингун».

Владимир Ан, сражаясь в рядах Национальной Армии Кореи в чине старшего полковника, участвовал во многих военных операциях на территории Южной Кореи, проявляя храбрость и мужество. Он один из активных участников боев за взятие Сеула (1950 г.). В этом наступлении его танковая колонна уничтожила 200 орудий противника, что позволило молниеносно овладеть важным опорным пунктом Ёджонбу.

31 июля 1950 г. начальник политотдела 105-й танковой дивизии КНА, старший полковник (применительно к Советской Армии приравнивалось к чину бригадного генерала) Ан Дон Су героически погиб. Сообщалось об этом прискорбном событии как в прессе Кореи, так и Советского Союза (газета «Правда», собкор С. Борзенко). Как истинный патриот своей родины, подготовленный военный специалист Ан Дон Су, проявляя примеры мужества и храбрости, выполнял с достоинством долг гражданина Советского Союза.

31 июля 1950 г. Указом Президиума ВНС Ан Дон Су (Ан В.С.) было присвоено посмертно звание — Герой КНДР, с наградами Золотой медалью Героя КНДР и орденом Государственного знамени 1-й степени «За проявленное мужество на полях сражений в годы войны в Корее».

Во всех отношениях (грамотность, любознательность, широкая эрудиция, спортивная подготовка) он достоин подражания. Ан Дон Су, как и другие советские корейцы, может служить примером беззаветной любви к своей Отчизне, готовности на самопожертвование во имя священного дела. И это не могло быть не замеченным со стороны командования НОА КНДР.

Совет Министров СССР постановлением от 6 мая 1952 г. № 2188-823 разрешил корейцам вступать в советское гражданство. В условиях войны в 1952 г. в советское гражданство вступили 2580 человек. Разрешался выезд в Северную Корею. До сентября 1954 г. советское гражданство было принято 1800 корейцами. На рассмотрении в 1956 г. находилось 241 заявление¹⁴.

Судя по всему, у корейского руководства была определенная заинтересованность в высококвалифицированных кадрах. Оно всеми способами старалось задерживать опытных специалистов из советских корейцев в КНДР. Были арестованы по сфабрикованному делу без каких бы то ни было объяснений, пояснений начальник инженерного управления Министерства национальной обороны Северной Кореи, Герой КНДР генерал-майор КНДР, награжденный многими медалями и орденами Советского Союза (в Вооруженных силах СССР служил с 1934 г., кадровый офицер, капитан) и КНДР¹⁵ Пак Киль Нам (Пак Николай Николаевич)¹⁶, бывший начальник автобронетанкового Управления войск КНА Пак Ир Му (причиной ареста также выступало — «преступление по службе»).

В числе интернационалистов был и Ли Не Сек (И Не Сек), занимавший должность заместителя министра сельского хозяйства КНДР. Еще в 1946 г. он был также рекомендован для работы в КНДР и направлен в аппарат Министерства сельского хозяйства, проработав в этой должности более десяти лет. Он, как и другие известные политические деятели, и отдельные военачальники, принял в 1956 г. гражданство КНДР, что послужило основой для дальнейшей учебы в Тимирязевской сельхозакадемии в г. Москве. Однако в 1959 г. он был отозван в КНДР. О его дальнейшей судьбе, как и о его смерти, неизвестно... Семья его пребывала в г. Иванове. Одним словом, Ли Не Сек пережил репрессии дважды: и в Союзе ССР в 1937 г., и непосредственно в Корее — в 1959 году.

Конечно, повышенный интерес корейской стороны вызывали высокопоставленные руководители разных государственных сфер управления. В целом на службе в государственном аппарате КНДР на более длительный период, по данным документов, имеющих в архивах, оставались 11 советских корейцев.

Созданная нервная обстановка по случаю отъезда в СССР советских корейцев осложняла отношения на межгосударственном уровне.

В определенной мере они становились напряженными. Это не могло не обеспокоить и Посольство

СССР в КНДР. По заданию руководства СССР Посол Советского Союза в КНДР А. Пузанов¹⁷ провел ряд встреч с руководством МИД КНДР. 6 сентября 1956 г. состоялась очередная встреча и с Министром иностранных дел КНДР Нам Иром (также представитель советских корейцев). Однако после проведенных консультаций с корейской стороной получить вразумительный ответ о возможности выхода из сложившейся обстановки не удавалось. На все вопросы ответы корейской стороны носили особо уклончивый характер.

Однозначно, сказались обострение политической борьбы между различными фракциями в партии, введение в северо-корейскую политическую практику понятия «чучхе» («сам себе хозяин»), опоры на истинно корейские культурные и моральные ценности, превосходство всего корейского над зарубежным¹⁸.

Полагалось, что все возникавшие вопросы будут урегулированы на готовившемся на август 1956 г. Пленуме ЦК КТП¹⁹. В это же время корейская сторона занялась активно «сбором компромата на высокопоставленных руководителей и военачальников, главным образом, из советских корейцев». Эти вопросы принимали вялотекущий характер, хотя отдельными группами советские корейцы убывали в Союз ССР.

Образцом исполнения своего гражданского долга перед родиной в это сложное время был *Эм Николай Иванович* (Ом Сын Нер), который направлялся в группу переводчиков в рядах Красной Армии на фронт в 1950 года. Тяжелая судьба выпала на его плечи, как и его сверстников, сопряженная и органичная с событиями той войны.

Николай Эм родился 11 марта 1908 г. в бедной семье горняка в г. Сучан Дальневосточного края. В 1930 г. был направлен Далькрайпромкомом комсомола на учебу в Москву; в августе 1931 г. МК ВКП(б) — в Московский плановый институт Госплана СССР им. Г.М. Кржижановского, где он проучился до 1935 г. Во время учебы прошел Высшую воинскую подготовку. В Москве Н. Эм женился во второй раз. Во время принудительного переселения занимал в Средней Азии разные должности, в сфере планирования хозяйства, в Госплане Узбекской ССР.

После окончания Великой Отечественной войны вместе с частями 25-й Советской армии в качестве переводчика и инструктора был направлен в Северную Корею (г. Пхеньян). И здесь ему пришлось занимать высокие государственные посты. С апреля 1947 г. Н. Эм работал в должности первого заместителя председателя Госплана КНДР, затем заместителя председателя Совета Министров КНДР и Главнокомандующим вооруженными силами республики²⁰.

Трудился Н.И. Эм до тех пор, пока не подвело его здоровье. Сказались полученные ранения в ходе военных сражений. Он находился на излечении в гос-

питале Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в Пхеньяне, и, конечно, настаивал на том, чтобы его отправили в Советский Союз.

Разумеется, что тогдашнее руководство Кореи (Ким Ир Сен²¹ и др.) не поддерживало идею о его отъезде, как некоторых других крупных государственных и военачальников, в Советский Союз. Вообще к тем из советских корейцев, кто не желал принимать корейское гражданство, как свидетельствуют источники, «отношение носило негативный характер». И таких было много, что вызывало зачастую и раздражение с корейской стороны, преследовавшей свои цели.

Каким же образом Николаю Эм удалось переехать в Советский Союз? И жена, и врачи госпиталя настаивали на необходимости смены климата в целях выздоровления. Н. Эм было разрешено возвратиться на лечение (1955 г.), хотя в этот же период и жена, и дети оставались в КНДР. Некоторое время спустя пришло к ним известие о тяжелом состоянии здоровья отца. В 1956 г. семья выехала на свидание с отцом и в Союзе ССР оставалась навсегда.

После выздоровления Николай Эм посвятил себя работе в Госплане СССР, оставаясь добросовестным работником, затем он был известен на преподавательской работе, возглавив одно из высших учебных заведений. В последующем и Н.И. Эм, и его супруга — Любовь Иосифовна Пак — были пенсионерами союзного и республиканского значения.

Занимаемые советскими корейцами посты в государственных структурах КНДР в 1950-е годы в сфере образования, на службе в Народной Корейской Армии свидетельствовали, в первую очередь, и о высоком доверии, и уровне их профессиональной подготовки. Пребывание советских корейцев на многих постах по службе в армии объясняется и предшествующим периодом перед Великой Отечественной войной 1941–1945 годов. Обязательным правилом в корейской семье и в 1920-е, и в 1930-е годы было дать образование детям²².

Особая тяга у молодежи была к военной службе, они отличались и стремлением к исполнению воинского Устава, и прилежанием, и увлеченностью познания военных наук. В какой-то мере обучение в военных училищах давало возможность молодому корейцу и сократить расходы семьи и стать самостоятельно на жизненный путь. Не случайно то, что многие из корейцев становились руководителями в разных сферах: и народном хозяйстве, и образовании, и военной деятельности, приобретая к этому и богатый жизненный опыт.

Именно такой путь проследовал до середины 1940-х годов известный военачальник из советских корейцев, уже упоминавшийся бывший партизан Ли Хо Гу до появления в Корее, куда он был откоманди-

рован в Хейдзио (Пхеньян) в октябре 1945 года. Тем не менее, до этого длительное время он прослужил военным инструктором в звании майора в Китайской революционной армии, затем, по указанию советника Китайской революционной армии К. Блюхера, в 20-м Хэйлунском корпусе (провинция Хулуцзян) принимал участие в Наньчанском восстании против власти Гоминьдана, в Кантонской Коммуне (1927), пережив ее поражение, и после возвращения из Китая — в 76-м Карельском полку 26-й дивизии. И в 1929 г. вновь на Дальнем Востоке, являясь командиром взвода 8-й роты, участвовал в подавлении возникшего конфликта на КВЖД.

После демобилизации по возрасту (1933 г.) и до 1936 г. Ли Хо Гу обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока (г. Москва). Затем был направлен в Уссурийский облисполком (г. Никольск-Уссурийский), где возглавил отдел национальных меньшинств. Спустя некоторое время директорствовал в средней школе г. Намангана, и с 1940 г. по 1945 г. работал директором Бухарского государственного музея.

Фактически с 1945 г. у Ли Хо Гу начался новый этап жизни — военный. В течение трех последующих лет он работал военным переводчиком и одновременно цензором печати при Штабе Советской гражданской администрации (СГА), которая как раз брала на себя текущее управление хозяйственной и политической жизнью Северной Кореи. Руководили с октября 1945 г. этим огромным хозяйством генерал-майор А.А. Романенко и генерал-полковник Т.Ф. Штыков — член РВС Дальневосточного фронта. В начале 1940-х годов Штыков занимался принудительным переселением финнов-ингерманландцев²³.

В 1949 г. Ли Хо Гу уже служил (до 1953 г.) в звании генерал-майора и в должности начальника Уставного отдела и отдела по изучению боевого опыта КНА Министерства национальной обороны КНДР. В сентябре 1953 г. назначался заместителем председателя ЦК Общества корейско-советской дружбы и занимал этот пост до февраля 1961 г., когда убыл в Советский Союз²⁴.

Генерал-майор из советских корейцев Ли Хо Гу был удостоен высоких наград Родины и КНДР: медали «За освобождение Кореи», медали в ознаменование 30-й годовщины Советской Армии и Флота, ордена КНДР «За свободу и независимость 2-й степени» (1951), ордена «За свободу и независимость 2-й степени» (1953), Государственного ордена 2 ст. (1958).

«Энциклопедия корейцев России» (М., 2003) представила читателю богатую информацию еще об одном генерал-лейтенанте из советских корейцев — Хван Валентине Ивановиче. По известным причинам кадровый военный не смог убыть на фронт в 1941 году. В годы войны он закончил Среднеазиатский госуниверситет (г. Ташкент). Спустя три месяца пос-

ле окончания Великой Отечественной войны он по призыву убыл на Дальний Восток, на войну с милитаристской Японией, а затем продолжал службу в 25-й армии (генерал-полковник И.Н. Чистяков), являясь и переводчиком, и парторгом воинского соединения.

В 1948 г. по получении очередного воинского звания — полковника — он назначается зам. начальника военно-политического училища по строевой части (в районе г. Нампфо). В январе 1949 г. в чине генерал-майора В.И. Хван становится начальником штаба пограничных войск Северной Кореи. Участвовал в боях 1-й армии против 24-й американской механизированной бригады, в захвате г. Сеула. Был ранен. 27 июля 1953 г. закончилась война, однако В. Хван оставался на действительной службе до 1956 г. и в 1957 г., как и многие другие корейцы-офицеры, возвратился в Советский Союз (Узбекистан)²⁵.

Руководство КНДР на начальном этапе выразило полное согласие с заявлением советских корейцев об их выезде в Советский Союз. Однако по мере приближения конкретного решения вопроса, перевода его из вербального состояния в практическую плоскость, начинались всевозможные инсинуации с корейской стороны по задержанию репатриантов на территории КНДР. Значительное влияние на отношения внутри самой КНДР оказали и решения XX съезда КПСС о культуре личности. Фактически в КНДР отмечались процессы сродни тем, которые испытывали и народы в Союзе ССР: подозрение, шпиономания, преследование, расправы и т.д.

Все это пришлось испытать и советским корейцам, занимавшим высокие посты в государстве — КНДР.

По данным Д.В. Мен, в этом молохе оказались «несколько десятков корейцев из СССР: Цой Чон Хак, генерал-полковник, начальник Главного политического Управления КНА; Тен Хак Чун — генерал-лейтенант артиллерии, И Чо Ин — генерал-лейтенант связи, Цой Вон — генерал-майор, Ким Вон Гиль — генерал-майор, Цой Хон Хук — генерал-майор, Ким Тхэ Гон — генерал-майор авиации, Пак Чан Вон — генерал-майор, Ким Ман Сок — генерал-майор, Ким Чил Сен — контр-адмирал, Ким Чор У — генерал-майор и многие другие. Многие из генералов были освобождены от занимаемых должностей: генерал-лейтенант Ки Со Бок, генерал-лейтенант Кан Сан Хо, генерал-майор Пак Николай Николаевич, генерал-майор Чен Юрий, генерал-майор Чен Иван и другие»²⁶.

К сожалению, в исторической литературе об этом периоде жизни советских корейцев содержится скудная информация, однако она говорит о многом и о многих из тех корейцев, кому предстояло пережить в ряде случаев фактически повторную репрессию. Это

свидетельство мужества советских корейцев, исполнявших по заданию партии и Советского правительства свой гражданский долг, и заслуживает высокого доверия. Их поступки в то время — свидетельство гордости за свое Отечество — Советский Союз, с которым были связаны долгие годы жизни, которому они каждый в отдельности на своем посту посвящали себя. Они были верны его идеалам. Не случаен тот факт, что они стремились к возвращению в Союз ССР, используя для этого любую возможность, хотя при этом проблема разделенной родины всегда волновала их. Они мечтали видеть Корею единой.

По окончании действия конвенции об определении гражданства (март 1959 г.) часть из советских корейцев, кто был призван оказать помощь КНДР в условиях развязанной Корейской войны в начале 1950-х годов, избирала гражданство Союза ССР²⁷.

Список многих советских корейцев, исполнявших свой гражданский и интернациональный долг в 1950-е годы, 10 октября 1959 г. был представлен заведовавшим консульским отделом посольства Союза ССР в КНДР Б. Захарьиным в письме в МИД СССР на имя заместителя Министра иностранных дел Г.М. Пушкина²⁸.

В числе руководителей многих государственных структур КНДР им были названы: Хе Ик — бывший директор высшей партшколы КНДР, Огай Сен Хва — заместитель главного арбитра КНДР, Ким Ен Чер — бывший начальник Отдела кадров по проверке технической квалификации комсостава, Ли Ен Бар — бывший начальник центральной школы по подготовке кадров МВД КНДР, Ли Дон Су — начальник 4-го Управления МВД КНДР, Ким Чан Гук, Ли Ден Дон — сотрудники управления контрразведки, Ю Сон Чоль — в 1941 — 1946 гг. сотрудник советской разведки, в 1948—1956 гг. — начальник оперативного управления Генштаба КНА, О Ги Хын — заместитель начальника Министерства связи КНДР, Ан Ун Ген — декан факультета связи Института народного хозяйства КНДР, Тен Дон Хек — бывший научный сотрудник Управления информации при Кабинете Министров КНДР, Тен Чер У — командир 10-й танковой дивизии (4-я армия), начальник управления местным строительством Министерства строительства КНДР, Пак Пен Юр — бывший начальник Управления Министерства рыбной промышленности КНДР, Пак Пен Юль — директор политического училища в Кандоне (вблизи Пхеньяна), готовившего кадры для нелегальной деятельности на юге страны, Чен Иван Васильевич — бывший заместитель главного редактора русского издательства, отдела литературы на иностранных языках, Сим Бон Су — бывший главный инженер Управления механизации сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства КНДР, Пак Ир Му — начальник автобронетанкового Управ-

ления МВД КНДР, Нам Чен Сег — бывший начальник Финансового управления МВД КНДР, Ким Вон Киль, Тен Сан Дин — заместитель министра культуры КНДР, Ким Чан — работник управления финансов, Хан Сенчен — бывший начальник ЦСУ КНДР²⁹.

В представленном списке также значились высокопоставленные военачальники:

- Ким Хан Чон — генерал-майор, бывший начальник Политического управления 2-го Южного корпуса НКА;

- Ли Сехо — бывший начальник Военно-морского училища КНДР;

- Юн Сенчер — генерал-майор, бывший начальник оперативного отдела НКА;

- Пак Кильнам — генерал-майор, начальник Инженерного училища — НКА;

- Ким Дон Хак — генерал-майор, бывший начальник Управления тыла, генерал внутренних дел КНДР;

- Цой Хак Ир — генерал-майор, бывший начальник политотдела военной академии КНДР;

- Хехай А. — Кан Санхо — генерал-лейтенант, советский журналист и партийный работник занимал ряд постов: зам. министра внутренних дел и др., бывший главный член корейско-китайской стороны в Военной комиссии по перемирию в Корее;

- Нам Се Мен (Цой Вон Ир) — генерал-майор;

- Цой Пхе Дек — главком бронетанковых войск, генерал-майор.

Тян Хак Пон (был министром просвещения КНДР) в своей книге информирует и о других военачальниках — советских корейцах, служивших в КНДР. Список пополняется и Ким Таном (1912—1974), Ким Дон Су — генерал-майором внутренних дел (1910—1996), начальником внутренних дел Пхеньяна, Ким Дон Чосо — генерал-майором Военной прокуратуры КНДР, Ким Чир Ун — генерал-майором органов госбезопасности, Ким Хан Чон (1915—1978) генерал-майором политотдела НОА КНДР, Ри Чун Бек — генерал-майором и командующим отдельным соединением НОА КНДР, Юн Сун Бок — генерал-майором полиции КНДР³⁰.

Значительный контингент корейцев был занят в научной сфере КНДР, особенно в гражданских вузах. По этому поводу исследователь О. Мальцева пишет: «После освобождения Кореи в 1945 г. в Пхеньяне находилось много советских корейцев, преподающих в образовавшемся тогда национальном Университете им. Ким Ир Сена, и в открывшемся потом Институте иностранных языков»³¹.

Одним словом, они были, по их убеждению, творцами добрых дел, направленных на утверждение государственности значительной части их соплеменников, строивших социалистическое общество на одной из частей Корейского полуострова. Их поступ-

ки, их дела были полны благородства и стремления оказать помощь в решении первостепенных дел по упрочению КНДР.

В ту пору в должности заместителя министра просвещения КНДР значился Тен Гук Нок³². Родился Тен Гук Нок 29 ноября 1916 г. в Корее в г. Менчон (провинция Северный Хамген) в бедной крестьянской семье. Весной 1920 г. вместе с бабушкой он оказался в России. Здесь уже были его отец и дед. Тен Гук Нок в России оканчивает среднюю школу и поступает в Корейский педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Однако завершить обучение в вузе пришлось уже в Казахстане, куда семья вместе с другими корейскими семьями была принудительно выселена в 1937 году. Затем Тен Гук Нок учился в Институте марксизма-ленинизма и одновременно работал директором 12-й корейской средней школы им. В.И. Ленина Янгиюльского района Ташкентской области.

Как опытный специалист, в ноябре 1945 г. Тэн Гук Нок был направлен для службы в составе 25-армии, принявшей активное участие в судьбе Кореи. С июля 1946 г. как интернационалист он становится преподавателем Центральной политической школы руководящих кадров Временного Народного Комитета, а в последующем работал в газете «Совет синбо», далее — фронт и возвращение в Пхеньян. Длительная болезнь сыпным тифом. После выздоровления становится редактором газеты «Минчжу Чосон». Словом, сражался Тен Гук Нок с врагами, мобилизуя на подвиги солдат.

За безупречную работу был удостоен наград ордена Государственного знамени 3-й степени, ордена Труда, ордена труда Монгольской Народной Республики, медалями «За освобождение Кореи», «За победу над Японией». И уже после войны в январе 1954 г. Тен Гук Нок был назначен на пост заместителя министра просвещения КНДР, работал в этой должности до декабря 1954 года.

С января 1955 г. был призван на службу в 899-ю бригаду КНДР и назначен членом Военной комиссии по перемирию в Корее в чине генерал-майора, а в июле стал Главой Корейско-Китайской делегации этой же Комиссии. Это стало событием, освещавшимся многими средствами зарубежной массовой информации. Работу самой Комиссии отслеживали многие международные информационные агентства. В наших руках воскресный выпуск Svenska Dagbladet («Шведская дневная газета») за 7 июля 1957 года. На ее страницах представлены информационные материалы о работе Комиссии с портретом генерал-майора Кореи Тен Гук Нок.

Объем работы в Комиссии заметно возрастал: согласование позиций с участниками комиссии, представляющими интересы других государств, выработка положений соглашения по итогам войны, опреде-

ление перспективных направлений для развития Северной Кореи и др. Опыт и знания как педагога, организатора пригодились как никогда. Тен Гук Нок имел многие контакты с соответствующими службами организации работы Комиссии, всегда был в курсе происходящего, вносил необходимые коррективы. Проживал в Кессоне, занимал также должность советника в Министерстве иностранных дел КНДР (1958–1961 гг.). Умер в Москве в 1988 году.

Несомненно, генерал-майор Тен Гук Нок внес заметный вклад в становление Корейской государственности. В СССР работал на Гостелерадио СССР переводчиком высшей категории. Как переводчик высшей категории приглашался для проведения переговоров и сопровождения Корейской делегации, принимавшей участие в работе XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза, проходившего в Москве 24 февраля – 5 марта 1976 года.

Тен Гук Нок был незаурядной личностью, занимался переводом произведений А.С. Пушкина, Ю.М. Лермонтова, сам же писал стихи и публиковал их под псевдонимом Тен Мин³³.

В КНДР в качестве преподавателей вузов трудились Ю Сун Хун – ректор Университета им. Ким Ир Сена, Пак Ир – проректор университета, Мен Вольбой также преподаватель университета, Тен Чун Ок – зам. директора школы высших руководящих кадров при Совете Министров КНДР. Наряду с ней трудились на этой работе 8 других женщин-кореенок из Советского Союза³⁴. Советский Союз оказывал КНДР помощь в подготовке специалистов. В 1946 г. открылся в Пхеньяне университет, а год спустя и политическое училище в Кантоне, которое, как отмечалось, возглавил советский кореец Пак Пен Юль.

В форме дополнительной иллюстрации можно было бы представить более полно портрет генерала Тянь Ик-Хван. После окончания института Тянь Ик-Хван работал учителем математики, затем завучем в школе. Как и другие советские корейцы был направлен в 1948 г. совместно с супругой – Хегай Зинаидой Петровной в Северную Корею. З. Хегай по прибытии в Корею работала в качестве переводчика в Советской администрации в Пхеньяне. Тянь Ик-Хван в годы войны было присвоено звание генерала НОА КНДР.

Семьи советских корейцев накануне войны были полностью эвакуированы в Харбин, где дети смогли продолжить образование. Учебные заведения Пхеньяна в этот период передислоцировались в сельскую местность.

В 1950–1953 гг. Тянь Ик-Хван работает директором политехнического института. Затем, после окончания войны, – заместителем министра просвещения КНДР.

С 1959 г. по 1963 г. Тянь Ик-Хван направлялся Полном КНДР в Чехословакию³⁵. «Именно по этой причине, – замечает дочь Тянь Галина Федоровна, – отец вынужден был принять гражданство КНДР, т.к. юридически Посла КНДР не мог представлять гражданин другого государства, в данном случае Советского Союза. Так поступали многие советские корейцы и особенно те, кто был занят на дипломатической работе в структуре власти КНДР»³⁶. Затем Тянь Ик-Хван возвращается в КНДР, где был репрессирован. Он поддерживает связь с родными, оставшимися в Советском Союзе. И только в 1991 г. он был реабилитирован.

Хе Ик родился в 1911 г. в бедной крестьянской семье в сел. Свободное Хабаровского округа. В 1932–1934 гг. был преподавателем в школе. Только в Кзыл-Орде он окончил педагогический институт (заочно). В 1934–1939 гг. – обучался на филологическом факультете Ленинградского университета. Знал английский, японский и китайский языки. В 1939–1942 гг. проживал в Казахской ССР (г. Чимкент), где занимался преподавательской деятельностью на факультете иностранных языков. В 1942–1943 гг. – активный участник трудового фронта. В 1943–1945 гг. продолжил работу в Янгильском районе Узбекистана в должности завуча средней школы.

В составе группы 36 человек решением Правительства СССР Хе Ик был направлен в Северную Корею. В 1946 г. уже в университете им. Ким Ир Сена (Пхеньян) продолжил свою преподавательскую деятельность. Был также ректором института народного хозяйства, председателем Госкомитета по печати, ректором Высшей партийной школы КНДР (с 1956 г.). Совместно трудилась и супруга – Юн Елена Кузьминична, работая в Центре переводов Высшей партийной школы³⁷.

Во второй половине 1950-х годов генералы Корейской Народной Армии, многих из которых представляли советские корейцы, демобилизованные по разным причинам из армии, готовились к возвращению на родину, в Советский Союз. Огромным доверием пользовались советские корейцы, что, несомненно, позволяет сделать вывод, насколько был высоким уровень их профессиональной подготовки как военачальников, проявивших себя на службе в разных родах войск и разных структурах управления и Вооруженными силами КНА, и народного хозяйства. Конечно, не обходилось и без курьезов.

Опыт, приобретенный на службе в Советской Армии, послужил нужному делу за рубежом. Это и яркое свидетельство высокой политической культуры советских корейцев, их преданности своей Родине, которую они для себя избрали. Это и одна из примечательных черт корейского менталитета – приверженность к военной службе, они славились в Воору-

женных Силах ССР как опытные воины, офицеры высокого класса.

Заслуживает внимания и личность подполковника КНА Михаила Кан (*Кан Ён Гу*). Родился Михаил Кан в 1910 г. в семье крестьянина-бедняка в пос. Кедровка Николаевск-Уссурийского района, Приморского края. Отец его был занят в сельском хозяйстве. В 1924 г. проживал во Владивостоке, затем на острове Русском, работал и в первом колхозе, созданном на острове, затем — в колхозе в Имано-Вакском (до 1947 г.).

Он не принадлежал к генералитету. Однако оставил заметный след в деле налаживания средств массовой информации в КНДР во второй половине 1940-х годов — в 1950-е годы. До 1924 г. Михаил Кан работал вместе с родителями, занятыми сельскохозяйственным трудом, и одновременно учился в начальной школе. В 1927 г. переехал в с. Пуциловка, где продолжал учебу в школе крестьянской молодежи, которую успешно окончил в 1929 г. и поступил в педагогический техникум. Получив образование в педагогическом техникуме, в начале февраля 1932 г. поступил на курсы редакторов в г. Хабаровске, а в августе завершил свое обучение, получив направление для работы в должности зав. филиалом «Дальгиза» в Николаевск-Уссурийске. В 1933 г. был переведен на работу в отдел редактором политмассовой литературы на корейском языке. В 1933 — 1937 гг. учился в Дальневосточном университете, работая одновременно переводчиком Военного трибунала Тихоокеанского флота. В связи с переселением корейцев в Кызылорду (Казахская ССР), работал до 1941 г. уполномоченным «Казглавлита» и цензором газеты «Ленин кичи» на корейском языке.

С апреля 1941 г. начался новый этап жизни. Михаил Кан был призван в РККА и направлен в распоряжение Политуправления ДВФ. Работал редактором газеты на корейском языке политотдела 1-й Краснознаменной армии и Политуправления Дальневосточного фронта до 1946 г., затем находился на должности ответственного редактора радиопередач на корейском языке Политуправления ДВО³⁸.

Возвратившись в Советский Союз, М. Кан работал в г. Канске Красноярского края, где занимал должность преподавателя корейского языка в училище военных переводчиков. В одном человеке сочетались и переводчик, и преподаватель, и военный специалист. Он отличался необыкновенным тактом, эрудицией, много читал, был уважаем студентами, пользовался авторитетом среди преподавательского состава и студентов. В последующем, будучи в Москве, работал редактором журнала «Советская женщина» — выпуск на корейском языке³⁹.

О редакторских способностях, и как специалиста-переводчика высоко отзывался о М. Кан в своих

воспоминаниях научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, бывший начальник 7-го отдела Политуправления Дальневосточного фронта⁴⁰, полковник, советник Григорий Кононович Меклер, прибегавший неоднократно к услугам своего заместителя редактора корейской газеты майора М. Кан, великолепно владевшего литературным корейским языком. Они оба сыграли определенную роль в судьбе Ким Ир Сена, направив о нем записку на имя маршала К.А. Мерецкова, а затем и были совместно на докладе⁴¹. Надо отметить, что советские специалисты, в том числе и из корейцев, помогли Ким Ир Сену в составлении текстов выступлений, готовились к ним основательно. М.И. Кан принимал активное участие в агитационных поездках по Корее в составе группы 7-го отдела спецпропаганды Политуправления фронта под руководством Г.К. Меклера и Ким Ир Сена⁴².

Григорию Меклеру принадлежит идея встречи Ким Ир Сена с жителями своей деревни, куда собрались около 5 тыс. корейцев. Это сыграло большую роль в знакомстве жителей со своим лидером. Затем такие встречи превратились в традицию. Одним словом, Г. Меклер постепенно превращал Ким Ир Сена из партизана в лидера, национального героя Кореи. По рекомендации Г. Меклера, в КНДР стали устраивать «ленинские субботники».

За свой самоотверженный труд, работу в Корее М.И. Кан был награжден медалями «За победу над Германией» (сражался в апреле—июне 1944 г. в составе Белорусского фронта), «За победу над Японией», «30 лет Советской Армии и Флота», «За боевые заслуги» и др.

Одним словом, советские корейцы, находясь в КНДР, с достоинством и честью как представители великой державы исполняли свой интернациональный долг, оставаясь преданными своей стране, которую они избрали — Советский Союз. Они проявляли такт, соблюдая правила общежития в новой стране, в обращении, были толерантными, наряду со всеми переносили трудности и военного, и послевоенного времени в КНДР, избравшей путь строительства социализма.

В чине майора Советской Армии в 1948 г. был направлен в распоряжение органов госбезопасности Северной Кореи Валентин Михайлович Ли, а с 1950 г. он уже возглавлял Управление контрразведки КНДР.

Ему первому стало известно о нарушении Демаркационной линии, разделявшей государство на две части. Это означало начало войны.

Для Советского Союза война на Дальнем Востоке началась 9 августа 1950 года. Спустя два дня, вечером, 11 августа, на исходе второго дня боев, части 25-й армии (командующий — генерал-полковник

И.М. Чистяков, член Военного совета — генерал-майор Н.Г. Лебедев (с апреля 1947 г. командующий армией — генерал-лейтенант Г.П. Коротков) пересекли китайско-корейскую границу в районе Кенхына. Только в 1955 г. В.М. Ли убыл в Советский Союз на лечение⁴³.

Надо полагать, что настало время рассказать молодому поколению, каким были их деды, как они сражались за честь и достоинство своей нации, каким было отношение их к своей стране. А ведь это были молодые мужчины в возрасте от 30 — 40 лет. Они своими делами «прокладывали дорогу социализму», в то, во что верили, на корейской земле. Эту точку зрения разделяет и профессор А.Д. Цой. «Однозначно, в истории советских и российских корейцев эти процессы должны получать отражение. Это часть истории Советского Союза, и она имеет немало положительных примеров. Такой была обстановка того времени, как и распределение сил на международной арене. И действия того или иного государства можно обсуждать, но ситуация складывалась не лучшим образом, и каждый народ защищал свое право на существование», — констатировал по этому поводу профессор А. Цой⁴⁴.

В своем очередном научном труде именно об этих сложных событиях упоминает и известный исследователь истории Дальнего Востока И.В. Безик⁴⁵. В частности Безик замечает о том, что Советский Союз «не вмешивался во внутренние дела КНДР, хотя и принимал обратно «своих корейцев». 4 августа 1959 г. Советом Министров СССР было издано Распоряжение № 2196 — рс «О въезде в Советский Союз группы демобилизованных генералов Корейской Народной Армии». Как пишет далее И.В. Безик, «в конце 1950-х годов практически синхронно с возвращением значительной части северокорейцев, ранее работавших в Союзе ССР, началось их возвращение и из Японии». Они были вывезены туда японцами в период оккупации.

Как отмечалось, начиная с 1956 г. участился отъезд групп советских корейцев в Советский Союз. Так, в октябре 1956 г. покинул Корею Ким Ен Чер — бывший начальник Отдела кадров по проверке технической квалификации комсостава, и другие.

Приняли гражданство КНДР Пак Киль Нам и Юн Сен Чер. Однако таких было немного. Чувство своей Родины советских корейцев не покидало. И они стремились попасть в Советский Союз. Однако и судьбы прибывших корейцев в Союзе ССР складывались по-разному.

По окончании действия конвенции об определении гражданства (март 1959 г.) часть из советских корейцев, кто был призван оказать помощь КНДР в условиях развязанной Корейской войны в начале 1950-х годов, избирала гражданство Союза ССР⁴⁶.

В качестве примера можно было бы рассмотреть ситуацию осени 1959 года. Для возвращения из КНДР на жительство в Союз ССР корейцам необходимо было получить в этот период разрешение. В сентябре 1959 г. согласие со стороны СССР было направлено очередной группе корейцев в составе 13 человек. Однако в ходе проверки, по имевшимся кандидатурам на выезд, предъявлялись различные претензии.

Вновь потребовалось провести несколько встреч военного руководства с представителями ведомств КНДР с целью обмена мнениями и выяснения претензий.

С представителями корейской стороны состоялись в это время несколько встреч Посла Советского Союза в Корее А. Пузанова. Представители руководства КНДР добивались разбирательства и в отношении таких военспецов, как бывшего директора Высшей партшколы КНДР из советских корейцев Хе Ик, заместителя главного арбитра КНДР Огай Сенхва и других, стремясь затянуть отъезд генералов и специалистов-профессионалов, не поясняя при этом причин подобных действий. Одним словом, корейская сторона всячески старалась любым способом задержать специалистов.

В конечном итоге все вопросы были утрясены, а обвинения сняты. В плане выявления интернационалистов из советских корейцев особое значение приобретает содержание письма, хранящегося в Государственном архиве новейшей истории Российской Федерации. Оно направлялось на имя министра иностранных дел СССР Г.М. Пушкина от 10 декабря 1959 года⁴⁷.

О том, что военные специалисты из советских корейцев были, как правило, людьми высокой профессиональной квалификации и в военной сфере, и в политике, явствует и та работа, которую они выполняли. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся в архивах приведенные сведения о работниках госаппарата в КНДР в рассматриваемый период, все они — советские корейцы, исполнявшие свой интернациональный долг в начале 1950-х годов в КНДР.

Одним словом, советские корейцы, будучи востребованными государством — Союзом ССР для решения задачи по усилению влияния в Юго-Восточной Азии с целью распространения идей революции, выполнили сполна свой гражданский долг, и за это же многие из них, не сумевшие выехать в Советский Союз, или по другим причинам, жестоко поплатились своими жизнями. Любое несогласие, сопротивление проводимым правительством КНДР мерам тут же жестоко каралось.

Несомненно, репрессивными акциями по отношению к корейской советской интеллигенции был нанесен существенный удар. Пострадал ее авангард,

ее грамотная подготовленная элита. В целом же советские корейцы репрессивными мерами, предпринимавшимися и в Союзе ССР, и в КНДР, оказались обескровленными. Потребовалось длительное время, чтобы восстановить духовный ресурс корейской общности в Союзе ССР.

В последующие годы социалистического строительства корейцы в советской стране были известны своими трудовыми успехами, высокими показателями в производстве, проявляя именно трудовой героизм на восстановлении отраслей экономики Союза ССР.

Примечания:

¹ Проект подготовлен при поддержке – Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (координатор: академик А.П. Деревянко). Направление 2. Советская модернизация и ее влияние на российское общество (координаторы – член.-корр. РАН Е.И. Пивовар, д.и.н. Ю.А. Петров).

² Мен Д.В. Советские корейцы в Северной Корее в 40–60-е годы // Известия корееведения Казахстана. Алма-Ата. 2001. Вып. 8.

³ Там же. Мен Д.В. Указ соч.

⁴ Тянь Хак Пон. Российские корейцы, построившие Северную Корею. Сеул, 2006. На кор. языке. Помощь в переводе с корейского языка, сборе необходимых сведений оказывал автору Хе Валерий Икич. Тянь Хак Пон занимал посты начальника военно-политического училища Пхеньяна и главы Военного Совета воздушных сил КНДР. (См.: Ким Г.Н., Мен Д.В. История культуры корейцев Казахстана. Алматы, 1995).

⁵ Вашурина З.П. Битва за умы (информационная борьба во время войны в Корее) // Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет. М., 2001. С. 268.

⁶ Ланьков. А.Н. Ланьков А.Н. Северная Корея: вчера и сегодня. М., 1995; Ланьков А.Н. Неформальная история Северной Кореи. М., 2005.

⁷ Криворучко А.Р. Военное сотрудничество Советского Союза и Корейской Народно-Демократической Республики // Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет. М., 2001. С. 162.

⁸ Вашурина З.П. Битва за умы (информационная борьба во время войны в Корее) // Война в Корее 1950–1953 гг.: взгляд через 50 лет. М., 2001. С. 268.

⁹ См. также о нем: Иа Рускор. Освободителю Кореи исполнилось 95 лет // Российские корейцы. Май 2013. № 147. С. 5.

¹⁰ В числе принудительно переселенных в Узбекистан А.И. Хегай вместе со своей семьей оказался в Янгиюле, близ Ташкента. Здесь он работал бухгалтером в заготовительной конторе, занимавшейся закупкой фруктов и овощей у местных крестьян. В конце 1938–1939 гг. волна террора пошла на убыль, и новое руководство НКВД СССР (Л. Берия) реабилитирует некоторых коммунистов, в том числе из корейцев, в отношении которых были допущены перегибы. В 1938 г. А.И. Хегай был восстановлен в ВКП(б). После восстановления в партии с лета 1941 г. он становится вторым секретарем Янгиюльского райкома, а затем Нижнечирчикского райкома ВКП(б). По предложению Расулова как первого секретаря Янгиюльского райкома ВКП(б), А.И. Хегай получил в 1943 г. новое назначение – заместителем секретаря парткома «Фархадстрой» на строительстве крупной ГЭС (вблизи Ташкента). С зимы 1944/45 гг. руководил строительством малых гидроэлектростанций в корейских деревнях. Осенью 1945 г. был призван в армию и направлен с другими корейцами в распоряжение штаба 25-й армии. (См. подробн.: Ланьков А.Н. Указ. соч.).

¹¹ Богатый материал об Алексее Хегае собран и обобщен исследователем А.Н. Ланьковым. Им использованы как выявленные архивные материалы, так и особенно воспоминания, представленные родственниками А. Хегайа документы. (См. Ланьков А.Н. Указ. соч.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bookol.ru/prikluheniya/puteshestviya_i_geografiya/31508.htm

¹² См. подробн.: Чен В. Улыбка в наследство // Российские корейцы. № 11. Март – апрель 2 – 9. С. 7.

¹³ Ким Г.Н., Мен Д.В. История культуры корейцев Казахстана. Алматы, 1995; Мен Д.В. Советские корейцы в Северной Корее в 40–60-е годы // http://world.lib.ru/comment/k/kim_o_i/s1rtf; 9 сент. 2004. Обращение 9 мая 2013.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5, оп. 32, д. 52, л. 108 – 111.

¹⁵ См.: Мен Д.В. Советские корейцы в Северной Корее в 40–60-е годы // Известия корееведения Казахстана. Алма-Ата. 2001. Вып. 8. С. 119.

¹⁶ Мен Д.В. Указ соч.; Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Серия «Российские корейцы» М.: ИВ РАН, 2011. С. 383.

¹⁷ Пузанов Александр Михайлович родился 12.10.1906 г. в деревне Лежковка Кандаурской волости Юрьевецкого уезда Костромской губернии. С 1952 по 1956 гг. – председатель Совета Министров РСФСР. С

16 октября 1952 г. — кандидат в члены Президиума КЦ КПСС. С 1957 г. — на дипломатической работе. В 1957–1962 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол в КНДР.

¹⁸ См. подробн.: *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории М., 2008. С. 189–201 и др.

¹⁹ *Справка.* 28–30 августа 1946 г. в Пхеньяне прошел Первый съезд объединенной партии, которая получила название Трудовая партия Северной Кореи (ТПСК). Партия насчитывала около 170 тыс. членов. Почетным председателем Первого съезда был избран И. Сталин. Первым председателем ТПСК — бывший лидер Новой Народной партии Ким Ду Бон. Ким Ир Сен оставался как глава исполнительной власти — Временного Народного Комитета Северной Кореи.

²⁰ См. подробнее: *Эм Нелли Николаевна.* Цветок Мугунхва в сердце России. М. 2011.

²¹ Как пишет о нем А.Н. Ланьков, Ким Ир Сен стоял во главе третьей группировки корейских коммунистов, была так называемая «маньчжурская» или «партизанская» фракция. Ким Ир Сен, в прошлом — заметный командир действовавших в Маньчжурии антияпонских коммунистических сил, провел 1941–1945 гг. в Союзе ССР. Служил в чине капитана Советской Армии. Вместе со своими бывшими партизанами, которые тоже служили в советских вооруженных силах, Ким Ир Сен прибыл во Владивосток, а оттуда на пароходе «Пугачев» добрался до Вонсана. Ким Ир Сен приехал в Пхеньян в конце сентября 1945 года. (См.: *Ланьков А.Н.* Указ соч.). См также: *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории М., 2008 и др..

²² Кстати, в это же время находился в Пхеньяне как молодой специалист, окончивший Ростовский государственный университет с отличием по специальности «Русский язык и литература», Ким Ле Чун (Рехо). В последующем убыл из КНДР для прохождения учебы в аспирантуре МГУ им. М.В. Ломоносова в Москве. В июле 1953 г. в г. Кессоне начинались переговоры по перемирию...

²³ По данным А.Н. Ланькова, в СГА входило 10 департаментов, игравших роль квази-министерств. Количество служащих в каждом департаменте колебалось от 7 до 50. (См.: *Ланьков А.Н.* Указ. соч.).

²⁴ Сведения взяты из справки Отдела кадров 3-го Управления делами Кабинета министров КНДР, подготовленной 29 марта 1962 г. за подписью и.о. начальника отдела кадров Цой Бен Чера // Архив дочери генерал-майора Ли Хо Гу Ким Светланы Хогувны. 19 апреля 2013 г.

²⁵ См. подробнее: *Хван Валентин Иванович* // Энциклопедия корейцев России /Ред. Б. Цой. М., 2000. С. 1200.

²⁶ *Мен Д.В.* Указ. соч. Одновременно автор приводит список и тех советских корейцев, которые, будучи в КНДР, не участвовали ни в какой оппозиции. Однако по ложному обвинению оказались в застенках, возникших на территории КНДР в 1950-е годы, концлагерей. В их числе значились: Цой Чоль Хван — управляющий делами Совмина, Ко Хы Ман — министр лесной промышленности, Пак Чан Сик — председатель провинциального местного Совета, И Ён Сок — заместитель министра сельского хозяйства, Ким Чун Сам — заместитель министра МВД КНДР, Ким Дон Чол — генерал-лейтенант, заместитель председателя Верховного суда, Ким Ел — заместитель министра промышленности, Ким Дон Хак — заместитель генерального прокурора, Ким Ен Су — начальник цензуры управления, Тянь Ик Хван — заместитель министра просвещения, Пак Тхэ Чун — заместитель министра труда, Хэ Ик — ректор ВПШ при ЦК ТПК, Ким Хен Ен — заместитель министра юстиции, Ким Кван — заместитель министра внешней торговли, Ше Чун Сик — первый секретарь провинциального ТПК, Хэ Бин — первый секретарь провинциального ТПК и многих других, погибших в тюрьмах в 1957–1960 гг. (См. также: *Ким Ен Ман.* Лагеря для политзаключенных в Северной Кореи — повторение Сталинского ГУЛАГа. Алма-Ата, 1993 и др.).

²⁷ См.: РГАНИ. Ф. 5, оп. 32, д. 52, л. 23.

²⁸ РГАНИ. Ф. 5, оп. 30, д. 295, л. 111.

²⁹ Там же. Л. 109 — 110.

³⁰ Дополнительный перечень имен генералов из советских корейцев был выявлен Хе Валерием Икичем по имеющимся в его библиотеке корейским изданиям. См. также: *Тянь Хак Пон.* Российские корейцы, построившие Северную Корею. Сеул, 2006. На кор. языке. Помощь в переводе с корейского языка, сборе необходимых сведений оказывал автору Хе Валерий Икич. Тянь Хак Пон занимал посты начальника военно-политического училища Пхеньяна и главы Военного Совета воздушных сил КНДР. (См.: *Ким Г.Н.* Указ. соч.).

³¹ *Мальцева О.* Про сенсолло, галстуки и примерку костюма в Пхеньяне // Единство. № 7. 2010. С. 27.

³² Автор выражает искреннюю благодарность за безграничную помощь, оказанную родственниками Тен Гук Нок Валерием Михайловичем Кан, Полиной Гукноковной Тен и Галиной Гукноковной Тен за предоставленные материалы об отце и личные записки генерал-майора.

³³ См. подробн.: *Тен Ф., Тен П., Тен Г.* Мы гордимся, что у нас был такой отец // Единство. № 9/41. 2003.

Ноябрь. См. также: *Почтарев А.Н.* Тайный советник «солнца нации» // Независимое военное обозрение (приложение к «Независимой газете») 14. 01. 2005.

³⁴ *Ким Г.Н.* Указ. соч.

³⁵ В это же время **Пак Валентин Константинович** являлся Послом КНДР в ГДР, **Пак Алексей Андреевич** – советником посольства КНДР в СССР, **Хан Иль Му** (1908–1972) – генерал авиации, ставший после войны Послом КНДР в Монголии, а после возвратившийся в Союз ССР (См.: *Мен Д.В.* Указ. соч.). **Пак Иль Ен** – генерал-лейтенант также являлся Послом в Чехословакии, **Ким Чан Су** – советником Посольства КНДР в Польше и др. В последующем **Пак Иль Ен** и **Ким Чан Су** были подвергнуты репрессии.

³⁶ Интервью с дочерью генерала армии КНДР Тянь Ик-Хван Галиной Федоровной. 3 мая 2013 г. Дневниковые записи автора.

³⁷ Юн Елена Кузьминична оставила и составленную ею биографию мужа.

³⁸ Из характеристики, подготовленной собственноручно Кан М.И. 3. 12. 1947. гор. Хабаровск.

³⁹ См. также: *Ланьков А.Н.* КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. М., 2005; *Калашиков К.Ф.* Право вести за собой. М., 1981 и др.

⁴⁰ По указанию маршала А.Ф. Мерецкова были созданы из одного два Дальневосточных фронта, седьмой отдел разделялся на две части. Оказывалась также помощь члену Военного совета фронта генералу Т.Ф. Штыкову. Ему было поручено заниматься Кореей.

⁴¹ См. подробн.: *Почтарев А.Н.* Тайный советник «солнца нации» // Независимое военное обозрение (приложение к «Независимой газете»). 14 января 2005 г.

⁴² *Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В.* Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Серия «Российские корейцы» М.: ИВ РАН, 2011. С. 87.

⁴³ Следует заметить, что он пополнил генералитет советских корейцев, воевавших как интернационалисты в Корейской войне 1950–1953 гг. В 1992 г. Правительство КНДР присвоило Ли В.М. воинское звание генерал-майора. В Союзе ССР он возглавил Комитет ветеранов войны и труда, инвалидов, участников освобождения Кореи в войне 1950–1953 гг. (См. подробн.: Энциклопедия корейцев России. М., 2003 /Ред. Цой Броня. С. 1008).

⁴⁴ Интервью профессора А.Д. Цоя // Личный дневник автора. 14 марта 2013 г.

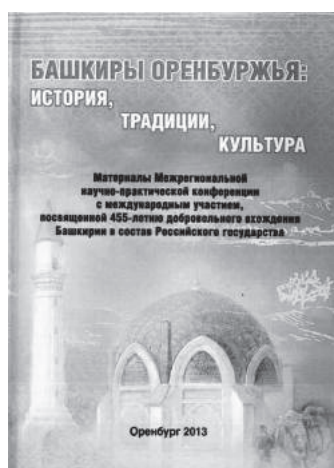
⁴⁵ *Безик И.В.* Гуманитарно-политическая акция: репатриация корейцев из Японии в КНДР на судах Дальневосточного пароходства (конец 1950-х – первая половина 1960-х годов) // Вестник российского корееведения. 2012, № 4. С. 14

На стороне Пхеньяна выступала армия Китая. Военные события завершились в июле 1953 г. Взаимное доверие на Корейском полуострове было подорвано. Напряженность между Севером и Югом сохраняется до сих пор, то затихая, то обостряясь время от времени. Республика Корея заключила договор с США о взаимной обороне. Объединение Кореи пока не получается.

⁴⁶ См.: РГАНИ. Ф. 5, оп. 32, д. 52, л. 23.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5, оп. 32, д. 52, л. 23.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

БАШКИРЫ ОРЕНБУРЖЬЯ: ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ, КУЛЬТУРА.

Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 455-летию добровольного вхождения Башкирии в состав Российского государства.
Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 198с.

Сборник издан по материалам межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 455-летию добровольного вхождения Башкирии в состав Российского государства «Башкиры Оренбуржья: история, традиции, культура». Авторы проводят ретроспективный анализ исторических, правовых, этнографических, лингвистических аспектов культуры и быта башкирского народа.

Т.А. Титова, В.Е. Козлов*

РУССКИЕ ТАТАРСТАНА: ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ГРУППОВЫХ СТРАТЕГИЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

В последнее время в общественно-политическом пространстве и научном сообществе остро обсуждается проблема места и роли русских и русской культуры в российском обществе. Одной из причин этого является, по мнению авторов, то обстоятельство, что «русский вопрос» не занял на начальном этапе формирования новой российской государственности в 1990-е годы значимого места в общественно-политической сфере на общенациональном уровне. При этом в общественной жизни институализация «русского вопроса» принимала во многом маргинализованные формы, оставаясь для титульного большинства на протяжении всех 1990-х годов вторичной по отношению к социально-экономической проблематике. В начале XXI века руководством страны все более явно обозначается новый подход к внутренней политике в виде модели симметричной федерации с апелляцией к национальным чувствам этнического большинства. Это способствовало подъему этнического самосознания русского населения в целом. Однако, стоит отметить, что эта актуализированность имеет территориальные особенности, обусловленные различным социокультурным ландшафтом регионов РФ. В случае с Республикой Татарстан, основой регионального социокультурного ландшафта выступает модель паритетного взаимодействия двух групп этнического большинства, при которой русские рассматриваются наряду с татарами и рядом других индигенных групп как неотъемлемая часть единого республиканского сообщества. В последние несколько лет указанная модель подвергается серьезным испытаниям в связи с нарастающими негативными процессами как в самом республиканском сообществе, так и в результате повышения общей социальной турбулентности в российском обществе. В этой связи, для определения степени и характера возможных негативных перспектив межэтнических отношений в полиэтничном регионе весьма актуальным становится изучение особенностей этнического самосоз-

нания и социальных ориентаций представителей русского населения республики.

Целью настоящей статьи являлся комплексный анализ этнокультурного, социального и психологического состояния русского населения Татарстана. Для достижения этой цели были поставлены следующие научно-исследовательские задачи:

- выявление характерных особенностей этнического самосознания представителей русского населения Татарстана;
- изучение символического и содержательного наполнения понятия «*этнокультурные потребности*», а также определение степени их актуализированности в среде русского населения Татарстана;
- изучение групповых стратегий самореализации и самоактуализации, представленных в среде русского населения Татарстана.

Объект исследования - русские как этническая группа, проживающая в современных административно-территориальных границах Республики Татарстан. Предметом исследования являлась совокупность культурных, социальных и психологических характеристик, актуализированных в среде русского населения Татарстана.

Основой для написания настоящей статьи послужили результаты двух исследований, проведенных авторами в течение 2012-2013 гг. Первое исследование «Русские в Татарстане: этнокультурные потребности и стратегии самореализации»* было осуществлено в 2012 г. Опрошено 1500 человек, что составило 0,001% от общего количества русских, проживающих в Татарстане. Из них количество опрошенных респондентов горожан составило 1300 человек (0,01% от общей совокупности русских горожан) и респондентов-сельчан - 200 человек (0,01% от общей совокупности русских сельчан). Отбор городских населенных пунктов проводился по следующим критериям: столичный город (Казань); крупный промышленный город с населением свыше 500 тысяч человек (Набе-

* Титова Татьяна Алексеевна – доктор исторических наук, доцент кафедры этнологии и археологии Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Козлов Владимир Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и археологии Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

режные Челны); 2 средних города с населением около 100 тысяч человек и выше, расположенные в различных районах республики (Зеленодольск, Альметьевск) и три малых города с населением до 60 тысяч человек, расположенные в различных районах республики (Чистополь, Лаишев, Арск). Социально-демографические параметры выборочной совокупности определены согласно официальной статистике по Республике Татарстан. В рамках исследования были также проведены 20 глубинных интервью с активистами русских общественных и культурных объединений республики и 8 фокус-групп с представителями русской городской молодежи в возрасте 18-30 лет. Второе исследование - «Современное русское сельское население Татарстана: социально-экономическая структура и демографический прогноз» осуществлялось в течение 2012-2013 гг.** Выборочная совокупность составила 1000 человек, проживающих в десяти районах Республики Татарстан с компактным проживанием русских: Лаишевском, Тетюшском, Рыбно-Слободском, Зеленодольском, Пестречинском, Алексеевском, Спасском, Чистопольском, Елабужском и Альметьевском. Отбор указанных районов был основан на общепринятом районировании этапов заселения русскими края с учетом тех данных, которые были введены в научный оборот в последние годы.

Этническое самосознание, согласно авторской интерпретации, включает в себя идентификацию и (или) осознание, восприятие, оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности, а также реальное поведение человека как члена этнической группы.

Анализ особенностей этнического самосознания русских начнем с рассмотрения структуры личностных идентичностей респондентов. Для этого традиционно использовался тест Куна-Макпарлленда «Кто Я?». Выявление мотивационно-содержательного ядра этнического самосознания осуществлялось посредством изучения декларируемых респондентами этнокультурных потребностей, а также степени удовлетворенности их реализацией.

Необходимо предварительно определить содержательное наполнение самого понятия этнокультурные потребности и его смысловые границы применительно к рассматриваемым исследованиям. Относительно первого, авторы исходили из существующих определений двух производных понятий — «этническая культура» и «потребность», трактуя их следующим образом: этническая культура — «совокупность культурных элементов и структур, обладающих ярко выраженными отличительными этническими чертами и этнодифференцирующими функциями». ¹ Потребность — «внутреннее состояние психологического или функционального ощущения недостаточ-

ности чего-либо, проявляется в зависимости от ситуационных факторов»². Касаясь смысловых границ понятия в конкретном исследовании, авторы руководствовались подходом, сформулированным Ф. Бартом и заключающемся в том, что «учитываемые признаки не представляют собой сумму «объективных различий», но только набор тех различий, которые сами люди считают значимыми»³. В нашем случае, это означает включение в феноменологию понятия русская культура и тех явлений, которые формально имеют иную сущностную основу (например, религиозная идентичность). Применительно к Татарстану, где этнические границы в значительной степени накладываются на конфессиональные — это предполагает, в том числе, что религиозная идентификация, с высокой долей вероятности, будет являться для большинства представителей референтной группы неотъемлемой частью общекультурной, что подтверждалось и более ранними исследованиями⁴.

Анализ структуры социальных идентичностей представителей изучаемой группы показал, что в их структуре преобладают общесоциальные атрибуты (например, человек), занимая у 57,3% респондентов 1 и 2-е места, далее следуют профессиональные, поставленные на 1 и 2-е место 13,8% респондентами, за ними гендерные - 12,5%, гражданские (например, россиянин, житель республики) - 9,6%. Этническая идентичность является высоко актуализированной лишь у 5% респондентов. В то же время закрытый вопрос о степени ее важности для респондентов показал несколько иные результаты. Доля тех, кто отметил, что им очень важно ощущать себя «русским», составила 30,8%, а еще 42,5% выбрали вариант ответа: «скорее важно». Уточняющий вопрос: «*В чем они ощущают наибольшую потребность?*» позволил проанализировать различные элементы когнитивного ядра этнического самосознания с точки зрения их актуализированности на групповом уровне. Так, на первом месте оказалась потребность в культурном единстве с людьми своей национальности - 18,1% ответов. Далее по степени уменьшения актуализированности следовали: потребность в единстве с гражданами России - 16,7%, в единстве с гражданами своей Республики - 13,7%, в исторических связях со своей малой родиной - 11,4%, в свободном использовании родного языка - 9,4% и в религиозном единстве с людьми одной веры. Примечательно, что 7,4% респондентов выбрали вариант «ни в чем», а еще 5,9% затруднились с ответом.

Исходя из приведенных выше позиций, занятых респондентами, можно заключить, что в этническом самосознании наиболее актуализирована потребность в культурной идентичности, а также языковой. Вызывают интерес и показатели, отражающие такие виды идентичностей, как гражданская и рели-

гиозная. Очевидно, что именно первая в виде общероссийской и региональной (16,7% и 13,7% соответственно) значительно более актуализирована среди русского населения, чем религиозная (5,4%). При том, что 70,7% респондентов в той или иной степени отнесли себя к верующим, из них 69,3% – к православным. Мы полагаем, что противоречия в приведенных данных нет, определяющим же оказывается почти полное совпадение уровня декларируемой актуализированной этнической идентичности и религиозности в форме православия (68,9% и 69,3% соответственно). По нашему мнению, это является следствием укороенного в сознании большинства представителей русского населения идентифицирующего стереотипа «русский – значит православный», в котором религиозный компонент, как мы отметили выше, инкорпорируется до степени слияния в этнокультурный. Продемонстрированная низкая потребность в собственной религиозной идентичности связана с интерпретацией её респондентами, в первую очередь, как уровня воцерковленности, который у большинства изучаемых русских незначителен (например, отметили, что соблюдают все обряды лишь 7,6% респондентов).

Исходя из выявленных выше приоритетов, весьма интересным становится определение-смыслового наполнения респондентами термина «русская культура», которое рассматривалось в ходе фокус-групп с представителями городской молодежи. Анализ полученных материалов показал наличие следующих обобщенных интерпретаций данного понятия: *«Русская культура сегодня – это, прежде всего, культура русского языка. У нас в кокошниках никто не ходит, традиционные праздники сохранились только религиозные»* (Елена, 27 лет); *«...русская культура в обществе воспринимается как синоним «российская культура», т.е. то, что идет из Москвы, частично из Петербурга. И русская культура она как бы делится на две составляющие: язык, Достоевский, Гоголь, Пушкин, а с другой стороны – русская культура – это культура села: песни, танцы, хороводы, обычаи, обряды»* (Ольга, 30 лет); *«...русская культура, прежде всего, это культура городская, в противовес татарской культуре, которая базируется на представлении культуры сельской»* (Ричард, 28 лет). Исходя из представленных позиций, можно отметить такие характерные черты понимания русской культуры русскими Татарстана, как её синкретичность в отношении к общероссийской культурной среде и выраженный артикуляционный дематериализованный характер в современном русском сообществе республики. При этом относительно локализации этноса русской культуры Татарстана имеются две различающиеся позиции: первая – русская культура, прежде всего, городская культура, и вторая – сохранение того, что может

считаться собственно русской культурой, связано, в первую очередь, с сельской средой. Можно говорить о том, что местная русская культура для самих русских ассоциируется с повседневной средой, основанной на использовании русского языка и включающей в себя некоторые условно традиционные маркеры ритуального и фольклорного характера. Это подтверждается и тем фактом, что многие участники фокус-групп испытывали затруднения с определением конкретного содержания понятия «русская культура», что на наш взгляд, также свидетельствует о ее, в первую очередь, символической функции для русских в современном Татарстане. Интересно в этой связи сравнить представления о содержательном наполнении понятия «русская культура», имеющим место в среде сельского русского населения. В частности, респондентам предлагалось самостоятельно назвать те праздники, а также песни и танцы, которые они считают традиционно русскими. В результате, 56,8% респондентов отметили, что у них в доме имеются предметы традиционного быта и культуры, при этом большинство из них (62,2%) в качестве таковых назвали предметы религиозного культа – иконы, крест, образа и тд. На вопрос «Знаете ли Вы свои народные танцы?» 45,9% отметили, что знают, а 50,6% отметили, что не знают. В качестве народных танцев назывались такие, как кадрили, вальс, каравон, яблочко, цыганочка, барыня, подгорная, танго, чечётка, берёзка и др. Национальный костюм носили постоянно или по отдельным случаям 25,1% респондентов, при этом 73,4% не носили вообще. Из элементов национального костюма были отмечены крест, сарафан, штаны, кокошник, лапти, бусы, платок, брюки, сапоги, вышивка, платье, фартук, юбка, фуражка, валенки и др. Из праздников, которые они регулярно отмечают, 60,5% отметили традиционные русские праздники, к которым отнесли: Пасху, Крещение, Рождество, Троицу, Ивана Купала, Масленицу, Сёмик и др. Относительно соблюдения обрядов жизненного цикла, связанных с рождением, свадьбой и похоронами, абсолютное большинство опрошенных ответило утвердительно, соответственно 86,2%, 74,1% и 85,9%. При этом готовность соблюдать их полностью выразили 52,5%, а еще 31,7% частично. В отношении стремления использовать образцы народной культуры показатели были значительно ниже. Так, желание знать свои народные танцы выразили 36,1%, народные песни – 52,7%, желание же носить элементы традиционного костюма подтвердили 19,3% респондентов.

Очевидно, что представления о народной культуре у основной массы современного русского населения достаточно эклектичны и включают в качестве ее составных частей и религиозные – православные элементы и образцы интернациональной куль-

туры, которые получили распространение много десятилетий назад, на основании чего, по-видимому, воспринимаются уже как часть традиционной народной культуры (например, вальс, танго, чечетка, фуражка и др). Общая потребность в использовании элементов традиционной русской культуры имеет различную актуализацию в различных сферах жизнедеятельности: наиболее высокую – в отношении обрядов жизненного цикла и среднюю и невысокую применительно к досуговой стороне повседневной жизни.

При таком характере актуализированности элементов этнического самосознания важно оценить ощущения респондентов о наличии возможностей для реализации своих этнокультурных потребностей. Ответы респондентов на вопрос «*Насколько свободно они могут удовлетворить свои потребности в приобщении к русской культуре?*» показали, что они оценивают такие возможности достаточно высоко. Так, 48% респондентов указали, что они могут удовлетворить свои потребности абсолютно свободно, а еще 37% – скорее свободно. О наличии затруднений заявили 3,7% и 1,7% респондентов отметили, что практически не могут осуществить свои потребности в приобщении к русской культуре.

Из приведенных данных видно, что абсолютное большинство респондентов не испытывают затруднений в приобщении к русской культуре, проживая в Республике Татарстан. Для более детальной оценки ситуации мы привлекли материалы глубинных интервью, проведенных в рамках исследования с руководителями и активистами организаций и объединений, занимающихся поддержкой и развитием русской культуры в крае. Из состоявшихся бесед выяснилось, что организованное движение в поддержку русской культуры в республике по состоянию на 2012 г. отсутствует, представляя, скорее, набор различных более или менее успешных инициатив. Причем более успешными оказываются те проекты, которые имеют культурно-просветительский или фольклорный характер. Самым ярким примером служит история праздника русской народной культуры Каравон, который начинался в конце 1980-х годов как возрождение локальной праздничной традиции конкретного села, но при поддержке руководства республики приобрел к настоящему времени статус общероссийского фестиваля русской народной культуры. «*А старшее поколение я мало знал. Меня приглашали на какие-то смотри. Мы собрали их на посиделки, и там я узнал о Каравоне ... Народу становилось все больше и больше, кормить народу приходилось все больше и больше... В 2003 году Каравон стал статусным мероприятием, шоу, когда Шаймиев (первый президент РТ - прим. авторов) первый раз на праздник приехал. Это и хорошо, и плохо. С одной стороны, это привлече-*

ние, с другой – многие коллективы стали отворачиваться. Каравон теперь считается общероссийским фестивалем. А все остальные... они не совсем конкурентоспособны» (из интервью с представителем районного дома культуры села Никольское Лаишевского района Республики Татарстан). Из приведенного выше видно, что республика старается демонстрировать свое внимание к возрождению местной русской народной традиции, но, как отмечали информанты, это зачастую принимает форму огосударственной стилизации с выхолащиванием собственно народной компоненты.

Переходя к анализу основных стратегий самоактуализации и самореализации представителей русского населения Татарстана уточним, что авторы исходили из целесообразности выделения двух основных их форм: индивидуальной и групповой. Под второй подразумевались, в первую очередь, наиболее актуализированные среди представителей русского населения представления о неких необходимых или предпочтительных формах группового действия, являющиеся по сути конвергируемой проекцией индивидуальных стратегий. Исходя из этого, анализ стратегий самоактуализации и самореализации представителей русского населения Татарстана включал в себя изучение наиболее приоритетных стратегий самореализации, существующих среди представителей различных социальных и демографических групп русских, а также определение уровня конфликтности наиболее актуализированных индивидуальных и групповых форм самореализации.

В рамках рассмотрения первой проблемы нами изучались ответы респондентов, полученные в ходе массового опроса, а также позиции, озвученные участниками глубинных интервью. Для наглядной репрезентации общей картины приоритетных форм индивидуальной самореализации обратимся к следующим данным: 81,7% респондентов отметили, что не планируют переезжать из населенного пункта, в котором они проживают, и лишь 11,3% отметили, что планируют переезд. Достаточно явные установки на смену места проживания, что может рассматриваться как важная часть дальнейшей самореализации индивида, продемонстрировали только представители молодежи люди в возрасте 18–30 лет (21,8%). В качестве наиболее предпочтительных вариантов переезда представители молодежи указывали следующие: 28,6% – в другую страну, 44,4% – в другой регион РФ и 24,8% – в другой городской населенный пункт Республики Татарстан.

На фоне высказанных вариантов индивидуальной самореализации достаточно показательно выглядят позиции респондентов в отношении приоритетов языковой компетентности в отношении своих реальных или гипотетических детей, что может отражать

действительный, а не декларируемый приоритет в самореализации, представленный как проецируемое на следующее поколение собственное отложенное предположение. Подобные установки отражали ответы респондентов на вопрос: «*Каким языком, помимо русского, Вы хотите, чтобы в первую очередь, овладели Ваши дети?*». Примечательно, что 67,7% выбрали в качестве такого языка английский и лишь 10,9% - татарский. Это, может свидетельствовать об отсутствии у значительной части представителей русского населения Татарстана фактической мотивации к выстраиванию стратегии самореализации через паритетную интеграцию с титульной этнической группой. Причиной низкой мотивации может являться распространенная среди респондентов позиция, что залогом успешной самореализации в республике является не обладание компетенциями, а принадлежность к статусной группе.

Одним из важных индикаторов группового восприятия социально-экономических перспектив является общая комфортность межэтнического фона. Большинство респондентов (68,9%) отметили, что никогда не попадали в ситуацию, когда попиралась их национальное достоинство и ощущают себя в республике комфортно. Вместе с тем, 12,2% респондентов считают, что надо остаться в республике, отстаивая право на сохранение родного языка и культуры. Выезд за пределы республики как наиболее подходящий вариант для всей этнической группы выбрали лишь 1,4% респондентов. То есть можно считать, что абсолютное большинство респондентов считает возможной групповую самореализацию русских в пределах Татарстана. Переходя к оценке уровня конфликтности рассмотренных выше стратегий индивидуальной и групповой самореализации русских Татарстана, отметим, что в данном случае анализ включал декларируемую респондентами готовность выразить свое несогласие с ситуацией, сложившейся в отношении к русской культуре и русским в Татарстане в форме массовых акций протеста. Из предложенных вариантов лишь проблема обучения русскому языку в школах республики набрала общую долю в 13,8% респондентов, готовых в той или иной публичной форме выразить свой протест. По другим предложенным вариантам, касавшимся возможных проблем в реализации своих религиозных чувств и приобщении к русской культуре, доля респондентов, готовых выразить свой протест, составила 0,8% и 1,4% соответственно. Очевидно, что уровень декларируемой протестности по обозначенным проблемам среди респондентов низок.

Оценки уровня протестной активности среди русского населения республики участниками фокус-групп также оказались низкими, причем предложение самим обозначить проблемы, способные акту-

ализировать протестный потенциал русских, не получили четко выраженную этническую направленность, лишь за исключением преподавания русского языка, и чаще лежали в общественно-политической или социально-экономической плоскости.

Таким образом, можно констатировать, что наиболее распространенные формы групповой самореализации русского населения республики, если и несут некоторый конфликтный потенциал, то стимулы к его актуализации находятся не в этнической, а общегражданской сфере. Исключение же составляет лишь языковая проблема, которая за последние несколько лет приобрела в республиканском сообществе весьма выраженную артикулированную форму.

Для объективной оценки уровня удовлетворенности собственными перспективами на индивидуальном и групповом уровне может быть рассмотрен групповой психологический фон русских, который рассматривался через уровень фрустрированности представителей этнической группы. С этой целью изучались ответы на вопрос: «*Ощущаете ли вы себя счастливым человеком?*». Показательно, что 37,2% респондентов выбрали вариант ответа «Да», а еще 37,9% - «Скорее, да». Противоположные позиции заняли 1,3% респондентов, выбравших вариант ответа «Нет» и 4,3% - «Скорее, нет». Можно отметить значительное преобладание среди опрошенных тех, кто ощущает себя в той или иной мере счастливым. Анализ в демографических и социальных группах не выявил значимых различий, что может свидетельствовать о достаточно стабильном социально-психологическом фоне в этнической группе в целом. Для более объективной оценки психологического самочувствия русских в ходе исследования был также изучен автостереотип этнической группы. При формировании образа своей этнической группы использовался метод «свободного портрета», предполагающий авторскую формулировку даваемых характеристик. Вся совокупность зафиксированных характеристик была затем распределена в соответствии с классификатором открытых вопросов по следующим категориям: деятельностные качества, личностные качества, физические качества, социальные качества, а также по преобладающей интенции: положительной, нейтральной, отрицательной.

Анализ показал, что наибольшее количество указанных респондентами характеристик своей этнической группы касалось личностных качеств ее представителей - 83,6% от общего количества данных ответов, в то время как деятельностных качеств - 8,9%, социальных качеств - 7,4%, а касающихся физического облика - всего 0,2%. По всем категориям преобладали положительные интенции - 73,5% от общего количества зафиксированных характеристик, 14,8%

- нейтральных и 11,7% - отрицательных. Исходя из указанных особенностей, можно сделать вывод о высокой степени согласованности автостереотипа русских и отсутствии в группе внутреннего социально-психологического конфликта.

Подводя общие итоги, следует отметить следующее: в рамках рассмотренной модели современное русское население Республики Татарстан можно охарактеризовать как этнотерриториальную группу со средней степенью актуализированности этнического самосознания. Группа имеет невысокую внутригрупповую дифференциацию и диффузный характер декларируемых этнокультурных потребностей с един-

ственной выраженной этно-объединительной проблемой - место и роль русского языка в образовательном пространстве.

Демонстрируемые русскими установки, отражающие стратегии индивидуальной и групповой самореализации, свидетельствуют о высокой степени лояльности к республиканской власти и общереспубликанскому сообществу и стремление к сохранению сложившейся ситуации в межэтнических отношениях с титульной этнической группой. Всё это делает маловероятным возможные проявления самостоятельного группового протеста, институализированного по этническому принципу.

Примечания

* Исследование выполнено на средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02 марта 2011 года №127—рп

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда. Грант №16003.

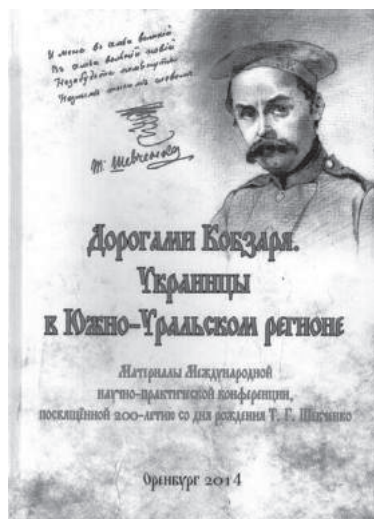
¹ Садохин А.П. Этнология: учебный словарь.- М.: Гардарики, 2002.- С. 70.

² www.wikipedia.org

³ Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий/ Под. ред. Ф. Барта, М.: Новое издательство, 2006. - С.15-16.

⁴ См. например: Козлов В.Е. Этнокультурные и этноязыковые процессы в среде русского сельского населения Республики Татарстан (на примере Лаишевского района)// Альманах современной науки и образования.- Тамбов: Грамота, 2010.-№1 (32). - Ч.2. - С. 48-50; Титова Т.А., Козлов В.Е., Гущина Е.Г. Структура идентичностей современного русского сельского населения Республики Татарстан / Актуальные вопросы развития общественных наук: экономика, право, педагогика, социология: Сборник научных статей по итогам международной конференции, г. Волгоград, 28-29 мая 2012г. под ред. И.Е. Бельских, В.Н. Гуляихина. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. - С. 79-83.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ДОРОГАМИ КОБЗАРЯ. УКРАИНЦЫ В ЮЖНО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ.

Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко.

Оренбург, ООО ИПК «Университет». 2014. – 250 с. ил.

Книга объединяет статьи, раскрывающие жизненный путь Т. Г. Шевченко (1814-1861), его пребывание в Оренбургском крае, литературное и художественное творчество. Изучение его наследия, влияния на становление и развитие различных форм украинского искусства.

В.Б. Игнатьева*

РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ): КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Республика Саха (Якутия): общая характеристика региона. Расположена на северо-востоке Евразии: общая площадь континентальной и островной (Ляховские, Анжу и Де Лонга, входящие в состав Новосибирских островов) территории составляет 3,1 млн км². Почти вся материковая часть представляет собой зону сплошной вечной мерзлоты (до 1,5 км вглубь земли), а свыше 40% территории находится за Полярным кругом. Территория входит в пределы трех часовых поясов и их разница с московским временем составляет +6, +7, +8 часов. До настоящего времени она является одним из самых изолированных и труднодоступных регионов мира: 90% территории не имеет круглогодичного транспортного сообщения.

Якутия – самая холодная часть среди обжитых территорий планеты: максимальная амплитуда средних температур самого холодного (январь) и самого теплого (июль) месяцев составляет 70–75⁰С. Здесь была зафиксирована самая минимальная температура на земном шаре –71,2⁰С. Резко континентальный климат, отличающийся выраженным антициклональным режимом погоды, длительной полярной ночью со световой недостаточностью, туманами и изменениями парциального давления О², коротким и жарким летом, обуславливает продолжительность отопительного сезона, которая в среднем составляет 8–9 месяцев в году, а в арктической зоне – она круглогодичная.

Характеризуется многообразием природных условий и ресурсов: большую часть территории занимают горы и плоскогорья – более 2/3 ее поверхности и лишь 1/3 часть – расположена на низменности. Широко известны экологические резервы Якутии, прежде всего, водные и лесные. Так, она является одной из самых «морских» регионов России: акватория примыкающих к ней морей Лаптевых и Восточно-Сибирского составляет 30% всех арктических морей. Вся ее территория покрыта огромным количеством озер (более 700 тыс.) и пронизана широкой сетью рек (более 300 тыс.), общая протяженность которых составляет около 2 млн км, а их потенци-

альные гидроэнергоресурсы оцениваются почти в 700 млрд кВт. В горах Восточной Якутии находятся 485 ледников общей площадью 413 км² и с запасом пресной воды около 2 тыс. м³.

Расположенная здесь таежно-тундровая зона по своим размерам представляет такие же «легкие планеты», как и тропические леса Амазонии. Почти 47% территории занимают таежные леса, эксплуатационные запасы которых оцениваются в 10,3 млрд м³. На долю Якутии приходится свыше 30% дикой природы России и более 10% – всего мира. Это означает, что она является крупнейшим резервом биосферы всей планеты и тем самым выполняет экологические функции глобального масштаба. С 1993 г. Якутия является членом Всемирного Фонда охраны дикой природы (WWF).

Республика Саха – крупнейший сырьевой регион Российской Федерации. На ее территории в настоящее время выявлено более 1,5 тыс. месторождений различных видов минерального сырья (нефть, газ, уголь, алмаз, драгоценные, цветные и редкие металлы), а стоимость только подтвержденных его запасов оценивается в 0,8 трлн долларов США. Прогнозные запасы угля составляют 10% мировых и более 40% российских запасов; суммарные ресурсы газа оценены в 10,2 трлн м³. Таким образом, прогнозный потенциал недр Якутии может обеспечить долговременные потребности в важнейших видах минеральных и энергетических ресурсов не только России, но и возможных стратегических инвесторов за ее пределами.

Этническая структура населения Якутии. По состоянию на 1 января 2012 г. общая численность населения составила 955,8 тыс.чел. (617,1 – городское, 338,7 – сельское), а средняя плотность – 0,3 чел. на 1 км². Малозаселенность Якутии обычно иллюстрируют тем, что на ее территории, занимающей свыше 18% всей площади России, проживает меньше 1% от общей численности населения страны.

Территория республики заселена весьма неравномерно: наибольшей плотностью населения выде-

* Игнатьева Ванда Борисовна – кандидат исторических наук, зав. сектором этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Республика Саха (Якутия) г. Якутск).

ляются столичный Якутск с подчиненными территориями (78,9 на 1 км²) и улусы (районы) Центральной Якутии с относительно благоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства (1,1–2,6 чел. на 1 км²). Наименьшая плотность характерна для арктических и северных улусов с экстремальными климатическими условиями, неблагоприятными для жизни и хозяйственной деятельности человека (0,01–0,09 чел. на 1 км²). В остальных улусах число жителей колеблется от 0,1 до 0,9 чел. на 1 км².

В настоящее время большая часть жителей республики представлена саха (49,9%) и русскими (37,8%). Коренные малочисленные народы Севера — долганы, чукчи, эвены, эвенки и юкагиры составляют 4,2%, представители более ста народов России и зарубежных стран — 8,1% в общей численности населения¹. Такая широкая этническая панорама, культурное, религиозное и языковое многообразие формировались в течение тысячелетий под влиянием различных факторов — адаптации к условиям среды обитания, хозяйственного освоения коренными народами природных ландшафтов — тайги, горных систем, тундры, арктической пустыни, крупных и мелких речных артерий, позже — в результате миграций, колонизации, миссионерства, ссылки, государственной политики и др.

Численное большинство представителей основных этнических групп расселены: русские (93,2%) — в городах и рабочих поселках, где сосредоточены предприятия промышленности, строительства, транспорта и связи; саха (65,3%) — сельских поселениях Якутии². Отличительной особенностью народонаселения также является значительный удельный вес сельских жителей: 35,9% в общей численности населения. В сельской местности, в основном, проживают коренные народы Якутии, среди которых численно доминируют саха, которые составляют 83,3% всего сельского населения. Историческая география малочисленных народов Севера сохраняется и в настоящее время, они живут преимущественно в местах своего традиционного проживания: это характерно для 87,7% долган, 76,9% эвенков, 72,6% чукчей, 69,4% эвенов, 61,2% юкагиров.

Основу жизнеобеспечения сельских жителей Якутии составляют традиционные отрасли хозяйства: у саха — коневодство и животноводство, малочисленных народов Севера — оленеводство, охотничий, рыбный и пушной промыслы, сбор дикорастущих ягод и лекарственных растений. Как правило, хозяйства такого типа базируются на использовании биологических ресурсов природы, малых технологий и замкнутого круга обмена, что позволяет считать традиционное природопользование основой устойчивого развития коренных народов (*sustainable development*).

Начиная с 2000 г. в миграционных процессах преобладает доля внутрирегиональной миграции, на которую в 2010 г. приходилось 64,5% от общего объема. Внутренняя миграция характеризуется продолжающимся перетоком сельского населения в городские поселения республики, прежде всего, в г. Якутск. За последние два десятилетия более 50 тыс. сельских мигрантов влились в состав городского населения, а удельный вес саха среди столичных жителей возрос с 25,1% в 1989 г. до 42,4% в 2002 г.³ В связи с этим г. Якутск, где сконцентрирована четверть населения республики (25,95%) и треть всех городских жителей (34,5%)⁴, является почти «идеальной» моделью многонациональной Якутии. Кроме того, именно здесь численный паритет саха и русских выражен наиболее рельефно: 42,4% и 46,1%, соответственно.

На фоне миграционного оттока из Якутии в другие регионы России выделяется положительное saldo миграционного обмена со странами СНГ, среди которых лидируют Кыргызстан, Армения, Таджикистан и Узбекистан. В межпереписной период (2002–2010 гг.) количество киргизов увеличилось в 3,4 раза, узбеков — 2,8 раз, таджиков — 2,4 раза, армян — 1,3 раза.

Истоки и традиции толерантности: исторический дискурс. Географическое пространство Якутии с древности представляло собой оживленное этнокультурное перекрестье, где происходили сложные процессы взаимодействия ментальной карты, хозяйственных, торговых, культурных, языковых традиций и коммуникативных практик Севера и Юга, синтез и преобразование магистральных и локальных культур этнических сообществ Северной Евразии. «Эффект перекрестка» в историческом и в современном взаимодействии народов Якутии не может не вызвать пристального интереса к данному культурному феномену. Не случайно в центре интереса ученых и других специалистов, кто в силу своей профессиональной деятельности сталкивается с этническим фактором в современной социально-экономической, культурной и духовной жизни республики, продолжают оставаться социально значимые историко-культурные явления прошлого, в том числе позитивный опыт многостороннего диалога этнических культур.

Многие путешественники и исследователи, побывавшие в Якутии в XVIII–XIX вв., отмечали примеры культурного обмена, легшие в основу интеграции разных хозяйственных практик, синкретизма языческих и христианских представлений, усвоении русскими старожилками якутского языка, специфического «полярного» типа питания, натурфилософского мировоззрения и экологической культуры коренных народов Якутии. Не будет преувеличением сказать, что географический, природный, этнокультур-

ный и ментальный ландшафт бескрайних просторов Северной Азии в течение многих веков формировал особую модель пограничной культуры открытого типа, характерными чертами которой являются этническая и религиозная терпимость, положительные установки на межнациональное общение, билингвизм, доверительность человеческих отношений, готовность к восприятию другой культуры, а также такие нормы поведения, как коллективизм и взаимопомощь. Примечательным выглядит и тот факт, что воспитание толерантности воспринималось здесь как стратегический фактор выживания в экстремальных условиях Севера.

Как известно, несмотря на свою географическую удаленность и суровые природно-климатические условия, Якутия никогда не была изолированной периферией Российского государства, выпадавшей из контекста общероссийского исторического процесса. В летопись региональной истории вписаны многие эпохальные события отечественной истории, прежде всего, это освоение русскими землепроходцами огромных пространств северо-востока Азии и северо-запада Америки, в результате которого Россия приобрела Дальний Восток, Камчатку, Сахалин, Чукотку, Русскую Аляску и стала крупнейшей мультиэтнической евразийской державой. Это и научное изучение северного и арктического пояса России участниками величайших в истории мировой науки морских и сухопутных экспедиций, предпринятых Российской академией наук. Примечательно, что имена первых землепроходцев и полярных исследователей: Семена Дежнева, Ерофея Хабарова, Витуса Беринга, братьев Дмитрия и Харитона Лавровых, Василия Прончищева, Ивана Ляхова, Петра Анжу, Джорджа Де-Лонга, Фердинанда Врангеля, Ивана Черского, якутского казака Владимира Атласова, якутского промышленника Якова Санникова и многих других олицетворяют сегодня историко-географические образы Якутии и России, запечатленные в названиях морей, проливов, островов, горных вершин и городов.

Яркий след в истории и достойный пример духовного и культурного подвижничества оставили святитель народов Якутии, Камчатки и Аляски архиепископ Иннокентий (Вениаминов); ректор Якутской духовной семинарии, первый якутский епископ Дионисий (Хитров); епископы Иаков (Домский) и Мелетий (Якимов), протоиерей Димитриан Попов и другие православные миссионеры. С их пастырским словом и спасительным служением связаны входение Якутии в лоно мировой религии, массовое освоение и признание ценностей христианской веры, определившие ее современный цивилизационный облик. Отмечая многогранный характер просветительской работы служителей православной цер-

кви, особо хочется выделить составление «Краткой грамматики якутского языка» Дионисием-Димитрием Хитровым, которое заслуженно ставит его в один ряд с Кириллом и Мефодием, даровавшим письменность славянским народам. Благодаря его творческому труду стали возможны перевод и издание священных текстов и богослужебных книг на языках коренных народов Якутии, распространение якутской письменности и формирование основ национальной литературы. Примечательно, что богоугодные дела великих православных миссионеров проецируются на разнообразную попечительскую работу современной Якутской епархии, которую она ведет наряду с богослужебной деятельностью. В центре церковного социального служения находятся в основном люди неимущие и гонимые, требующие особого милосердия и гуманности со стороны общества — малообеспеченные, без определенного места жительства и работы, освободившиеся из мест лишения свободы и попавшие в трудную жизненную ситуацию. Атмосферу уважения к Русской православной церкви также создает духовное попечение и благотворительная работа в домах престарелых и инвалидов, больницах и учреждениях исполнения наказаний.

В 2012 г. в Якутии и России широко отмечали столетний юбилей знаменитого письма «Якутской интеллигенции», вышедшего из под пера гениального поэта-мыслителя и основоположника якутской литературы Алексея Елисеевича Кулаковского-Оксукулэах Олоксоа. На фоне глобализации, усиления трендов унификации различных сфер жизни современного общества еще более рельефно проявляется и становится понятным его непоколебимое желание сохранить историко-культурное и национально-этническое своеобразие Якутии, настойчивый призыв к тесной интеграции с русским народом. Поразительно, что глубокие философские мысли о логике развития планетарных процессов, провидческие размышления о судьбах мира и народов, духовная тревога за историческое будущее «малых» народов России, как и магистральные пути развития культурной традиции своего народа, намеченные Кулаковским, и сегодня воспринимаются как живое и актуальное явление. Так, превосходное знание занятий и быта своего народа позволили ему сформулировать главные направления модернизации традиционного якутского хозяйства, это — переход к модели диверсифицированной аграрной экономики с элементами производства местных товаров; активный транзит новых знаний и технологий в практику рекультивации земель, производства зерновых культур, животноводства, искусственного рыбозаведения, племенной и селекционной работы; привлечение инвестиций в аграрную сферу; создание малого и среднего бизнеса и формирование широкого слоя пред-

принимателей как ядра будущего среднего класса и т.д. Большое внимание в его программном произведении также уделено вопросам утверждения принципов гражданского общества, социальной справедливости и социального партнерства. В частности, не теряют своего значения идеи Кулаковского об ответственности делового мира за состояние неконкурентоспособных и слабозащищенных групп населения; о необходимости финансовых вложений в общественно значимые работы, занятость и обустройство конкретных людей, воспитание и образование детей и молодежи. Предложения о создании инновационной сельской школы, внедрении агропрофилированного обучения как предпосылки сохранения традиционных занятий и образа жизни, трудовых и культурных традиций якутского крестьянства на редкость созвучны с приоритетами современной образовательной политики республики.

В 2012 г., который в республике прошел под знаком «Единения и дружбы народов», также торжественно отмечали знаменательные даты, связанные с такими важными датами, как 380-летие вхождения Якутии в состав Российского государства и 90-летие провозглашения Якутской АССР. Во время празднования этих исторических юбилеев неоднократно отмечалось, что Якутия за короткий, по масштабам всемирной истории, период, из далекой экономической провинции преобразилась в динамично развивающийся индустриально-аграрный регион, общепризнанный культурный, научный, образовательный центр и важнейший транспортный узел Азиатской России. Исторические перемены свершились во многом благодаря обостренной гражданской совести и патриотическим чувствам многих народных лидеров, принадлежащих разным историческим эпохам. Прежде всего, это такие исторические личности, как Софрон Сыранов, Алексей Аржаков, Иван Мигалкин, Василий Никифоров-Кулумнуур и Павел Ксенофонтов, которые оставили в наследие потомкам три столетия интеллектуальной мысли и политической культуры, объединенные идеей общего исторического пути развития Якутии и России, единства и неразрывности жизненной судьбы их народов, соединенных одной миссией — совместными усилиями защищать и укреплять государственность многонационального Российского государства.

Этнокультурная политика Республики Саха (Якутия). Еще на XXX-й сессии Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО, посвященной вопросам «Культурного разнообразия перед лицом глобализации» (1999) было признано, что культурное разнообразие является одним из главных богатств человечества, которое следует утверждать, особенно в связи с вызовами, возникшими в эпоху глобализации. В Республике Саха (Якутия) полностью поддерживают эту пло-

дотворную идею в русле укрепления и развития этнокультурной, религиозной и лингвистической самобытности российских народов как перспективного и инновационного ресурса развития Российской Федерации.

Следует признать, что среди других многонациональных российских регионов Якутия выделялась стабильностью межнациональных отношений даже в самые кризисные моменты истории России. Безусловно, сохранению такой ситуации способствует политика, проводимая Республикой Саха в такой деликатной сфере общественных отношений, как национальные. Ее правовую базу составляют нормы международного права, Конституции России и Якутии, ряда федеральных и республиканских законов и нормативных правовых актов, утверждающие равенство всех людей перед законом независимо от их расовой, этнической и религиозной принадлежности и гарантирующие свободное национальное развитие народов, проживающих на территории Якутии, независимо от их численности.

Государственную национальную политику республики можно охарактеризовать как концептуально оформленную систему мер, осуществляемых посредством разработки и реализации региональных социально-экономических и культурных программ и проектов, направленных на учет многообразных интересов и потребностей народов Якутии как самобытных этнокультурных общностей; создание условий для их равноправного участия в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах общественной жизни республики; содействие деятельности общественных организаций, созданных на основе этнической, этнокультурной и религиозной идентичности.

Основные приоритеты государственной национальной политики Республики Саха остаются неизменными. Прежде всего, это — защита исконной среды обитания, традиционного образа жизни и природопользования коренных малочисленных народов Севера. Решение этой задачи было и остается важным направлением работы республиканской власти, так как действующие, строящиеся и планируемые промышленные и энергетические объекты на территории Якутии, как правило, расположены на территориях их традиционной хозяйственной деятельности и в разной степени оказывают воздействие на жизнедеятельность не только коренных малочисленных народов Севера, но и живущих вместе с ними других сельских жителей республики. В республике предпринимаются определенные меры для достижения баланса интересов промышленности и местного населения, выработки совместного плана действий по преодолению существующих противоречий. Принятие первого и пока единственного в российском

правовом поле Закона Республики Саха (Якутия) «Об этнологической экспертизе» (2011) свидетельствует о серьезных намерениях формировать отношения, основанные на доверии, между всеми заинтересованными сторонами — государством, бизнесом и местными сообществами.

Важным направлением государственной национальной политики является содействие деятельности общественных объединений, созданных с целью удовлетворения этнокультурных запросов людей. Сегодня на территории республики функционируют 63 национально-культурных объединения, это национальные общины, казачьи общества, общественные организации коренных малочисленных народов Севера, общества дружбы с зарубежными государствами и др. Необходимо отметить, что большинство из них возникли еще в конце 80-х годов XX века и успешно работают на выполнение своей главной задачи — сохранение национальных языков, культуры, обычаев и традиций. Примечательно, что с момента своего создания по настоящее время они не замкнулись в рамках своих организаций, не ограничили свою деятельность только интересами своих членов, а сразу же включились в работу Департамента по делам народов Якутии и стали активно участвовать во всех общественно значимых политических и культурных мероприятиях: торжественных празднествах, посвященных Дню Республики и Дню государственности Республики Саха, инаугурации Президента, официальном приеме зарубежных делегаций и гостей и др. Стало доброй традицией участие членов национально-культурных объединений в подготовке и проведении Дней славянской письменности и культуры, Дней якутской письменности и культуры, национальных праздников — якутского Ысыаха, Рождественских встреч славянских народов, мусульманских праздников Наурыз, Курбан-Байрам, Сабантуй, бурятского Сагаалган и других мероприятий, направленных на поддержку этнокультурного многообразия.

Другим важным компонентом государственной национальной политики является создание условий для удовлетворения интересов и потребностей людей, связанных с их религиозной принадлежностью. В настоящее время на территории Якутии зарегистрированы 134 религиозные организации. Для решения вопросов, возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных конфессий, при Президенте РС(Я) и муниципальных органах власти и управления функционируют Комиссии по вопросам религиозных объединений, в состав которой входят представители органов исполнительной и законодательной власти Якутии, уполномоченные члены самих конфессий, специалисты в области религии и др. В соответствии с решениями этих Комиссий были

подготовлены и приняты нормативные правовые документы, регулирующие деятельность религиозных объединений. Власти республики всемерно содействуют общественным и гражданским инициативам, социальным проектам и социально-религиозному волонтерству христианских, мусульманских, буддистских и других организаций, представленных в республике. Большое внимание уделяется вопросам предупреждения духовной агрессии отдельных религиозных групп, наносящих вред духовно-нравственному здоровью людей, их имущественным и другим правам; предотвращения случаев вовлечения несовершеннолетних детей в религиозные и тоталитарные секты, попыток использовать религиозные чувства людей для провоцирования в обществе конфликтов. В целом, следует отметить позитивное значение диалога республиканской власти и религиозной общественности для духовного и нравственного оздоровления общества.

К приоритетам национальной политики относится поддержка лингвистического многообразия и сохранение языков коренных народов Якутии в сфере образования, культуры и средств массовой информации. С целью содействия укреплению лингвистического многообразия Якутии десятый год функционирует Совет по языковой политике при Президенте РС(Я). Одним из важных итогов его работы является разработка и утверждение двух программ — «Развитие образования Республики Саха (Якутия) на 2012-2016 гг.», «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2012-2016 гг.», в рамках которых будут реализованы разнообразные мероприятия по удовлетворению культурно-языковых запросов широких слоев населения. Учет потребности родителей и детей в обучении на родном языке, доступность образования на национальных языках, изучение родных языков в средних общеобразовательных школах республики признается решающим фактором сохранения и развития языков коренных народов Якутии в условиях многоязычия. Министерством образования РС(Я) разработаны 4 образовательные модели изучения родных языков в зависимости от их статуса и социолингвистической ситуации, гарантирующие свободный выбор родителями языка воспитания и обучения детей. Эти и другие меры, направленные на защиту и развитие национальных языков коренных народов Якутии, позволяют надеяться на дальнейшее укрепление их позиций в сфере дошкольного воспитания и школьного образования.

В число важных направлений национальной политики республики также входит культивирование идеи дружбы народов Якутии и России. Этнокультурное многообразие республики признается источником ее силы, поэтому большое внимание уделяет-

ся развитию толерантной среды, атмосферы уважения к языку и культуре всех народов Якутии. В указанном контексте следует рассматривать проектирование и строительство архитектурных объектов в столице республики, которые отражают культурно-исторические особенности Якутии и пробуждают интерес к ее прошлой истории; издание научных и научно-популярных книг, альбомов, справочников, способствующих распространению знаний о событиях и фактах отечественной, региональной и локальной истории; организацию художественных выставок и вернисажей, постановку спектаклей и концертов, проведение творческих вечеров, посвященных пропаганде материального, культурного и духовного наследия народов Якутии; трансляцию радио- и телепередач, рассказывающих об истории формирования и многообразной деятельности национальных диаспор республики и т.д.

В целом нужно подчеркнуть, что готовность власти и широкой общественности республики проводить и развивать политику в сфере национальных отношений во многом способствовала не только ее дальнейшему развитию как региона международного мира и гражданского согласия, но также и росту авторитета Якутии, признанию и уважению ее национальной политики в других регионах России. Проведение в 2012 г. четвертой по счету Ассамблеи народов Якутии и участие в ее работе Президента, членов Правительства, депутатов Государственного Собрания (Ил Тумэн), представителей муниципальных образований, органов местного самоуправления, национально-культурных объединений, национально-культурных автономий, казачьих обществ, религиозных и других общественных организаций республики свидетельствует о постоянном поиске обобщающего вектора интересов большинства населения республики, эффективных форм сотрудничества власти и общества.

Военно-патриотическое воспитание. Сегодня в Якутии, как и по всей России, многое сделано и делается для увековечивания памяти многонационального братства защитников Российского государства, начиная с солдат и офицеров Якутского пехотного полка, отличившихся в легендарном Бородинском сражении 1812 г. и Крымской войне 1853–1856 гг. Многие якутяне гордятся тем, что боевую славу Якутского полка, название которого увенчано золотыми буквами в Георгиевском зале Московского Кремля, продолжили участники Русско-Японской и I-й мировой войн, увенчанные за храбрость и мужество Георгиевскими крестами — Н. Попов, В. Федулов, А. Гаврилов, И. Андросов, А. Притузов и др. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. под боевыми знаменами различных армий и фронтов войны-якутяне дрались под Москвой, Ленинградом и

Сталинградом, принимали участие в битвах на Кавказе, Курской дуге, Украине и Белоруссии, добивали врага в Яско-Кишиневской, Висло-Одерской и Берлинской операциях. Вместе со всем советским народом они героически отстаивали свободу и независимость своей родины и осуществили великую миссию по освобождению народов Европы и Азии.

Как символ поклонения и благодарности горит в городах и селах Якутии Вечный огонь солдатам, не вернувшимся с Великой Отечественной войны, воздвигнуты многочисленные памятники, обелиски, мемориальные комплексы и памятные сэргэ, имена многих героев присвоены населенным пунктам, их улицам, площадям и проспектам, школам, морским и речным судам, воинским частям и др. В произведениях литературы и искусства воспеваются подвиги земляков — героев фронта и тыла, работают десятки Музеев Боевой и Трудовой Славы, издаются различные историко-документальные сборники, книги, альбомы, продолжается поиск воинов, пропавших без вести и т.д.

Воспитание в детях и молодежи республики чувства национального достоинства, гражданственности и патриотизма происходит через участие в массовом военно-патриотическом движении. В ежегодных общешкольных, городских (улусных), республиканских соревнованиях песни и строя участвуют практически все школьники Якутии, а начиная с 2012 г. — даже воспитанники старших групп дошкольных образовательных учреждений. Во многих сельских школах в летний период проводят военные сборы для учащихся старших классов, где юношей обучают азам воинского искусства в походно-полевых условиях: ориентированию на местности, преодолению препятствий, стрельбе из разных типов оружия, маршброскам на различные дистанции и т.д. По инициативе энтузиастов проводятся исторические реконструкции великих сражений Великой Отечественной войны, в которых принимали участие воины из Якутии. В республиканской прессе, телевидении и радио, кроме традиционных встреч с ветеранами-фронтовиками, устраивают выступления демобилизованных солдат, рассказывающих об армейской жизни, о важности выполнения своего гражданского долга перед родиной.

Убедительным свидетельством эффективности проведения такой важной социальной работы являются результаты призывов на действительную военную службу: ежегодно тысячи молодых людей из Якутии вливаются в ряды российских вооруженных сил. Примечательно, что для многих из них собственная культурная идентичность имеет большую личностную значимость как в приватной, так и в общественной жизни. Например, об этом говорит организация и проведение «армейского» Ысыаха⁵, который отме-

чали 17 июня 2012 г. в расположении 83-й отдельной десантно-штурмовой бригады (в/ч №71289) более 500 военнослужащих срочной службы, в том числе 99 солдат-саха. Показательно, что даже в условиях тотального института, каковым является российская армия, был воспроизведен якутский культурный ландшафт: ритуальные элементы праздника, национальные обряды, этническая утварь и пища, народные танцы, игры и состязания и т.д.

Рис. 1. Церемония открытия Ысыаха (Уссурийск, Приморский край)

Как известно, урбанизация, распространение ценностей общества потребления, «давление» массовой культуры, приоритет личной свободы над авторитетом родителей и др. существенно ослабляют «этнические корни» молодежи, т.к. по своему формируют их картину мира, стиль жизни, отношения полов и поколений, предпочтения в одежде, пище и др. С другой стороны, в рамках российских реалий мы видим обратное, факты очевидного сопротивления процессам унификации говорят в пользу того, что этничность остается важным феноменом в истории не только XIX и XX веков, но и современного времени. Нетрудно заметить, что сложность этнического феномена, его тесная привязка к культурным и социальным контекстам, затрудняют его однозначное определение. В этой связи представляется, что только дальнейшее исследование многообразия его проявлений способно помочь адекватному восприятию и оценке тех тем, что накопились сегодня в области размышлений о культурном плюрализме.

Примечания:

¹ Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Саха (Якутия) // <http://sakha.gks.ru>

² Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). —Т. 5. —Якутск, 2005. —С.13, 15.

³ Игнатъева В.Б. Саха (Якутия) на пороге этнодемографических перемен // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 г. —М., 2007. — С. 459-471.

⁴ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Численность и размещение населения Республики Саха (Якутия). —Т. 1. —Якутск, 2004. —С. 6,13-15.

⁵ Ысыах — государственный праздник Республики Саха (Якутия).

Д.А. Черниенко*

УКРАИНИСТИКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (1990–2000-е гг.): ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

В Южном Приуралье исторически и поэтапно формировалась одна из наиболее крупных и относительно компактных групп украинского населения России. Важными факторами в этом процессе явились военно-колониционная политика Российского государства на восточных границах, создание с середины XVIII в. Оренбургской оборонительной линии и Оренбургского казачьего войска, крестьянские миграции после отмены крепостного права в 1861 г., ввод в конце XIX в. в эксплуатацию Самаро-Златоустовской железной дороги, проведение Столыпинской аграрной реформы 1906–1916 гг., голод в Украине в 1920–1930-е гг., массовая эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны, хозяйственное освоение целинных земель, трудовые миграции в советский период. Наибольшая численность украинцев в Южном Приуралье зафиксирована переписью 1939 г. – более 240 тыс. человек. Во второй половине XX в. начались необратимые процессы ассимиляции и сокращение доли украинцев в этнической структуре региона. В настоящее время, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Республике Башкортостан и Оренбургской области, обладающих рядом общих черт культурно-исторического развития, проживает около 90 тыс. украинцев. Большая численность украинского населения в регионе, его заметная роль в хозяйственной, общественно-политической и культурной сферах, обусловили стабильно высокий научный интерес к данной этнической группе, который прослеживается с середины XVIII в. – от трудов П.И. Рычкова, в которых впервые упоминаются «малороссы» в Оренбургском крае, до настоящего времени. За это время региональная украинистика¹ прошла значительный путь от первичного накопления материалов и постепенного расширения источниковой базы до серьезных научных обобщений и комплексных, междисциплинарных исследований.

Общественно-политические и социально-экономические изменения на рубеже 1980–1990-х гг. су-

щественно отразились на проблематике исторических исследований. Прекращение существования СССР, появление плюрализма в дискуссиях, оживление национального движения, расширение возможностей для гражданской самоорганизации значительным образом повлияли не только на различные сферы общественной жизни, но и на состояние науки в постсоветской России, особенно в области гуманитарного знания. Постсоветские 1990-е гг. принято связывать с такими явлениями, как «всплеск этничности», «этническая мобилизация», понимаемые не только как борьба за политические права, национальное самоопределение и суверенитет, но и активизация национально-культурного движения. В Башкортостане истоки организованного украинского движения восходят к весне 1989 г. и связаны с подготовкой праздника к 175-летию Т.Г. Шевченко. С этого события началось объединение украинцев республики, завершившееся созданием Товарищества почитателей украинской культуры «Кобзарь» в январе 1990 г. (с 1992 г. – Республиканский национально-культурный центр украинцев Башкортостана «Кобзарь»). В Оренбургской области украинское культурно-просветительское общество им. Т.Г. Шевченко создано в июле 1992 г.

Расширение автономных прав национальных административно-территориальных образований в Российской Федерации также стало важным фактором повышения научного интереса к этнической проблематике. Чрезвычайно востребованными оказались вопросы государственной национальной политики, национального строительства, этногенетических и этнополитических процессов, межкультурного взаимодействия и т.д. Обретение независимости и государственности бывшими республиками СССР также повлияло на содержание научной работы. Произшедшие изменения на политической карте Восточной Европы привели, в частности, к необходимости поиска новых подходов к понима-

* Черниенко Денис Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры филологического и социально-гуманитарного образования Уфимского университета им. М.А. Шолохова (г. Уфа).

нию феномена «диаспоры», актуализировали этно-исторические исследования. Образование независимых государств, появление суверенной земли «материнского этноса» в значительной степени всколыхнуло рост национального самосознания и повышения познавательного интереса к «исторической родине».

В полной мере отмеченные общие тенденции относятся и к особенностям изучения украинского населения России. Провозглашение независимости Украины 24 августа 1991 г. стало не только одним из ключевых политических событий для страны в XX в., но и положило начало формированию нового отношения и восприятия украинской государственности и всего культурно-исторического опыта украинского народа как в повседневном общественном сознании, так и в научно-исследовательских практиках. Изменение государственного статуса Украины оказало влияние и на ее политику по отношению к восточной диаспоре, а в самой России в 1990-е гг. оживилось изучение истории Украины, украинско-российских отношений, повысился интерес к положению украинской диаспоры в стране.

Таким образом, общий закономерный рост интереса к национальным вопросам, истории российско-украинского взаимодействия, особенностям функционирования украинского этноса на территории России, обусловили появление ряда особенностей, принципиально отличающих состояние и развитие украинистики в Южном Приуралье на рубеже XX–XXI вв. от предшествующих периодов.

1. *Организационное оформление научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности, складывание исследовательских коллективов.*

Первые попытки организации украиноведческих исследований относятся к началу 1990-х гг., когда обсуждалась идея создания в Уфе Урало-Поволжского регионального научного центра украинистики АН УССР, который бы объединил научные силы Башкирии, Оренбургской, Челябинской областей, ряда субъектов Поволжья. Однако прекращение существования СССР не позволили реализоваться этому проекту. Вместе с тем, необходимость более системного подхода к организации исследовательской работы была очевидной и воплотилась в 1993 г. в форме общественной организации «Научный центр украинистики В. Бабенко» — единственного в то время подобного центра за пределами Украины (в России и странах СНГ). Центр создавался с целью придания исследованиям целенаправленного комплексного характера и вел работу по таким направлениям, как история формирования украинского населения южноуральского региона, изучение социально-экономического положения украинцев в регионе, фольклор, этнография и народное искусство и др.

В рамках работы Центра, действовавшего в 1993–1999 гг. исключительно на общественных началах, удалось объединить тех ученых, которые в той или иной степени затрагивали темы, связанные с Украиной. Конкретным результатом подобной интеграции стал сборник «Украина — Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества» по материалам одноименной конференции 1991 г.² В 1995 г. Центром совместно с Отделом народов Урала с Музеем археологии и этнографии УНЦ РАН подготовлено издание «Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии»,³ представлявшее сборник текстов и нот 239 песен, объединенных по жанровым группам, с научными комментариями и вступительными статьями по истории и фольклору украинцев в Башкирии. В 1999 г. подобная работа была выполнена совместно с Институтом искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рылского НАН Украины в формате сборника на украинском языке «Завези од мене поклон в Україну...»,⁴ в который была включена значительная часть материалов (более 150 разножанровых текстов с примечаниями), собранных украинскими учеными в экспедициях по Башкирии в 1941–1943 гг. и хранившихся в архиве Института, а также фрагменты научных статей 1940-х гг.

В 1999 г. Центр официально прекратил существование, поскольку научная работа в области украинистики начала организовываться при ряде кафедр гуманитарной направленности в структуре Уфимского филиала Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова (МГОПУ), созданного в 1998 г. (в 2007 г. преобразован в Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, МГУ) по инициативе и под руководством известного этнографа-украиниста В.Я. Бабенко. Образовательное учреждение стало признанным центром притяжения украиноведческих исследований не только в Урало-Поволжском регионе, но и в Российской Федерации, местом проведения круглых столов, семинаров, курсов повышения квалификации, конференций, во многих случаях совместно с учеными Украины. Наличие собственного издательского центра позволило регулярно публиковать материалы научных мероприятий, а также книги,⁵ сборники,⁶ справочники⁷ по различным аспектам региональной украинистики. В 2010 г. в структуре Уфимского филиала МГУ им. М.А. Шолохова создан Научно-методический центр (НМЦ) по изучению славянских языков и культур. Основу НМЦ составляет сектор украинистики, который занимается проведением научных исследований, организацией на базе филиала конференций и других мероприятий, подготовкой печатных трудов, научными консультациями, взаимодействует с образовательными учреждениями, в том чис-

ле разных регионов России. В работе центра и сектора принимают участие преподаватели университета — специалисты в разных областях гуманитарного знания — этнографы (В.Я. Бабенко), историки (Д.А. Черниенко), филологи (М.А. Пилипак), педагоги (Ю.В. Сиренко) и др.

Для координации научно-исследовательской деятельности и совместной работы с коллегами-украинистами из других городов в 2010 г. в Уфе создана Межрегиональная общественная организация «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко». Основными целями Общества являются: развитие украинистики в России и за рубежом, координация научно-исследовательской работы в области истории, этнографии, фольклористики, языкознания и культуры украинцев в различных регионах, содействие сохранению исторического и культурного наследия, национальной самобытности украинского народа. В настоящее время Общество имеет региональные представительства в Уфе, Саратове, Ижевске, Краснодаре, Сургуте, а также индивидуальных членов из других городов. Работа Общества ориентирована, прежде всего, на проведение комплексных историко-этнографических экспедиций по украинским селам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья; составление и уточнение полного списка поселений, основанных украинцами; информационное содержание историко-культурного портала «Украинцы России»; поиск и публикация архивных документов по проблемам украинизации в различных регионах России; проведение конкурсов исследовательских проектов; разработку программ для украинских воскресных школ и т.п.

В Оренбургской области первый опыт организационного объединения украинистов связан с созданием в 1993 г. и 10-летней деятельностью общественного «Института Тараса Шевченко» (ИТШ). Позднее «НИИ Тараса Шевченко» продолжил работу в составе Оренбургского государственного университета под руководством известного шевченковеда Л.Н. Большакова, проводившего значительную работу по организации научных мероприятий, издания серии «Научных записок», популяризации творчества Т.Г. Шевченко. ИТШ был образован с целью объединения немногих шевченковедов за пределами Украины в единый центр, а также для стимулирования шевченковедческих исследований в самой Украине. Учреждение подобного центра именно в Оренбурге было еще и символическим, поскольку в свое время город являлся столицей огромной губернии, охватывавшей шевченковские места в Средней Азии — Арал и Мангышлак. Основными направлениями работы ИТШ являлись: 1) всестороннее научное изучение жизни и творчества Т. Шевченко периода его солдатчины; 2) пропаганда жизни и творческого подвига Т. Шев-

ченко среди населения, увековечивание памяти о нем; 3) подготовка знатоков жизни и творчества Т. Шевченко в рядах студентов и учащейся молодежи. Важным решением, подтверждающим высокий научный статус Института и его разноплановую деятельность, стало учреждение печатного органа — «Научных записок ИТШ»,⁸ а в просветительских целях — газеты-бюллетеня «Институт Тараса» (вышло около полутора десятков выпусков) как одной из форм пропаганды своей деятельности. Институт быстро стал крупнейшим центром шевченковедения в СНГ (вне Украины), занимающийся изучением биографии поэта, увековечиванием памяти о нем. Л.Н. Большаков четко представлял себе направления дальнейшего развития: создание электронной базы данных по Т.Г. Шевченко, организация сектора украинской этнографии, разработка других славянских сюжетов — русских, польских.

Параллельно с работой «Института Тараса Шевченко» в ОГУ на базе кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета в 1993 г. создается областная общественная организация «Научно-исследовательский центр истории народов Южного Урала» под руководством профессора А.В. Федоровой. Основные задачи Центра заключаются в проведении этнографических, исторических, социологических, культурологических, лингвистических исследований и просветительских мероприятий. В рамках работы Центра многие поколения студентов собирают материалы из разных районов области для университетского историко-этнографического музея. Современные фонды музея по украинской тематике насчитывают более 460 единиц хранения. Среди них коллекция национального украинского мужского и женского костюма, рушников, венков, предметов быта, орудий труда. Важной частью фондов являются также старинные фотографии (в том числе переселенцев из Украины начала XX в.), копии архивных документов. К настоящему времени накоплена уникальная база данных, не имеющая аналогов в России — более 300 научных студенческих работ, посвященных истории украинских семей и сел, генеалогий. С научно-просветительским проектом «Украинцы Оренбуржья» А.В. Федорова, преподаватели кафедры и студенты регулярно принимают участие в различных городских и областных выставках, конкурсах, фестивалях, в том числе «Шевченковском марте», выполняя важную социальную миссию — ознакомление общественности с культурой украинского народа.

После ухода Л.Н. Большакова из жизни в 2004 г. возглавляемый им «ИТШ—ЦЭП», более 10 лет развивавший традиции шевченковедения и в значительной степени координировавший работу в области украиноведческой тематики, подвергся существен-

ным реорганизациям и в прежнем формате прекратил существование. Его преемником в ОГУ постепенно становится Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала под руководством профессора В.В. Амелина. Институт был создан в 2010 г. путем реорганизации существовавшего с 1999 г. НИИ истории Южного Урала и казачества России, ориентированного на исследования по истории региона и казачества как социокультурного явления. В контексте широкой региональной проблематики сотрудники институтов в разные годы затрагивали в своих исследованиях некоторые аспекты пребывания украинцев на Южном Урале и их этнокультурного взаимодействия с другими народами региона. Данные вопросы отражены, например, в работах Л.И. Футорянского об оренбургском казачестве,⁹ этнографических очерках Г.П. Ким,¹⁰ статьях К.А. Моргунова о государственной национальной политике,¹¹ В.В. Амелина об этноконфессиональной ситуации и миграционных процессах в области.¹² Большое внимание Институт уделяет организации конференций, изданию научных трудов, тематических сборников и материалов конференций.

Итак, к настоящему времени в Республике Башкортостан и Оренбургской области сложились необходимые организационные формы в виде специализированных центров и институтов на базе образовательных учреждений, а также в виде общественных объединений, которые обладают кадровыми и материально-техническими ресурсами для системных украиноведческих исследований.

2. Проведение научных мероприятий, посвященных украиноведческой проблематике.

Регулярная организация конференций, семинаров, круглых столов является важным показателем активной и успешной исследовательской деятельности, позволяет координировать работу по различным направлениям, создает высокую научную репутацию региональным научным центрам. Башкортостан и Оренбуржье имеют в этом отношении богатый опыт, что позволяет говорить о формировании собственных традиций. Первая украиноведческая научная конференция прошла в Уфе в декабре 1991 г. по теме «Украина — Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества» и была посвящена памятной дате — 50-летию начала Великой Отечественной войны. Главная идея, вокруг которой строилась работа конференции — дружба народов Украины и Башкирии испытана временем. Символично, что в конференции принял участие директор киевского Мемориального музея-квартиры П. Тычины И.Д. Блюдо.

Формат заочной конференции в 2001 г. носил сборник «Украина — Башкортостан: связь времен», посвященный 60-летию с момента эвакуации АН УССР в Башкирию в 1941 г. и ставший продолжени-

ем серии публикаций научно-просветительского характера об историческом взаимодействии Башкортостана и Украины.¹³ В 2002 г. к Году Украины в Российской Федерации была приурочена республиканская конференция «Развитие социально-экономического и культурного сотрудничества Башкортостана и Украины». Конференция вышла за рамки собственно украиноведческой темы и охватила такие проблемы, как диалог народов в поликультурном обществе, интерференция культурных традиций в истории и этнографии народов Башкортостана.¹⁴

В 2004 г. в украинистике региона произошло знаменательное событие — конференция «Михаил Грушевский — историк, общественный и политический деятель, человек», посвященная жизни и творчеству всемирно известного ученого. Это был первый в России опыт осмысления и обсуждения литературного наследия М.С. Грушевского.¹⁵ О значимости форума свидетельствовали приветствия и обращения к участникам конференции, направленные от имени директора Института истории Украины НАН Украины В.А. Смолия, директора Института философии НАН Украины М.В. Поповича, ректора Национального университета «Киево-Могилянская академия» В.С. Брюховецкого, ректора Нежинского государственного университета им. Н.В. Гоголя В.П. Яковца и других деятелей науки и образования Украины.

В 2009 г. по инициативе уфимских украинистов в Культурном центре Украины в Москве была организована I Международная научная конференция «Украинистика в России: история — состояние — тенденции развития», которая прошла 11–12 ноября 2009 г. Цель конференции — обозначить наиболее важные задачи, проблемы, перспективы развития украинистики, подчеркнуть ее научную и социокультурную значимость. Участниками конференции в очной или заочной форме стали более 65 ученых из 15 регионов России и Украины, по итогам издан сборник материалов.¹⁶

В 2010 г. «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко» организовало международную интернет-конференцию «Украинская этничность в социокультурном пространстве России», в которой участвовали ученые из России — Уфы, Москвы, Петрозаводска, Саратова, Волгограда, Сургута, Владивостока и Украины — Киева, Донецка, Каменец-Подольска, Горловки. Были рассмотрены различные вопросы истории переселенческого движения украинцев, особенности формирования и функционирования украинских диаспорных групп в регионах России, динамика этнических и языковых процессов, опыт реализации украинского национального образования, культурное наследие украинского населения России, историография и источниковая база российской украинистики.¹⁷

В 2011 г. к 70-летию эвакуации Академии наук СССР в Башкирию в 1941–1943 гг. в Уфе состоялась Международная научная конференция «Башкортостан – Украина: наука, образование и культура в годы Великой Отечественной войны». В рамках работы конференции Башкортостан посетила представительная делегация в составе Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины в России В.Ю. Ельченко, первого вице-президента НАН Украины А.Г. Загородного, директоров нескольких ведущих научно-исследовательских институтов. На конференции были подняты вопросы, связанные с ходом и обстоятельствами эвакуации населения и предприятий из Украины в Башкирию, условиями деятельности учреждений науки и культуры в тылу, ролью представителей научной и творческой интеллигенции в развитии социальной сферы и народного хозяйства, результатами и историческим значением совместной работы украинских и башкирских ученых.¹⁸

Кроме историко-этнографических исследований в 1990–2000-е гг. Уфа стала известна как одна из главных методических площадок России в области организации и совершенствования преподавания предметов украиноведческого цикла в образовательных учреждениях различного типа. В Республике Башкортостан разработана уникальная программа обучения на государственных и родных языках, действуют муниципальные украинские воскресные школы, курсы повышения квалификации учителей, с 2003 г. проводятся ежегодные летние языковые лагеря с участием преподавателей из Украины. За последние годы состоялось четыре научно-методических семинара республиканского, межрегионального и международных уровней (1994, 1996, 2002, 2008), которые ориентированы на обсуждение проблем, определение эффективных путей, новых подходов, форм и методов изучения данных предметов; обобщение опыта по созданию и функционированию национальных украинских образовательных учреждений; принятие практических рекомендаций для педагогических работников.¹⁹

В Оренбурге крупная конференция «Украинцы в Оренбургском крае» состоялась в 1997 г. Более 40 докладов, прозвучавших на конференции, свидетельствовали о нарастании интереса к местному украинскому сообществу в первой половине 1990-х гг. В выступлениях были затронуты самые различные сюжеты – появление украинцев в крае, знаменитые украинцы Оренбуржья, история сел, история и культура Украины, состояние архивных источников, музейная работа и т.д.²⁰ В 1990–2000-е гг. в Оренбургской области проводится целенаправленная научно-исследовательская деятельность в сфере изучения истории, культуры и современного положения различных этносов и этнографических групп края. С 1996 г.

действует проект «Многоязычный мир Оренбуржья», в рамках которого вышло более 25 сборников материалов научных конференций.

В Оренбуржье украиноведческие конференции обоснованно связаны с именем и памятными датами жизни Т.Г. Шевченко. В 2000 г. к 185-летию со дня рождения поэта прошла конференция «Помнят степи певца Украины», на которой помимо основной шевченковской темы прозвучали выступления по истории и современному положению украинской диаспоры Южного Урала, общественно-политическим процессам и культурному развитию Украины.²¹ В 2004 г. конференция «Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития» была посвящена 190-летию со дня рождения поэта. Выступления более 30 участников отразили основные исторические аспекты пребывания украинцев в Оренбургском крае, а также этнические особенности культуры, науки и образования в области.²² В 2006 г. в рамках XXX «Шевченковского марта» прошла конференция «Кобзарь и Оренбуржье». Более 20 докладов были обращены к различным сторонам жизни и творческой деятельности Т. Шевченко в ссылке, а также вопросам этнической истории и современной духовной жизни украинцев Оренбуржья.²³ Доклады, связанные с украинской проблематикой, регулярно звучат и в рамках традиционных конференций «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона», «Культура Оренбургского края: история и современность (Большаковские чтения)».

Таким образом, за последние годы интенсивность мероприятий поступательно нарастает, они становятся более представительными по составу участников и научному статусу.

3. Подготовка диссертаций и научных трудов монографического характера.

Накопление разнообразных фольклорно-этнографических источников учеными Башкирии в ходе активной экспедиционной работы в предыдущий период, появление значительного количества новых научных публикаций, освещающих те или иные стороны материальной и духовной культуры украинского населения Южного Приуралья, обусловили необходимость подготовки обобщающих работ, учитывающих имеющийся на данный момент исследовательский опыт.

Архивные, полевые, статистические материалы, обширная историография, собранные к середине 1980-х гг. в ходе подготовки диссертации, а также новые данные по результатам экспедиций второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. позволили В.Я. Бабенко в 1992 г. реализовать важную задачу по изданию книги «Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной

среде».²⁴ Для России эта монография, посвященная комплексному историко-этнографическому описанию украинцев конкретного региона, стала первой. Украинская этническая группа в Башкирии рассматривалась им не как изолированный, оторванный от социально-культурного контекста феномен, а как неотъемлемая часть местного полиэтничного окружения. Главный вывод заключался в признании того, что на разных этапах истории украинцев Башкирии были присущи разнонаправленные этнические процессы: внутриэтническая консолидация > этническая этнокультурная трансформация, адаптация > этнокультурная интеграция, аккультурация > этноязыковая ассимиляция. В.Я. Бабенко обосновал содержание этих процессов и причины необратимого перехода на следующую стадию. Данная схема подтверждала разработанную совместно с академиком Р.Г. Кузеевым в середине 1980-х гг. теорию «малых этнических групп». Таким образом, монография включала не только опыт теоретико-методологических разработок, но и системный этнографический, социографический, культурологический анализ конкретно-исторической информации.

В 1996 г. в научно-образовательной сфере Башкортостана произошло исключительное событие — при содействии РНКЦ УБ «Кобзарь» в Уфе издана «История Украины»,²⁵ рекомендованная Министерством образования Украины как учебное пособие для учащихся и студентов с русским языком обучения. Это был первый опыт издания подобного учебника в постперестроечный период за пределами Украины и на территории всего бывшего СССР. В учебнике, ориентированном преимущественно на иностранных студентов с русским языком обучения, рассматривалась история Украины с древнейших времен до начала 1990-х гг. Главным объектом внимания для авторов явился наиболее актуальный для того времени процесс становления украинской государственности, показанный в исторической ретроспективе. Учебник имел солидную методическую основу — контрольные задания к каждой главе, тематические списки терминов с переводом на английский язык, карты, схемы, рисунки, иллюстрации, фотографии, хронологические таблицы, хрестоматию с текстами источников и историческими документами.

Многолетняя исследовательская деятельность уфимского фольклориста Ф.Г. Ахатовой, начавшаяся во второй половине 1980-х гг., позволила к 1997 г. систематизировать и проанализировать собранный песенный материал в рамках диссертационной работы.²⁶ Актуальность исследования, выполненного в русле этномусиковедения, была несомненной, поскольку изучение песенного музыкального фольклора придавало изучению этнической культуры украинцев комплексный, заверченный характер. Кроме

изучения конкретных историко-этнографических сюжетов функционирования украинской диаспоры, региональной специфики песенного фольклора, ставилась задача раскрытия особенностей эволюции украинской культуры в иноэтничной среде.

В 2000 г. материалы диссертационного исследования Ф.Г. Ахатовой были представлены в виде монографии,²⁷ подготовленной на основе комплексного изучения исторических, демографических, этнографических, лингвистических и фольклорных данных. Песни украинцев Башкортостана анализировались, во-первых, в сравнении с музыкальными традициями материнского этноса, во-вторых, прослеживались взаимодействия с культурами других народов Южного Приуралья, выявлялся механизм влияния фольклора на этническую характеристику украинцев, их этническое самосознание. Разбирая ладовые, мелодические, ритмические, гармонические закономерности напевов песен, жанровое разнообразие, примеры соединения песенной традиции с обрядовой сферой, Ф.Г. Ахатова приходит к выводу о том, что, испытывая сильное влияние со стороны других культур, украинский фольклор сохраняет ярко выраженную самобытность, оригинальность и востребованность не только в своей этнической среде.

Высокую научную ценность имеет выделение Ф.Г. Ахатовой пяти этапов в формировании специфической песенной культуры украинцев Башкортостана: обособленные ареалы — сближение музыкальных диалектов — взаимодействие восточнославянских традиций — взаимодействие с тюркскими и финно-угорскими традициям в регионе — возрождение некоторых фольклорных жанров в современных условиях. В целом, с учетом поднятого круга проблем и новаторских подходов их решения, книга «Украинские песни в Башкортостане» явилась заметным научным фактом не только для региональной науки, но и одним из немногих исследований подобной направленности в России.

Тема взаимосвязи украинского и восточнославянского фольклора была продолжена Ф.Г. Ахатовой в рамках последующего монографического труда «Восточнославянские песни в Башкортостане»²⁸ и соответствующей докторской диссертации.²⁹ Специфика фольклорных традиций трех народов рассматривалась в сравнении с культурой других этносов республики и материнских этносов. Автор приходит к выводу о формировании в Башкортостане «общеславянского культурного суперстрата», для которого характерны, с одной стороны, консервация некоторых культурных черт песенной традиции в условиях дисперсного проживания, с другой стороны, постепенное «осовременивание» фольклора — вытеснение одних жанров (думы, солдатские, чумацкие песни) другими (частушки, городской фольклор). Внутри дан-

ного субстрата, а также со стороны соседних неславянских народов иноэтническое влияние нашло отражение в лексике, фонетике, сюжетах, манерах исполнения и др. Тем самым украинская песенная традиция с учетом ее национальных особенностей и локальных вариаций впервые была вписана в широкий региональный этнокультурный контекст.

К началу 2000-х гг. стало очевидно, что широкая тема башкирско-украинского сотрудничества, представленная до тех пор рядом содержательных статей, достойна более глубокого, системного изучения и обобщения. В этом направлении на протяжении нескольких лет активно работала Н.А. Баранова, которая в 2003 г. подготовила диссертационное исследование по данным вопросам.³⁰ В работе справедливо отмечалось, что украинцы Башкортостана, очевидно, принадлежат к тем этносам, которые в силу исторически сложившегося высокого культурного уровня сыграли в судьбах республики особую, значительно большую роль, чем их удельный вес в общем составе населения. Особенно подчеркивалось наличие общих закономерностей культурно-исторического развития башкир и украинцев — длительная борьба за государственность, политическую самостоятельность, сохранение языка и традиций. В 2010 г. диссертационное исследование было переработано в монографию,³¹ где украинская диаспора Башкортостана позиционировалась как «мост» в поэтапном строительстве взаимоотношений с Украиной методами «народной дипломатии». В хронологической последовательности рассматривался вклад украинцев Башкортостана в экономическое, культурное, научное, политическое развитие республики в советское время и на современном этапе.

Оценка этнонациональной ситуации в Башкортостане и положение украинцев в этнической структуре республики представлены в диссертационном исследовании³² и монографиях³³ А.Р. Хабибуллиной. На основе анализа нормативно-правовой базы, опыта реализации государственной национальной политики, конкретных управленческих решений, условий социально-экономического развития села и современных потребностей населения предлагается развернутый анализ деятельности украинского Историко-культурного центра «Золотоношка» Стерлитамакского района РБ, созданного в 1999 г. ИКЦ рассматривается как новая форма этнического самоопределения, обращено внимание на комплексный характер проводимой работы — соединение просветительских, образовательных, исследовательских и культурно-массовых форм функционирования центра. Автор приходит к выводу, что разнообразная деятельность центра объединяет разные поколения местных жителей, способствует сохранению исторической памяти и, как следствие, формированию пози-

тивной локальной этнической идентичности. Кроме того, ИКЦ выполняет важную задачу поддержания интереса к этнической культуре в масштабах всей республики.

Таким образом, книга В.Я. Бабенко, посвященная локальным особенностям формирования украинского населения в республике, его материальной культуре, семейным отношениям, и монографии Ф.Г. Ахатовой о фольклорных традициях украинцев и других восточнославянских народов, стали закономерным итогом системной исследовательской работы в данных направлениях в Башкортостане и первыми научными изданиями в России с подобными проблемно-тематическими и методологическими подходами, получившие широкую известность и высокие оценки научного сообщества.

В Оренбуржье, как отмечалось выше, цикл монографических шевченковедческих изданий принадлежал Л.Н. Большакову,³⁴ тогда как более широкая украиноведческая тематика была репрезентована в виде отдельных статей или тематических сборников по материалам научных конференций, проходивших с определенной регулярностью. Накопленный в 1990–2000-е гг. значительный опыт со всей убедительностью обозначил актуальную в контексте системного изучения народов Оренбуржья задачу подготовки самостоятельного исследования по истории украинцев края. В рамках работы НИЦ истории народов Южного Урала ОГАУ такую инициативу взял на себя один из активных участников разнообразных проектов Центра А.Н. Молощенков, подготовивший к 2010 г. специальное диссертационное исследование «Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития».³⁵ Автор рассматривал переселенческое движение украинцев как составную часть общеславянского колонизационного потока, имевшего сначала военный, а затем крестьянский характер.

Актуальность обращения к данной теме объяснялась необходимостью изучения современного положения этнической группы в регионе, этнического своеобразия и изменений в самосознании, происходивших под влиянием активных ассимиляционных и интеграционных процессов в условиях дисперсного расселения украинцев на Южном Урале с середины XVIII до начала XXI в. В основу исследования была положена широкая источниковая база, включавшая архивные документы Государственного архива РФ, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного архива Оренбургской области, Объединенного государственного архива Челябинской области, Центра документации новейшей истории Оренбургской области, норма-

тивные документы, обширную статистическую информацию хозяйственного и демографического содержания, материалы периодической печати дореволюционного, советского и современного периодов. В работе рассматривались основные тенденции и проблемы этнокультурного развития украинцев на Южном Урале в постсоветский период, вопросы национальной государственной политики в различные исторические периоды, деятельность региональных национально-культурных обществ и другие. Однако главное внимание было обращено именно на поэтапную историю поселения украинцев в Оренбургском крае, раскрытие исторических закономерностей и условий переселенческого процесса.

Многие сюжеты, обозначенные в формате диссертационного исследования, были рассмотрены и дополнены новыми данными в книге «Украинцы на Южном Урале»,³⁶ в авторский коллектив которой вошел известный российский ученый, ведущий специалист по региональной этнокультурной проблематике В.В. Амелин. С одной стороны, книга решала ряд научных проблем, с другой стороны, выполняла важную просветительскую задачу популяризации знаний об истории и культуре украинского населения, доля которого в Оренбургской области была традиционной высокой.

Обращает внимание обозначение в качестве самостоятельного раздела книги ряда вопросов о состоянии этнокультурного развития в постсоветский период. Хотя выполнен только предварительный, конспективный обзор этой проблематики — показаны генеральные демографические тенденции на современном этапе, негативные для украинцев России и ее отдельных регионов, в том числе Южного Урала, а также рассмотрены некоторые аспекты деятельности региональных украинских национально-культурных организаций. Для дальнейшего изучения механизмов, результатов и последствий культурных трансформаций в данном направлении необходимы более серьезные этносоциологические исследования.

Таким образом, книга «Украинцы на Южном Урале» явилась важным историографическим событием в региональной украинистике, поскольку впервые дала системное представление о картине переселенческого движения в сравнительном отношении между территориальными частями Южного Урала. Глубокому научному анализу подверглись вопросы, связанные с причинами миграций, характером расселения, социальным составом переселенцев, условиями адаптации, демографическими показателями и другие сюжеты.

(Окончание следует)

Примечания:

¹ В научной литературе существует дискуссия относительно содержания понятия «украинистика». В настоящей статье *украинистика* понимается как отрасль гуманитарного знания, ориентированная на системное, интегративное изучение различных сторон исторических, культурных, языковых, социальных, политических, экономических особенностей Украины и украинской диаспоры в мире.

² Украина — Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. Сб. ст. Уфа: [б.и.], 1993. 170 с.

³ Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии. Киев: Музична Україна; Уфа: 1995. 240 с.

⁴ Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа: [б.и.], 1999. 168 с.

⁵ Українці Башкирії: у 2 т. Т. 1. Дослідження і документи / гол. ред. Г. Скрипник, наук. ред. В. Бабенко, відп. ред. Д. Чернієнко. К.: ІМФЕ НАН України; Уфа, 2011. 492 с.; Черниенко Д.А., Пилипак М.А. Село Казанка и украинцы Альшеевского района. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012. 134 с. и др.

⁶ Славяне Башкортостана: Сб. ст. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 2005. 90 с.; Почуй мене, Україно!: Сучасна українська публіцистика в Росії. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 2006. 271 с. и др.

⁷ Украинисты России: Биобиблиографический словарь. Вып. 1 / Сост. Д.А. Черниенко. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 93 с.

⁸ В библиографических описаниях некоторых изданий ИТШ встречаются разные формулировки: «Научные записки» и «Научные тетради».

⁹ Футорянский Л.И. Украинский элемент в казачестве России в конце XIX в. // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрег. науч.-практич. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 72–74.

¹⁰ Панина Т.Т., Ким Г.П. Украинцы // Мы — оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург: Южный Урал, 2007. С. 92–113.

¹¹ Моргунов К.А. Правовая регламентация переселенческой деятельности: украинские переселенцы в конце XIX — начале XX вв. // Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практич. конф. Оренбург: Димур, 1997. С. 66–71; Он же. Деятельность Краевой Рады по защите прав украинских переселенцев и беженцев // Миграционные процессы в Оренбуржье: мат-лы науч. семинара. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 33–36.

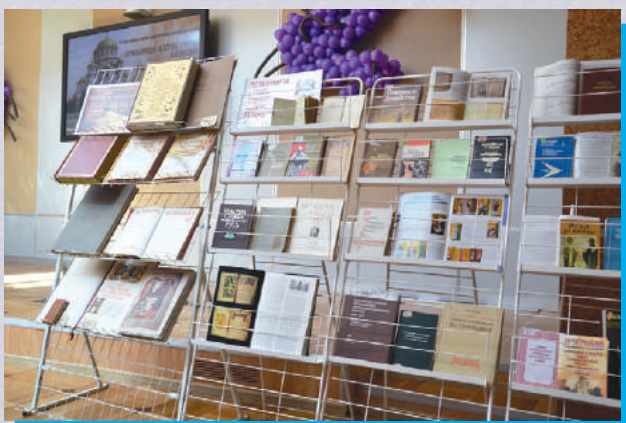
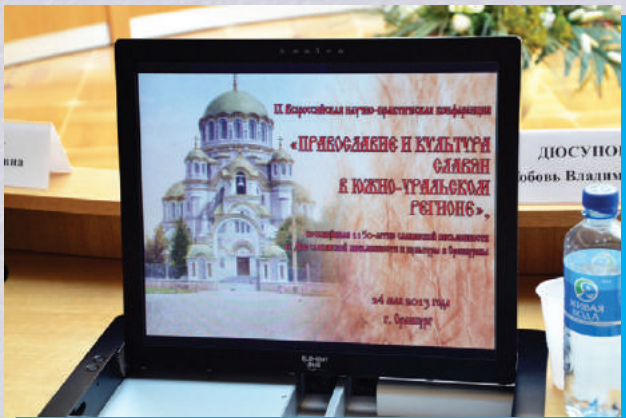
- ¹² Амелин В.В. Этническое многообразие и власть в российском регионе. М.: ИЦ ОГАУ, 2004. 320 с.
- ¹³ Украина – Башкортостан: связь времен: Сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. 216 с.
- ¹⁴ Развитие социально-экономического и культурного сотрудничества Башкортостана и Украины: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в Уфе, 2003. 195 с.
- ¹⁵ М. Грушевский – историк, общественный и политический деятель, человек: мат-лы междунар. науч. конф. 24.11.2004 г. Уфа: УФ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. 89 с.
- ¹⁶ Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: мат-лы междунар. научно-практич. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. 254 с.
- ¹⁷ Украинская этничность в социокультурном пространстве России: мат-лы междунар. науч. интернет-конф. Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 224 с.
- ¹⁸ Башкортостан – Украина: наука, образование и культура в годы Великой Отечественной войны: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 192 с.
- ¹⁹ Совершенствование преподавания предметов украиноведческого цикла в школах Российской Федерации: мат-лы междунар. семинара. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в Уфе, 2003. 143 с.
- ²⁰ Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практич. конф., посвященной 150-летию пребывания Т.Г. Шевченко в Оренбургском крае. Оренбург: ПД «Димур», 1997. 184 с.
- ²¹ Помнят степи певца Украины: мат-лы науч.-практич. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2000. 112 с.
- ²² Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрегион. науч.-практич. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. 152 с.
- ²³ Кобзарь и Оренбуржье: мат-лы обл. науч.-практич. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2006. 100 с.
- ²⁴ Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа: [б.и.], 1992. 260 с.
- ²⁵ История Украины: Учебное пособие / Н.И. Бушин, В.И. Коваль, В.Ю. Крушинский и др. Уфа: Ай, 1996. 416 с.
- ²⁶ Ахатова Ф.Г. Песенный фольклор украинцев Башкортостана (историко-этнографическое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 22 с.
- ²⁷ Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане (историко-этнографическое исследование). Уфа: Гилем, 2000. 146 с.
- ²⁸ Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане: фольклорные процессы в многоэтничном регионе. М.: Наука, 2006. 286 с.
- ²⁹ Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане: фольклорные процессы в многоэтничном регионе: Дисс. ... доктора филологических наук. М., 2007. 384 с.
- ³⁰ Баранова Н.А. Экономические и культурно-духовные связи Башкортостана и Украины (XX век): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2003. 26 с.
- ³¹ Арсентьева Н.А. Взаимоотношения Башкортостана и Украины: история и достижения. Уфа: [б.и.], 2010. 92 с.
- ³² Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2010. 36 с.
- ³³ Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры Башкортостана. Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 92 с.; Она же. Историко-культурные центры Республики Башкортостан: форма оптимизации этнической идентичности и межэтнической коммуникации. Saarbrücken: LAP, 2011. 295 с.
- ³⁴ См., напр.: Большаков Л.Н. Большаков Л. Дорогами Кобзаря. Оренбург: Южный Урал, 1991. 56 с.; Он же. Быль о Тарасе. М.; Оренбург: ЕТПК «Кора», 1993. Кн. 1. Яман-Кала. 437 с.; Кн. 2. На Арале. 448 с.; Кн. 3. Оренбург. 299 с.; Он же. Повести о поисках и обретениях. М.: Русская книга, 2000. 495 с.; Он же. Там за Уралом, за Елеком... Оренбург: ИПК ОГУ, 2003. 236 с. и др.
- ³⁵ Молощенков А.Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 26 с.
- ³⁶ Амелин В.В., Молощенков А.Н. Украинцы на Южном Урале. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2012. 190 с.

Круглый стол «Цыгане в оренбургском социуме» (8 апреля 2013 г., Оренбург)

Участников заседания круглого стола приветствовала цыганская группа «Черген (Звезда)», руководитель А.А. Андреев (Дандари)

**IX Всероссийская научно-практическая конференция
«Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе»,
посвящённая 1150-летию славянской письменности
(24 мая 2013 г., Оренбург)**

Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «Народы Южного Урала на страже родины», посвященная 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (21 февраля 2013 г., Оренбург)

ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА

Вступительное слово проректора по научной работе ОГУ, профессора С.Н. Летуны

Участники пленарного заседания

Выставка перед началом пленарного заседания

Выступает д.и.н., профессор Р.Р. Хисамутдинова

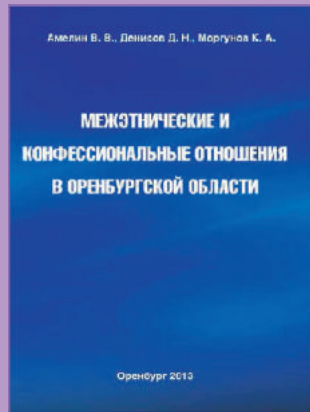

Выступает М.А. Алексеенко, студентка 3 курса Оренбургского государственного университета

Издания НИИ истории и этнографии Южного Урала ОГУ в 2013 г.

Амелин, В. В.
Таджики в Оренбуржье (Очерки современных этносоциальных процессов). - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 104 с.

Амелин, В. В., Денисов, Д. Н., Моргунов, К. А.
Межэтнические и конфессиональные отношения в Оренбургской области. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 270 с.

Народы Южного Урала на страже Родины. Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне (Сталинградской и Курской битв). - Оренбург: типография ФГБОУ ВПО «ОГИМ», 2013. - 368 с.

Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность (к 245-летию образования первой протестантской общины в регионе). Материалы Международной и Всероссийской научно-практических конференций. - Оренбург: ИПК «Университет», 2013. - 424 с.: 60 ил.

Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы (к 70-летию депортации немецкого населения СССР). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 230 с.

Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 374 с.

Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию славянской письменности и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 442 с.

Роль женщины в полиэтническом пространстве региона. Материалы круглого стола, посвященного 100-летию Оренбургского мусульманского женского общества. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 124 с.

Россия - Франция. Государственная конфессиональная и миграционная политика: исторический опыт, правовое регулирование и практика реализации. Материалы Международной научной конференции. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 150 с.

Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтническом пространстве: исторический опыт и современность. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 276 с.

Цыгане в оренбургском социуме: материалы круглого стола, посвященного Международному Дню цыган. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 114 с.

Формирование и современное положение среднеазиатских диаспор в России. Материалы Международной научно-практической конференции. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. - 186 с.

М.Ю. Мартынова*

УКРАИНЦЫ В РОССИИ: РОССИЙСКИЕ ГРАЖДАНЕ И УКРАИНСКИЕ МИГРАНТЫ¹

200-летие Т.Г. Шевченко – событие, важное как для Украины, так и для России. Это тот поэт, который объединяет наши страны и народы. Украинцев, внесших свой вклад в историю и культуру России, не перечесть. Многие фамилии мы хорошо знаем. Это и первая королева русского кино Вера Холодная (настоящая фамилия которой Левченко), фаворит Екатерины Великой и министр просвещения России граф Петр Завадовский, Леонид Жаботинский – двукратный чемпион Олимпийских игр 1964 и 1968 годов (живет в Москве). Князь Александр Андреевич Безбородко дослужился до высшего чина Российской Империи и украсил своей деятельностью царствования Екатерины Великой и Павла. Все знают такие имена, как Михаил Кошка – создатель танка Т-34; матрос Петр Кошка, прославившийся при обороне Севастополя более полутора столетия назад; писатель Михаил Булгаков. Украинцем по происхождению был выдающийся этнограф и путешественник Николай Миклухо-Маклай, потомок казацкого рода Грицка Миклухи, а знаменитый писатель Константин Паустовский хранил дома Универсал и медную печать, принадлежавшие гетману Сагайдачному – его далекому предку. Например, Игорь Крутой, Александр Серов, Валентина Мотвиенко родились на Украине, а живут и работают в России. Полководцы Великой Отечественной, ученые, писатели, художники, далекие предки и наши современники. Жаль, что не мы, а журнал «Der Spiegel. Профиль» в свое время опубликовал серию статей о выдающихся украинцах России, назвав ее «Цвет империи»².

Как известно, украинцы в России занимают третье место среди народов по численности постоянного населения после русских и татар. Во время переписи 2010 г. 1 927 988 чел. или 1,35 % населения страны назвали себя украинцами (1,41% от жителей РФ, указавших свою национальность). В 2002 г. украинцев в России было несколько больше – 2,94 млн человек, или 2,05%. В целом, с учетом украинцев – граждан РФ – и трудовых иммигрантов с Украины фактически в России проживает более 5 млн украинцев³. Перепись 2010 г. зафиксировала, что 93 тыс. жителей России имеют гражданство Украины (в 2002 году их было 231 тыс.).

Среди украинцев в России преобладают горожане. Их – 76,55%, или 1 475 951 чел. На селе живет 23,45%, или 452 037 чел. Украинцы расселены по всей стране. Больше всего их, согласно переписи населения 2010 г., проживает в Тюменской области (157,3 тыс. чел.), Москве (154,1 тыс. чел.), Московской области (119,5 тыс.), Краснодарском крае (83,7 тыс.), Ростовской области (77,8 тыс.), Санкт-Петербурге (64,5 тыс., 2010 г.), Омской области (51,8 тыс.), Приморском крае (50,0 тыс.). Наибольший удельный вес украинцев наблюдается, в основном, в северных регионах: Ямало-Ненецком АО (9,7 %, 2010 г.), Магаданской области (6,5 %), Ханты-Мансийском АО (6,4 %), Чукотском АО (6,0 %), Мурманской области (4,8 %), республике Коми (4,2 %), Камчатском крае (3,9 %), Калининградской области (3,7 %), Белгородской области (2,8 %, 2010 г.), Еврейской АО (2,8 %), Приморском крае (2,8 %), Омской области (2,7 %), Сахалинской области (2,6 %), Оренбургской области (2,5 %) и т. д. По некоторым подсчетам до 47% населения Кубани – украинцы. Много их в Брянской и Воронежской областях. Наименьший удельный вес украинцев характерен для республик Северного Кавказа: Дагестан (0,05 %, 2010 г.), Чечня (0,03 %), Ингушетия (0,02 %, 2010 г.).

В 34-х (из 83-х) субъектах Российской Федерации, по переписи 2010 г., украинцы в структуре населения занимают второе место после русских, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге. Из 15-миллионного населения Москвы, даже по самым скромным подсчетам, свыше 800 тыс. – украинцы, это большей частью россияне, имеющие украинское происхождение или украинские корни.

В последнее время появилось довольно много исследований, посвященных украинской диаспоре в России. Особенно подробно благодаря деятельности В.Я. Бабенко описаны основанные украинцами поселения в Башкирии, зафиксированы культура, быт и нравы их жителей. В значительной степени изучены украинские казаки Кубани, правда, в лингвистическом плане. Есть исследования об украинцах Дальнего Востока, Южного Приуралья и т.д.⁴ Особо нужно отметить работы, посвященные насе-

* Мартынова Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва).

лению русско-украинского пограничья, где украинское население является автохтонным (часть Воронежской, Ростовской, Курской, Белгородской, Брянской областей, Кубань)⁵.

В целом, можно констатировать, что, как правило, объектом интереса исследователей-гуманитариев становятся граждане России украинского происхождения. Мне бы хотелось обратить ваше внимание на тот факт, что довольно большой пласт жителей России составляют граждане Украины, приехавшие к нам на работу или (несколько реже) на учебу. Если в первом случае речь идет об украинской этнической идентичности граждан России, то во втором — о гражданах Украины независимо от национальности. Проблемы сохранения идентичности и культуры волнуют, в основном, первую категорию. Для вновь приезжающих украинцев более актуальны задачи экономического и социального характера, вместе с тем, многие из них привносят в российскую жизнь традиции (пища, песни и др.) их родных мест.

Согласно статистике, которую опубликовал журнал *Forbes.ua* на основании данных посольств и консульств Украины, за рубежом этой страны легально живут и работают 1,14 млн граждан Украины. При этом издание отмечает, что, по неофициальным оценкам, количество украинцев, живущих и работающих за границей, составляет примерно 5–7 млн чел. На Украине даже появился термин для обозначения подобных мигрантов — «заробітча ?ни» (в русскоязычных СМИ — «заробитча ?не», букв. «зарабатывающие»), под которыми понимают многочисленных русскоязычных и особенно украиноязычных экономических мигрантов.

Больше всего украинцев, согласно *Forbes.ua*, работает в Италии (официальное число граждан Украины в стране составляет 208 796 человек), Германии (159 308 украинцев) и России (126 374 граждан Украины). В первой пятёрке также оказались Чехия, где количество приезжих из Украины достигло 116 371, и Израиль (97 617 украинцев). Кроме того, достаточно много легально проживающих граждан Украины в Испании — 77 217 чел., США — 59 917 чел., Греции — 50 081, в Португалии — 48 022 и Канаде, где их число составляет 43 000⁶.

По данным Украинского Госстата, которые подтверждаются экспертами из агентств, помогающих украинцам уехать в другие страны, предпочтения их клиентов стали меняться. Они устремились на восток. Только в Казахстане сейчас работает более 100 тыс. граждан Украины. Стали популярны также Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан. Туда едут работать в айти-сфере, в газовой промышленности (особенно если речь идет об Узбекистане), менеджменте и, как ни странно, в медиа и творческих профессиях. «Непопулярность Польши и Италии объясняется

экономическим кризисом в Европе. Там сейчас теряют рабочие места даже те, кто переехал уже много лет назад», — комментирует профессор Института социологии НАН Украины, специалист по миграции Ирина Прибыткова. Существенно упали показатели выезда в Канаду: специалисты считают, что волна эмиграции в эту страну уже прошла⁷.

Опубликованные результаты исследования Международного института образования, культуры и связей с диаспорой Национального университета «Львовская политехника» впечатляют: 47% граждан страны в возрасте до 30 лет с удовольствием выехали бы за границу на заработки, а 49% — эмигрировали бы навсегда⁸. Опрос, проведенный среди студентов в Украине в конце 2013 г., показал, что на проживание в США решились бы 27% участников опроса. Европа привлекает 24% респондентов. Канада как место жительства интересна для 9%, а 5% молодых людей хотели бы жить в Австралии. Азия заинтересовала 4% студентов. В Японии, в Восточной Европе и Африке хотели бы проживать по 2% опрошенных студентов. Ни на какую другую страну не променяют Украину 25% молодежи. Какие же государства рассматривают украинские студенты для получения престижного образования? 47% выбрали страны, входящие в Евросоюз, 32% желают получить диплом на территории Соединенных Штатов, 8% мечтают учиться в Азии. Национальное образование устраивает только 13% молодых украинцев⁹.

Хотя в ответах респондентов фигурируют самые разные страны, когда дело доходит до реалий, можно констатировать, что Россия весьма популярна среди тех, кто покидает Украину в поисках лучшей доли. По словам Тимура Душко, редактора миграционного издания «Дорожная карта», которое консультирует украинцев по вопросам выезда за границу на заработки, на сегодняшний день на первом месте среди стран, где охотно принимают граждан Украины, находится Россия. Он отметил, что если раньше к украинским нелегальным рабочим российская власть планировала принимать жесткие меры, включая депортацию, сейчас политика изменилась. Россия заинтересована не столько в сезонных мигрантах, сколько в новых гражданах¹⁰. Способствовать этому призвана и Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, действующая с 2006 г. За весь период реализации Программы из Украины в Россию иммигрировало более 4 тыс. чел. При этом если количество украинцев, желающих уехать на постоянное место жительства в Россию, постоянно увеличивается, то возраст переселенцев снижается. Так, в 2007 г. их средний возраст составлял 45 лет, в 2008 — 40 лет, то в 2009–2010 гг. он приблизился к 35 годам¹¹.

«Когда человек принимает российское гражданство, ему выделяются деньги на адаптацию и в некоторых областях даже жилье (если это не Москва или Питер). Поэтому что бы кто ни говорил о том, что все едут в Европу, по нашим данным, на первом месте среди стран, куда едут украинские трудовые мигранты, находится Россия», - рассказывает Тимур Душко. Работу в России проще найти инженерам и рабочим. Кстати, как ни странно, по данным посольства РФ, в основном мигрируют в Россию жители Западной Украины¹².

По другим источникам, западные украинцы в основном отправляются на заработки на Запад, в зарубежную Европу. В Россию работать едет абсолютное большинство мигрантов из Луганской области, Восточно-Центрального географического района Украины (Днепропетровская, Донецкая, Житомирская, Запорожская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Харьковская и Черниговская области), значительная часть мигрантов Южного географического района (Крым, Николаевская, Одесская и Херсонская области)¹³.

Невозможно точно сказать, сколько в последние годы приезжает украинцев в Россию. По данным Посольства Украины в РФ, в прошлом году было оформлено порядка 180 тысяч разрешений на трудоустройство граждан этой страны в России. Численность трудовых мигрантов из Украины в России, по разным оценкам, — от 1 млн (Владимир Мукомель в 2005 году, зам.руководителя ФМС Владимир Каланда в 2007 году) до 3,5 млн чел. (зам.руководителя ФМС Анатолий Кузнецов в 2008 году). По данным Национальной академии наук Украины, в 2008 году в России работало более 2 млн украинских граждан. Руководитель ФМС Константин Ромодановский сообщал, что в 2009 году из Украины прибыло 2,8 млн человек, в 2010 году — 1,5 млн.¹⁴ Такая же цифра в 1,5 млн была озвучена Константином Ромодановским летом 2013 г. (Всего в этот период, по его словам, в России было 11 млн иностранных рабочих). В 2012 г. украинцы составили пятую часть приехавших к нам иностранцев¹⁵.

Об экономической пользе миграций для Украины свидетельствует тот факт, что объем частных денежных переводов в страну в 2010 году достиг объема прямых иностранных инвестиций в украинскую экономику — соответственно \$5,9 млрд и \$5,98 млрд. Объем переводов из России при этом составил более \$1,6 млрд.¹⁶

Кем работают украинцы за рубежом? В Западной Европу едут преподаватели и медработники, няни и гувернантки. На Кипре место работы - чаще всего отели, рестораны. Украинцы трудятся на сельскохозяйственных объектах, в сфере услуг горничными, нянями по уходу за детьми. В России больше всего трудоустроено людей строительных специальностей. Есть водители автобусов¹⁷.

Согласно новым миграционным правилам, действие которых установлено с 1 января 2014 г., въезд на территорию России остается для граждан Украины безвизовым, однако непрерывно находиться на территории РФ украинец может только 90 дней в каждом полугодии. Если раньше миграционный учет не требовался, то теперь в случае пребывания в России более трех дней украинец обязан зарегистрироваться. Это несколько усложняет ситуацию для тех, кто приезжает на более длительный срок, т.е. для тех, кто работает в России. По данным ФМС, из 1,5 млн граждан Украины только 111 тыс. законно работают, 350 тыс. приехали к родственникам, учиться, лечиться. Получается, что более миллиона находятся на территории России нелегально¹⁸.

Значит, есть среди украинцев и нелегально работающие и незарегистрированные. Но к ним российские власти гораздо более лояльны, чем к выходцам из азиатских стран. Рейды ФМС против нелегальных мигрантов, как правило, не затрагивают украинцев. В профсоюзе трудящихся-мигрантов есть мнение, что нелегалов с Кавказа и Средней Азии, скорее всего, вышлют на родину. На их место могут претендовать украинцы и молдаване¹⁹. В России весьма благоприятное отношение к украинцам. Когда говорят о проблемах, связанных с мигрантами, то в наименьшей степени это касается украинцев. Их, также как и белорусов, практически не отделяют от местного населения. Руководитель столичного управления Федеральной миграционной службы РФ Ольга Кириллова на одной из пресс-конференций с сожалением говорила о том, что приезжих из Украины и Беларуси становится все меньше, они имеют тенденцию на уменьшение, а не на увеличение. Между тем, они — те, кого мы бы в большей степени хотели бы видеть, потому что они не так заметны среди местного населения - сказала глава УФМС по Москве²⁰. Часто объявления о рабочих вакансиях содержат уточнение о том, что необходимо гражданство РФ, Украина, Белоруссия, Молдова. Или еще добавляют: приятная славянская или европейская внешность, опрятный внешний вид²¹.

Здесь уместно было бы напомнить, что в Россию с Украины едут не только трудовые мигранты. Возрастной и социальный состав - самый разный. Это и дети мигрантов, дети тех, кто приехали сюда на постоянное место жительства или здесь работают, учатся. Это также люди пожилого возраста, которые приехали к детям, гражданам РФ. Много, например, студентов. В прошлом году было выделено 53 стипендии для обучения граждан Украины в российских вузах. К сожалению, квоты выделяются отнюдь не в самые престижные российские вузы. В Москве берут украинцев всего 2-3 вуза, остальные квоты распределяются по регионам. В целом желающих поступать в

украинские вузы меньше, чем стремящихся в российские.

По данным, которые приводит Институт экономики РАН, у каждого второго жителя Украины в нашей стране есть родственники: у 28% — близкие, у 21% — дальние, с которыми поддерживаются постоянные контакты. И это закономерно. По переписи населения СССР 1989 года, этнически смешанных русско-украинских браков в РСФСР было примерно 15%, на Украине — около 20%. За прошедшую с тех пор четверть века ситуация изменилась, но не кардинально. Сейчас официальных данных для всей России по бракам россиян и украинских граждан нет. Но известно, что в Москве с 2002 по 2011 год из всего числа зарегистрированных браков доля таковых с иностранцами варьировалась от 9% до 14%, а каждый третий из этих иностранцев был гражданином или гражданкой Украины. Т.о. даже по минимальной оценке 3% столичных молодоженов вступают в брак с гражданами Украины. За десять лет, начиная с 2002-го, в столице было зарегистрировано 100 893 межнациональных брака. Из них абсолютное лидерство принадлежит российско-украинским (35,4%)²².

Сегодня на рынке труда в России у украинцев сложилась определенная положительная репутация, поэтому нет ничего удивительного, когда русский работодатель, подбирая работника, уточняет, что хочет найти украинца. Многие россияне считают, что Россия не может не быть заинтересована в украинцах и белорусах, людях близкой поведенческой культуры и менталитета. А вот украинцам и белорусам из-за этой близости сложнее сохранить свою самобытность в России. Украинцы и белорусы очень быстро адаптируются и даже в определенной степени ассимилируются в России.

«Формально украинцев в Москве очень много, но реально - мало, - сказал в интервью Gazeta.ua руководитель «Украинского молодежного клуба Москвы» Ярослав Копельчук. - Мало людей с четкой украинской идентичностью, тех, кто участвует в жизни общины. Украинцы - слабая община в Москве. Для нас даже сформировать молодежную украинскую команду по футболу, чтобы принять участие в межнациональном турнире Москвы - проблема. Адыги, немцы, лезгины, курды, татары, армяне, грузины, азербайджанцы и другие очень легко организуются. А мы даже команду сбить не можем. И так во всех сферах - бизнес, политика, досуг»²³.

По мнению Ярослава Копельчука, «украинская молодежь Москвы несплоченная, потому что быстро ассимилируется. Если взять кавказцев - они держатся вместе. И это не зависит от религии, ибо грузины и армяне - православные. Они имеют четкую этническую идентичность, которая не позволяет им раствориться в водовороте русского этноса. Украин-

цы, даже рожденные в Украине, ведут себя совсем по-другому. На этом фоне часто случаются удивительные кульбиты сознания. Есть украинцы, которые говорили на украинском, прадеды воевали в УПА, а он бегаёт с имперским триколором и нервно кричит «не пяди русской земли»²⁴. Например, среди радикально настроенных участников протеста в Западном Бирюлево, задержанных полицией, был 18-летний уроженец Украины Андрей Титаренко.

Действительно, замкнутые национальные анклав со своими порядками на российской территории украинцы не образуют, в воздух на свадьбах не стреляют, гопад на площадях не пляшут, даже кутью на Рождество в потолок не бросают (старинный украинский обычай: если кутья — каша с медом — к потолку прилипнет, то наступающий год будет удачным). Внешне украинцы от русских ничем не отличаются, по-русски говорят свободно, многие даже лучше, чем на родном украинском языке. Российской историю знают не хуже россиян, потому что история у нас на 90% общая, а уровень образования одинаковый. Они чувствуют себя в России, как дома. Но значит ли это, что украинцы в России забывают о своих корнях?

Пожалуй, наиболее сильным проявлением желания сохранить свою украинскую идентичность, является создание и работа общественных объединений. По данным Института стран СНГ, на конец 1990-х в РФ было зарегистрировано более 40 украинских организаций. По последним данным Министерства юстиции РФ, украинских организаций насчитывается порядка 90. В 2012 г. была зарегистрирована новая Федеральная национально-культурная автономия «Украинцы России» (как известно, незадолго до этого прекратили свое существование Объединение украинцев России и Федеральная национально-культурная автономия украинцев России). Среди наиболее активных организаций — региональное общественное объединение «Украинцы Москвы», республиканский национально-культурный центр украинцев Башкортостана «Кобзарь», межрегиональная общественная организация «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко», общественная организация «Национально-культурное объединение украинцев «Крыныця», «Национально-культурная автономия «Украинская родына» (г. Сургут), Оренбургская областная украинская культурно-просветительская общественная организация им. Т.Г. Шевченко и др.²⁵

Продолжает развиваться украинское молодежное движение России, в частности, проведено три Украинских молодежных форума России (апрель 2011 г., г. Москва; октябрь 2012 г., г. Москва и г. Пушкино Московской области; июль 2013 г., г. Тверь), целью которых является налаживание тесного взаимодей-

ствия между украинскими молодежными организациями РФ, а также развитие сотрудничества с организациями-партнерами в Украине и других странах. Также развивает свою деятельность Украинский молодежный клуб Москвы. Надо сказать, что в России объединения украинцев не политизированы. В основном, их деятельность носит культурно-просветительский характер. Работают прекрасные творческие коллективы, в репертуаре которых украинский фольклор (Украинская народная хоровая капелла Москвы и др.).

В 1990-е годы начали издаваться более семи газет в разных регионах России: «Украинский курьер» (Москва), «Украинский выбор» (Москва), «Рідне слово» (Челябинск), «Украинец на Зеленом клине» (Владивосток), «Криница» (Уфа), «Казацкое слово» (Краснодар), «Украинское слово» (Мурманск). Подавляющее их большинство сегодня не издается по причине отсутствия финансирования. Важную объединяющую и просветительскую роль в наши дни вместо них играют интернет-порталы. Их количество растет. Если в 2010 г. в России действовало порядка 20 сайтов на украинском языке²⁶ (например, сайт Библиотеки украинской литературы в Москве, сайт «Голгота», «Кобза — украинцы России» и др.), то в 2014 г. на сайте Национального культурного центра Украины в России приведены адреса 36 украиноязычных местных сайтов.

Тема идентичности подрастающего поколения входит в число самых актуальных, когда речь идет о миграциях. Одним из наиболее острых и даже принципиальных вопросов, напрямую связанных с формированием идентичности, является выбор языка обучения своих детей²⁷. И тут применительно к украинскому языку в России мы сталкиваемся с определенной проблемой. Если основываться на данных переписи населения, украинский язык относится к одному из распространённых языков Российской Федерации — в 2010 г. он занимал седьмое место по числу владеющих им в России. На нем говорит 1,1 млн чел. (вне зависимости от не/родного языка), или 0,82 % от населения страны. Хотя эти цифры свидетельствуют о некотором ослаблении позиций, т.к. в 2002 году украинский язык занимал 4-е место при 1 815 210 владевших, или 1,25 %, но, тем не менее, достаточно высоки.

При этом по данным украинских организаций России от 2011 г., в Российской Федерации не было ни одного детского сада, ни одной школы с украинским языком преподавания, не говоря уже о высших учебных заведениях. Всего украинский язык в России как предмет на тот период изучали 205 учеников, факультативно или в кружках его учили еще 100 детей. Скорее всего, дело оказывается не в политике властей, а в степени востребованности учебных заведений на этом языке.

В соответствии с российскими законодательными нормами для открытия класса с украинским этнокомпонентом необходимо собрать 25 учеников одного возраста, а это пока сделать не удастся. Инициативная группа в Москве составила список всего из 40 детей разного возраста. Пока в московских школах нет даже класса с украинским этнокомпонентом. Украиноязычные школы повсеместно работают как воскресные. В России их порядка 15, причем — 9 из них в Башкирии, где первая школа открылась в 1993 году. В Москве есть возможность изучать украинский язык в воскресной школе, которая работает при Национальном культурном центре Украины в Москве, а также во Дворце юношеского и детского творчества на Воробьевых горах. Существует и Международная украинская школа, которая предлагает дистанционное образование²⁸. Украинский язык преподается в 12 российских вузах. Работает одна библиотека украинской литературы в Москве.

В заключение отмечу, что в современных условиях Украина считает политически важным внутриэтническую консолидацию украинцев всего мира. Приоритетным во взаимодействии с диаспорой на территории России видится этому государству создание условий для удовлетворения ее этнокультурных потребностей, преодоления последствий русификации и обеспечения прав как «этнического меньшинства». Этот подход в целом разделяют и представители самой диаспоры. Ее наиболее активная часть — национальные объединения ставят перед собой задачи культурно-просветительского плана. Если рассматривать тему украинской диаспоры в более широком контексте полиэтничности России, то в нашей стране в соответствии с такими основополагающими документами, как Конституция РФ, Стратегия государственной национальной политики до 2025 г., культурное и языковое многообразие народов России защищено государством. Не будем забывать и тот факт, что подавляющее большинство украинцев, проживающих в России, являются гражданами России, т.е. россиянами. Многие из недавно приехавших украинцев тоже стремятся получить российское гражданство.

В связи с этим я хотела бы обратить ваше внимание на то, что в постсоветское время в России все активнее стало внедряться понимание нации как граждан государства, аналогично тому, как это существует во многих странах мира, например, во Франции, Великобритании, США. Это толкование нации у нас в стране до сих пор имеет своих оппонентов, которые полагают, что гражданская идентичность формируется в ущерб этнической.

Сторонники толкования нации как согражданства говорят о возможности сосуществования у одного человека нескольких идентичностей, о совместимо-

сти гражданской и этнокультурной идентичностей. Принципиальной является убежденность в том, что единство нации и, в частности, российского народа на общегосударственном уровне, историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования может и должна сочетаться с культурным (этнокультурным) многообразием, культурной сложностью гражданской нации. Это подтверждает как российский, так и зарубежный

опыт. Практически все современные нации поликультурны (или, в отечественной терминологии, полиэтничны). Культурная сложность современного мира еще более возрастает под влиянием миграционных процессов и притока новых жителей. В этом можно видеть положительность явления. Нельзя не согласиться с тем, что «культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, т.е. культурную смерть человечества»²⁹.

Примечания:

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-90408

² Выдающиеся украинцы России // Блог «Манкурты» <http://www.mankurty.com/blog/?p=9971>

³ correspondent.net

⁴ См., например, Черниенко Д.А. Украинистика Южного Приуралья. Ижевск, 2013; Черниенко Д.А., Пилипак М.А. Село Казанка и украинцы Альшевского района. Уфа, 2012; Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития. Материалы конференции. Ред. А.А.Скрипник. Киев-Москва-Уфа, 2010.

⁵ Одна из последних книг: Мартынова М.Ю. (ред.-сост.) Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья. М., ИЭА РАН, 2012.

⁶ LB.ua http://society.lb.ua/life/2012/09/16/170649_nazvani_strani_kuda_chashche.html

⁷ <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1389932820>

⁸ <http://from-ua.com/voice/928f37214f576.html>

⁹ [gorod.dp.ua http://gorod.dp.ua/news/86806](http://gorod.dp.ua/news/86806)

¹⁰ Топ-5 стран, где ждут украинцев на работу. // Big.mir.net. Финансы. 5 дек. 2013. <http://finance.bigmir.net/career/8229-ТОП-5-стран—gde-zhdut-ukraincev-na-rabotu>

¹¹ Государственная программа иммиграции из Украины в Россию. 07.01.2011 // <http://emigrant.name/novosti-immigracii/programma-immigracii-iz-ukrainy-v-rossiyu.html>

¹² Государственная программа иммиграции из Украины в Россию. 07.01.2011 // <http://emigrant.name/novosti-immigracii/programma-immigracii-iz-ukrainy-v-rossiyu.html>

¹³ Позняк А. Трудовая эмиграция в Украине как фактор развития рынка труда // «Демоскоп weekly» № 405—406 (1—24 января 2010 года)

¹⁴ Больше всего трудовых мигрантов России поставляет Украина — ФМС. — РИА Новости, 11 февраля 2008 года. В 2008 году 3,5 млн украинцев работали в России. — «Росбалт», 11 февраля 2009 года. По экспертным данным, за рубежом работают 4 млн 500 тыс. украинцев. — *NewsRu.ua*, 9 апреля 2008 года.

¹⁵ Петухов С. Осложнит ли жизнь вашей украинской теще новый российский закон // РИА Новости. 06.01.2014 <http://ria.ru/analytics/20140106/988085199.html>

¹⁶ *Ивженко, Т.* Украинские гастарбайтеры ворочают миллиардами. «Независимая газета» (29 июля 2011 г.)

¹⁷ Любенко А. Кем чаще всего едут работать украинцы. <http://www.jobs.ua/articles/14/616/>

¹⁸ Петухов С. Осложнит ли жизнь вашей украинской теще новый российский закон // РИА Новости. 06.01.2014 <http://ria.ru/analytics/20140106/988085199.html>

¹⁹ Ковальчук И. Чем погромы в Бирюлево обернутся для украинцев в Москве // <http://www.segodnya.ua/world/Urozhenca-Ukrainy-zaderzhali-za-pogromy-v-Biryulevo-468627.html>

²⁰ В Москве жалеют, что «незаметные» украинцы и белорусы едут к ним меньше. // Украинская правда, 29 июля 2013 <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2013/07/29/6995144/>

²¹ напр., <http://www.zarplata.ru/vacancy/rabota-dlya-ukraincev/>

²² Петухов С. Осложнит ли жизнь вашей украинской теще новый российский закон // РИА Новости. 06.01.2014 <http://ria.ru/analytics/20140106/988085199.html>

²³ http://gazeta.ua/ru/articles/life/_russkie-bystro-vydressirovuyut-ukraincev-v-moskve-predstavitel-diaspory/512567

²⁴ <http://www.segodnya.ua/world/Urozhenca-Ukrainy-zaderzhali-za-pogromy-v-Biryulevo-468627.html>

²⁵ Назову также такие организации, как Нижнекамская городская национально-культурная организация «Украинское общество «Вербыченька» - «Вербочка», Карельская республиканская общественная организация «Общество украинской культуры «Калына», общественная организация «Местная национально-культурная автономия украинцев г. Новосибирска», Ростовская региональная украинская национально-культурная автономия, общественная организация «Украинское землячество «Крыныця» Хабаровского края. Активно

работает региональная общественная организация «Совет землячеств Украины», которая была создана в январе 2004 года и зарегистрирована органами юстиции РФ 15 августа 2012 года. В состав Совета входят 23 региональные землячества Украины и 4 общественных представительства областных государственных администраций Украины. В Краснодарском крае, например, действует несколько организаций: «Общество украинцев Кубани», Краснодарская краевая общественная организация «Содружество Кубань-Украина», Лазаревский центр украинской культуры. Краснодарская региональная общественная организация «Украинская диаспора «Содружество».

²⁶ Бондаренко А.В. Інформаційний простір української діаспори в Росії// Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития. Киев-Москва-Уфа, 2010. С. 151.

²⁷ См. подробнее: Мартынова М.Ю. Школьное образование и идентичность. Отечественные и зарубежные концептуальные подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии», № 234. М.ИЭА РАН, 2013.

²⁸ Иванова О.М. Проблеми українського шкільництва в Російській Федерації// Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития. Киев-Москва-Уфа, 2010. С.154-157; Голкин Б. Как украинцу выжить в России (материалы круглого стола)// Независимая газета. 1.03.2013 <http://www.rg.ru/2013/03/01/ukrainasite.html>.

²⁹ Тишков В.А. О культурной сложности современных наций // Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. М.: Издательство ИКАР, 2011. — С. 247.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Под ред. М. Б. Погребинского и А. К. Толпыго.
М.: Весь Мир, 2013. С. 400.

Монография, подготовленная международным коллективом авторов посвящена теоретическим и практическим аспектам современной национальной политики, осуществленной в условиях полиэтничных обществ и культурного разнообразия в Германии, России, Украине и других странах Европы.

К.А. Моргунов*

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ СТАРООБРЯДЦЕВ ОРЕНБУРЖЬЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

История старообрядчества, представленного различными толками как поповского, так и беспоповского согласий, тесно связана с развитием Оренбургского края. В дореволюционный период, несмотря на постоянные гонения и административное давление со стороны государственных органов и Русской православной церкви, старообрядцы сохраняли верность своим религиозным традициям.

Определенные изменения отношения к старообрядцам произошли после принятия 17 апреля 1905 г. указа императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости», в котором, в частности, было закреплено различие между старообрядцами, сектантами и последователями изуверных учений. При этом вплоть до Февральской революции 1917 года сохранялся строгий надзор за старообрядцами со стороны православных священников.

Итогом принятия этого документа стала активизация миссионерской деятельности ограниченных ранее в своих правах религиозных организаций, в первую очередь, старообрядцев всех согласий. В период с 1906 по 1912 гг. в пределах Оренбургской епархии, включающей Орский, Оренбургский, Верхне-

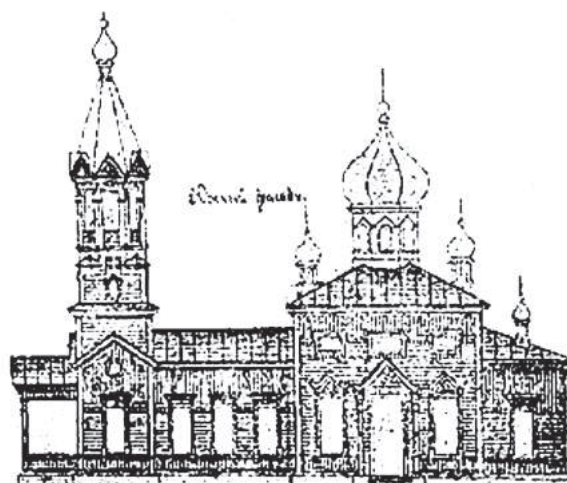
уральский, Троицкий, Челябинский уезды Оренбургской губернии, а также Тургайскую и до 1908 г. Уральскую области, было возведено 7 старообрядческих храмов. В г. Оренбурге существовавшая с конца XIX века община старообрядцев Белокрыницкой иерархии была официально зарегистрирована 27 марта 1907 г. В Дворянском переулке (ныне пер. Матросский, 18) был построен каменный храм, освященный во имя Знамения Пресвятой Богородицы¹.

Внутренний вид храма оренбургской старообрядческой общины в г. Оренбурге

Совет оренбургской общины старообрядцев в г. Оренбурге: 1) Священник Дмитрий Ив. Малофеев; 2) Председатель совета староста Т.Ф. Лобанов; 3) Товарищ председателя К.Ив. Рукавишников; 4) Уставщик Т.С. Лазарев и контроль; 5) Иван Ал. Михайлов; 6) Георгий Фед. Брысин; 7) Иван Фед. Андин (Церковь. N11, 14 марта 1910 г., С. 293)

Храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы в станции Рассыпной Оренбургской губернии

* Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

Крупные общины этого толка, в границах современной Оренбургской области, действовали также в Илеке, станицах Сакмарской, Рассыпной, Буранной. Всего же к 1912 г. в Оренбургской епархии действовали 32 старообрядческие общины, в том числе 10 — Белокриницкой иерархии — самого активного и организованного старообрядческого согласия².

Руководство Русской Православной Старообрядческой церкви (Белокриницкой иерархии) с одобрением встретило Февральскую революцию, приняв в мае 1917 г. на своем Всероссийском съезде резолюцию о поддержке Временного правительства. Но период относительно свободного развития общин старообрядцев оказался недолгим. После революции, по справедливому замечанию ведущего специалиста по истории старообрядчества на Южном Урале Е.С. Данилко, старообрядцы, представлявшие в основной своей массе зажиточное крестьянство и казачество, оказались самыми уязвимыми в условиях проводимых социальных трансформаций³.

Старообрядцев губернии, приемлющих Белокриницкое священство, с начала 1917 г. окормлял епископ Уральский и Оренбургский Амфилохий (Журавлев), резиденция которого располагалась в г. Уральске. После принятия декрета об отделении церкви от государства он выступил с «Архипастырским обращением к пасомым», которое властями было расценено как контрреволюционное. В июне 1918 г., когда к Уральску подступала Красная армия, епископ Амфилохий совершил поездку по своей епархии, посетил Оренбург и Илек, но вернуться обратно в Уральск уже не смог. В августе он по железной дороге выехал в Сибирь, в свой Новоархангельский скит (Томская губерния) и на длительное время его связь с епархией прервалась. В одном из своих писем в августе 1920 г. Амфилохий с горечью отмечал: «Я очень забочусь и сожалею о моей родной епархии Уральско-Оренбургской, что там столько померло священников, и мне никак попасть туда невозможно, даже никаких сведений или сообщений из Уральской епархии не имею, посылаю телеграмму и заказное письмо в Уральск, но ничего оттуда не отвечают. Я бы с удовольствием туда поехал, но нет возможности»⁴.

Находясь в скиту, епископ Амфилохий временно управлял Пермско-Тобольской и Томской епархиями. В июне 1922 г., прибыв в Оренбург, он был арестован по делу об антисоветских листовках, печатавшихся в Новоархангельском скиту. После длительного следствия Амфилохий был осужден на пять лет заключения, которое он отбывал в Томском доме принудительных работ. Освободился только в 1926 г. и поселился уединенно близ Новоархангельского скита. В конце 1920-х — начале 1930-х годов Амфилохию вновь пришлось временно возглавить епархии, вначале Иркутско-Амурскую, а затем снова Пермско-

Тобольскую. В 1933 г. он был снова арестован и осужден на 10 лет ссылки в Нарымский край. Находясь в ссылке, в конце 1937 г. епископ Амфилохий погиб (имеются свидетельства, что он был утоплен в Амуре)⁵. В 2003 году епископ Амфилохий был причислен к лику святых.

В 1926 г. на Уральско-Оренбургскую епархию был рукоположен епископ Сергей (Кулагин), который начал активно вникать в дела своей епархии, посетил все ее приходы. В 1927 г. участвовал в Освященном соборе. В этом же году был подвергнут домашнему аресту. Еще один кратковременный арест, вместе с уральскими священниками и церковным советом, последовал в самом начале 1930-х годов. В очередной раз епископ Сергей был арестован 8 августа 1934 г. по обвинению в контрреволюционной агитации. В ноябре этого же года он был приговорен к трем годам ссылки. После суда проживал в г. Чимкенте. Имеются отрывочные свидетельства о том, что во второй половине 1930-х годов епископ Сергей был репрессирован. Дальнейшая его судьба неизвестна.

После этого Уральско-Оренбургская епархия Русской Православной Старообрядческой церкви (Белокриницкого согласия) была фактически упразднена. К этому времени в Оренбуржье уже практически не осталось действующих официально старообрядческих приходов. Большая часть старообрядческих церквей и молитвенных домов была закрыта еще в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Так, в 1929 г. были закрыты молитвенные здания старообрядцев Белокриницкого согласия в селах Илек, Мухраново, Затонный, Рассыпная, Завражное⁶. В 1930 г. прекратила свою деятельность старообрядческая Никольская церковь в пос. Буранное Соль-Илецкого района. На общем сходе граждан за это решение высказались 606 человек из 826 жителей поселка (73,4 %). Результаты голосования довольно показательны, учитывая то, что станица Буранная, основанная в 1820 г. выселенными за неповиновение донскими казаками-старообрядцами, являлась одним из крупнейших старообрядческих населенных пунктов. Переписка по данному вопросу продолжалась достаточно долго, и только в феврале 1934 г. райисполком принял постановление о закрытии Никольской церкви и передаче ее здания под клуб. По мнению местных властей, многочисленные оставшиеся верующие-старообрядцы могли исполнять свои обряды в с. Ново-Илецке, расположенном в 16 км от Буранного. При этом местные власти откровенно подтасовывали факты, так как и в Ново-Илецке старообрядческая церковь была фактически закрыта еще в 1930 г. 21 июня 1934 г. Средне-Волжским исполкомом, на основании документов, представленных районными властями, было принято окончательное решение о закрытии Никольской церкви в пос. Буранное⁷.

В 1931 г. был закрыт старообрядческий храм в г. Оренбурге. Его здание было передано в фонд городского имущества, утварь — конфискована.

Ограниченность источников, посвященных положению беспоповских общин, не позволяет в полной мере охарактеризовать их развитие в советский период. Но имеющиеся факты указывают на то, что верующие, чаще всего старшее поколение, по-прежнему придерживались своих религиозных традиций. Так, по данным местных властей в 1927 г. в п. Сакмарский проживало 1065 старообрядцев-беспоповцев (483 мужчины и 582 женщины), а также 33 верующих, приемлющих Белокриницкое священство, и 130 единоверцев (до революции старообрядцы составляли 94,5 % жителей станицы Сакмарской⁸). Рядом с п. Сакмарский располагались старообрядческие села и деревни беспоповцев: Архиповка, Беловка, Гребени, Дворики, Донское, Санково, Янгиз. В с. Майорка жили старообрядцы Белокриницкого согласия⁹. В Спасской волости, в селах 1-е и 2-е Родники, а также поселках Чубенский, Нижнее Ивановск и хуторе Покурлей насчитывалось 565 староверов. Центральная организация располагалась в с. 1-е Родники, где насчитывалось 300 верующих¹⁰.

Крупным центром беглопоповских старообрядческих общин был г. Бугуруслан. До революции в Бугуруслане и близлежащих селах функционировало 4 старообрядческие (беглопоповские) церкви и 6 молитвенных домов, с общей численностью верующих более 3000 человек. В Бугуруслане располагался епархиальный старообрядческий Успенского собора, построенный в 1914 г. на средства верующих. Церкви старообрядцев действовали также в близлежащих селах Староверовка (позднее Октябровка) и Русская Бокла, а также в деревнях Нижнее Заглядино. Молитвенные дома старообрядцев располагались в селах Борисовка, Елатомка (где также действовала единоверческая церковь), Козловка, Вишневка, деревне Верхне-Заглядино и в поселке Липовский. В Бугурусланском уезде, входившем в состав Самарской губернии, старообрядцы проживали также в селах Пронькино, Борисовка, Ключевка, Кирюшкино, Турхановка, Тюрино, Григорьевка, Павлушкино, Коровино, Малый Толкай. Сами себя верующие называли древлеправославными христианами-старообрядцами, имеющими священство.

В 1928 г. Бугурусланский и Бузулукский уезды были преобразованы в округа и переданы из Самарской губернии в состав Средне-Волжской области. В августе 1930 г. округа были упразднены, а в 1934 г. Бугурусланский и Бузулукский уезды вошли в состав вновь созданной Оренбургской области. В этот период в Бугуруслане действовали две старообрядческие и две единоверческие (Михайло-Архангельская и Покровская) церкви¹¹.

Священником старообрядческого собора в Бугуруслане после революции служил иерей о. Андрей (Андрей Михайлович Лебедев). Родился он в 1867 г. в селе Добрунь Турчавского уезда Орловской губернии. К древлеправославной Церкви присоединился в 1912 г., будучи уже в сане священника, и после этого постоянно служил в г. Бугуруслане. В мае 1912 г. Андрей принял деятельное участие в V съезде древлеправославных христиан, который проходил в г. Вольске Саратовской губернии, выступив в пользу идеи приискания архиерея для староверов. На этом съезде о. Андрей был избран членом высшего руководящего органа древлеправославной Церкви — Совета Всероссийского Братства в честь святителя Николы. Восстановление епископского чина в древлеправославной Церкви произошло только в ноябре 1923 г., когда в храме св. Димитрия Солунского Саратова состоялось принятие через миропомазание архиепископа Николы (Петра Алексеича Позднева). На состоявшемся после этого в 1924 г. Соборе о. Андрей был избран членом Главного Церковного Совета от Сибирской области, а также участвовал в Миротворении в Москве. Неприятие новой власти и принципов государственно-церковных отношений выразилось в участии о. Андрея в 1928 г. вместе со всей древлеправославной общиной Бугуруслана в крестном ходе против произвола советской власти¹².

В 1929 г. в Бугуруслан прибыл единоверческий епископ о. Стефан (Сергей Яковлевич Расторгуев), с именем которого связано дальнейшее развитие старообрядчества не только в этом регионе, но и в стране в целом.

Протоиерей Андрей Михайлович Лебедев

Мироварение в Москве

Родился С.Я. Расторгуев 13 (25) октября 1861 г. в Екатеринбурге Пермской губернии в семье потомственного почетного гражданина крупного золотопромышленника купца 1-й гильдии Якова Ивановича Расторгуева, принадлежащего к единоверию. Это религиозное течение находилось между РПЦ и поповским старообрядчеством. Единоверцы принимали священников РПЦ, но при этом сохраняли древние церковные обряды.

Торжественное открытие Съезда въ залу Общественнаго Дома.

Торжественное открытие I-го Всероссийского съезда единоверцев (г. Санкт-Петербург, 22-30 января 1912 г.)

После окончания 5 классов Екатеринбургского Алексеевского реального училища С.Я. Расторгуев работал служащим мануфактурного дела. Вместе с семьей он был прихожанином Свято-Троицкой (Рязановской) единоверческой церкви. В 1882 г. Я.И. Расторгуев был признан несостоятельным должником, а все его имущество продано с торгов. Вскоре Я.И. Расторгуев скончался, оставив наследниками жену — Анну Алексеевну, пять взрослых сыновей и шесть дочерей.

Делегаты I-го Всероссийского съезда единоверцев (г. Санкт-Петербург, 22-30 января 1912 г.)

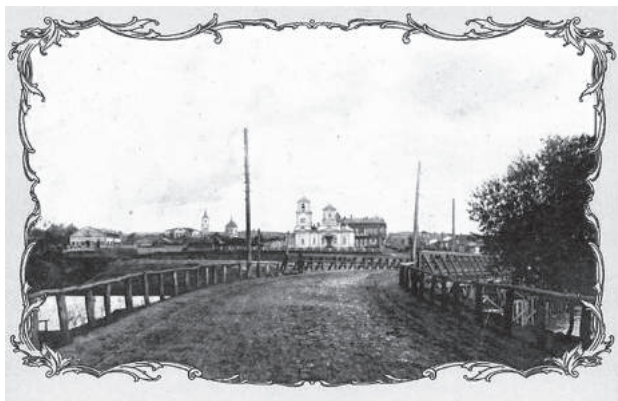

С. Я. РАСТОРГУЕВЪ

Делегат I-го Всероссийского съезда единоверцев С.Я. Расторгуев (г. Санкт-Петербург, 22-30 января 1912 г.)

В январе 1912 года С.Я. Расторгуев был избран общиной Екатеринбурга в качестве делегата и участвовал в I Всероссийском съезде единоверцев в Санкт-Петербурге. Там он познакомился с епископом Сухумским Андреем (Ухтомским), последовательным сторонником идей которого он был впоследствии. Между ними завязалась переписка. После революции С.Я. Расторгуев перебрался в Уфу, где участвовал в деятельности Уфимского церковного управления. 27 октября 1923 г., с благословения епископа Давлекановского Иоанна (Поляркова), в храме Покрова Пресвятой Богородицы Воскресенского единоверческого монастыря, расположенного в Златоустовском уезде, С.Я. Расторгуев был пострижен в иноческий чин священноиноком-схимником Стефаном. В этом же году он был первый раз арестован органами ГПУ, пробыв в заключении 21 день. В октябре 1925 г. о. Стефан был возведен в сан игумена

Воскресенского единоверческого монастыря Златоустовского округа епископом Саткинским Руфином (Бреховым) и рукоположен в сан священноинока. Вслед за Андреем (Ухтомским) о. Стефан негативно высказывался относительно Декларации Заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) от 29 июля 1927 года, в которой изъявлялась полная лояльность советской власти. Кроме того, он являлся последовательным противником обновленчества. В 1927 г. о. Стефан на короткий срок снова был арестован Красноуфимским ГПУ.

При въезде в Бугуруслан по мосту через реку Кинель возвышалась единоверческая Никольская церковь (после закрытия переоборудована под РДК)

В июле 1928 г. в храме Рождества Пресвятой Богородицы г. Сатки Уральской области о. Стефан был посвящен в сан единоверческого епископа Иргинской области. Через год, летом 1929 г., он был рукоположен в сан единоверческого епископа Бугурусланского. Находясь в Бугуруслане и служа в единоверческой Никольской церкви, о. Стефан сблизился с настоятелем древлеправославного Успенского храма

Архиепископ Никола (Позднев), епископ Стефан (Расторгуев), епископ Пансофий (Ивлиев) и христиане у стен Никольского собора в Москве (18 сентября 1929 г.)

протоиереем о. Андреем (Лебедевым), который по поручению Главного Церковного Совета по-прежнему занимался поиском подходящей кандидатуры епископа. Результатом этого общения стало принятие Стефаном решения о присоединении к старообрядцам.

Епископ Стефан (Расторгуев), Архиепископ Никола (Позднев), епископ Пансофий (Ивлиев) в день хиротонии епископа Пансофия (Москва, 18 сентября 1929 г.)

3 (16) сентября 1929 г. в Кафедральном соборе в честь святителя Николы в Москве о. Стефан через миропомазание присоединился к древлеправославной церкви. Чиноприем совершил архиепископ Никола (Позднев). Духовным отцом Стефана стал архимандрит Пансофий (Ивлиев). Акт присоединения состоялся в присутствии многочисленного духовенства и мирян. Таким образом, Стефан стал вторым, после архиепископа Николы (Позднева) архиереем, и это дало каноническую возможность для рукоположения новых епископов. Уже через два дня после своего присоединения епископ Стефан вместе с архиепископом Николой рукоположили первого за 260 лет древлеправославного архиерея Пансофия (Павла Яковлевича Ивлиева) на Ростов-на-Дону и Курскую кафедру. За этим последовали хиротонии других епископов. В последующие годы при участии Стефана были проведены хиротонии еще пяти древлеправославных архиереев: в феврале 1930 г. был рукоположен Филарет (Харламов), епископ Свердловский; в декабре 1933 г. — Павел (Носов), епископ Городецкий;

в 1933 г. — Феодор (Шашин), епископ Курский и Западной области; в июне 1936 г. — Михаил (Кочетов), епископ Романово-Борисоглебский.

Хиротонии проходили в Бугуруслане, где жил епископ Стефан, и местные власти пристально следили за религиозной активностью старообрядцев. Так, сразу после своей хиротонии епископ Филарет (Харламов) был арестован органами ОГПУ в Бугуруслане, и с 17 февраля по 4 марта 1930 г. находился в заключении. Вместе с ним были арестованы и другие участники хиротонии, в том числе и епископ Пансофий (Ивлиев).

Несмотря на многочисленные трудности и преследования, Бугурусланский епархиальный собор продолжал действовать. Став во главе Бугурусланско-Уральской и Сибирской древлеправославной епархии, о. Стефан деятельно руководил жизнью организации, продолжал тайно проводить церковные соборы, вел обширную переписку. Секретарем епархиального совета стал о. Андрей (Лебедев). Однако активная деятельность старообрядцев не могла не вызвать негативной реакции со стороны советских структур. В 1931 г. до суда дошло дело, связанное с отказом о. Андрея приобретать облигации государственного займа.

о. Стефан и епископ Свердловский Филарет (Харламов) вместе с клиром кафедрального храма г. Екатеринбурга.

В ноябре 1932 г. органами Бугурусланского ОГПУ по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, а также в контрреволюционной организационной деятельности епископ Стефан был снова арестован. Обосновывая арест о. Стефана, ОГПУ давало ему следующую характеристику: «Являясь ставленником бывшего князя Андрея Ухтомского, при активном участии Лебедева проводит политику объединения всех старообрядческих образований в единую общинную организацию для борьбы с советской властью»¹³. До суда, в течение почти полугода, он содержался в заключении. По этому же делу был арестован и о. Анд-

рей, а также еще 18 древле-православных христиан. Их обвинили в создании «старообрядческой контрреволюционной группировки», состоящей из беглопоповцев Бугурусланского района. Первоначальным приговором тройки для ряда подсудимых была определена высшая мера наказания. Однако в силу пожилого возраста большинства из осужденных были приняты более мягкие приговоры. 26 мая 1933 г. тройкой ОГПУ епископ Стефан был осужден по пунктам 10 и 11 статьи 58 УК РСФСР. Срок предварительного заключения был зачтен, и после суда Стефан был освобожден. Отец Андрей был приговорен к 12 годам ссылки за пределы Средне-Волжского края. Впрочем, он не подчинился этому приговору и продолжил свое служение в Бугуруслане.

Епископ Стефан (Расторгуев) и епископ Пансофий (Ивлиев) с духовенством и христианами Уральской епархии (Бугуруслан, 1933 г.)

После смерти архиепископа Николы (Позднева) в сентябре 1934 г. епископ Стефан стал местоблюстителем древлеправославной церкви, а в 1935 г. соборно возведен в сан архиепископа Московского и всея Руси, стал первоиерархом древлеправославной Церкви. Архиепископская старообрядческая кафедра находилась в Бугурусланском епархиальном соборе, по ул. Транспортной, 76.

Но Бугуруслан недолго был центром древлеправославного старообрядчества. Архиепископ Стефан был арестован органами НКВД 27 июля 1937 г. и заключен в тюрьму в г. Оренбурге. 31 августа 1937 г. тройкой УНКВД Оренбургской области он был приговорён по ст. 58-10, 11 УК РСФСР к расстрелу. 2 сентября 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Похоронен архиепископ Московский и всея Руси Стефан в Зауральной роще г. Оренбурга вместе с другими жертвами политических репрессий.

11 мая 1989 г. архиепископ Стефан был реабилитирован. В мае 2007 г., Освященный Русской древлеправославной церковью, архиепископ Стефан был причислен к лику святых.

Архиепископ, Первоиерарх всей Древлеправославной Церкви Стефан

К началу 1938 г. в Оренбургской области продолжали официально действовать всего 20 религиозных организаций. Среди них только одна старообрядческая организация. Но после ареста и расстрела пастырей был закрыт и Бугурусланский собор. Верующие Бугуруслана собирались на моления по частным домам. Во время Великой Отечественной войны здание соборной церкви использовалось под засыпку зерна.

В последние военные годы принципы взаимоотношений между органами советской власти и религиозными организациями были несколько скорректированы. Действующие религиозные организации с первых дней войны заняли патриотическую позицию, и интересы единения всего народа перед общей внешней угрозой заставили советское руководство перейти к более лояльной религиозной политике. Проводниками этой политики призваны были стать созданный при Совнарком (с 1946 г. — при Совете Министров) в сентябре 1943 г. Совет по делам Русской православной церкви и учрежденный 19 мая 1944 г. также при Совнарком Совет по делам религиозных культов.

По имеющимся официальным данным, в г. Бугуруслане в этот период насчитывалось примерно 500 старообрядцев, а всего по району — 1800 чел. Со слов самих верующих, с которыми общался уполномоченный по делам религиозных культов по Оренбургской области С. Царев, в городе и 9-10 селах района, в которых проживали старoverы, насчитывалось примерно 3000 верующих.

Старообрядцы г. Бугуруслана и сел района неоднократно возбуждали ходатайства об открытии цер-

квей и молитвенных домов, но им каждый раз отказывали по различным мотивам.

В мае 1944 г. в местные органы власти поступило заявление от старообрядцев с. Елатомка, в котором они просили зарегистрировать религиозное общество и снова открыть молитвенный дом, который был закрыт в 1936 г. По заявлению самих верующих, в Елатомке насчитывалось около 300 старообрядцев. Это ходатайство не было удовлетворено.

По неподтвержденной информации, имеющейся у уполномоченного, после окончания войны Успенская старообрядческая церковь фактически использовалась верующим, и в ней отпраздновались богослужения вплоть до 1948 г., когда церковь вторично закрыли. Но подобного рода молитвенные собрания, если они и проводились, были нелегальными. Верующие стремились придать своей религиозной жизни официальный статус и закрепить за собой здание церкви на законных основаниях. В результате, в ноябре 1945 г. поступило заявление, подписанное 150 верующими, в котором они просили открыть в г. Бугуруслане соборную церковь. Получив отказ в августе 1946 г., верующие повторно возбудили ходатайство об открытии соборной церкви или молельного дома в г. Бугуруслане. Решением облисполкома от 27 августа 1946 г. в этом ходатайстве было снова отказано. Совет по делам религий при Совете министров СССР, рассмотрев этот вопрос на своем заседании 19 сентября 1946 г., решение облисполкома признал правильным.

Не согласившись с отказом, старообрядцы Бугуруслана подали новое заявление об открытии пустующей церкви, которое подписали 138 верующих. Учитывая неоднократные и настойчивые обращения старообрядцев, облисполком и уполномоченный Совета 15 декабря 1947 г. направили в Москву на утверждение документы о регистрации общества и возврате верующим церкви. Однако Совет по делам религий не согласился с мнением местных властей и в марте 1949 г. принял решение о нецелесообразности регистрации общества старообрядцев в Бугуруслане.

В 1947 г. ходатайство о регистрации было направлено верующими — старообрядцами-беспоповцами с. Сергиевка Павловского района. Но еще в процессе рассмотрения этого обращения от местных властей поступило уведомление о расторжении с группой верующих арендного договора на молитвенное помещение. В результате, на основании того, что помещение для проведения собраний отсутствует, обращение верующих уполномоченным было снято с рассмотрения.

В начале 1848 г. было подано совместное ходатайство старообрядцев Белокриницкого согласия селений Илек, Мухраново и Рассыпное об открытии в Илеке старообрядческой церкви в частном доме А.А. Дьяко-

нова (ул. Студеновская, 21). Инициатором подачи этого обращения был Трофим Яковлевич Гребнев. Родился он в 1898 г. в с. Мухраново, в крестьянской семье. Занимался сельским хозяйством. В 1926 г. был рукоположен в сан священника старообрядческой общины Белокрыницкого согласия. В 1930 г. был осужден «тройкой» на 3 года исправительно-трудовых лагерей по статье 59-12 УК РСФСР. После освобождения перебрался в Кзыл Орду, где работал служащим советских учреждений. В 1942 г. был призван в армию. В 1943 г., после тяжелого ранения, был демобилизован и первоначально снова вернулся в Кзыл Орду, а в 1947 г. перебрался на родину, в с. Мухраново¹⁴.

По информации от районных властей, общины старообрядцев были немногочисленны. В Илеке насчитывалось около 30 домохозяев, в Рассыпном — 27 и в Мухраново около 10. В основном, это были пожилые люди. В сентябре 1948 г. облисполкомом с последующей санкцией Совета по делам религиозных культов совместное ходатайство старообрядцев Илекского района было отклонено. Это решение основывалось на непригодности арендуемого помещения для проведения массовых молитвенных собраний. После получения отказа в регистрации общины Т.Я. Гребнев в 1949 г. вновь переехал в Кзыл Орду. В 1951 г. уполномоченный от общин верующих Илекского района Лев Андреевич Губарков обратился к уполномоченному с просьбой разрешить собираться для молитвы в частных домах в дни религиозных праздников. Разумеется, в этой просьбе было отказано, а Л.А. Губаркову было разъяснено о недопустимости нарушения законодательства о культах.

В 1950 г. к уполномоченному по Чкаловской области Опитину снова обратились представители религиозной группы старообрядцев—беглопоповцев г. Бугуруслана с просьбой о регистрации их священника. В городе и близлежащих селах, по данным уполномоченного, в этот период проживало порядка 2000 старообрядцев этого течения. Верующим было разъяснено, что служитель культа может быть зарегистрирован только после регистрации соответствующей религиозной общины.¹⁵

В 1951 г. к уполномоченному с просьбой о разрешении проведения молитвенных собраний в дни особо чтимых праздников и отправлении отдельных религиозных обрядов обратились уже старообрядцы-беспоповцы г. Бугуруслана. С ними совместно с аналогичной просьбой обратились и бугурусланские меннониты (из числа немцев, бывших трудармейцев, находящихся на спецпоселении). Вполне ожидаемо верующие получили отрицательный ответ. Помимо этого, уполномоченному, сообщившему о данной просьбе в Совет по делам религиозных культов, было рекомендовано принять меры к пресечению деятельности этих организаций¹⁶.

Всего же, по официальным данным уполномоченного, в начале 1951 г. в Чкаловской области действовали без регистрации 3 группы старообрядцев Белокрыницкого согласия, в состав которых входило порядка 70 верующих, и 9 групп беглопоповцев (350 верующих)¹⁷. Скорее всего, эти данные были сильно занижены, так как резко контрастируют со сведениями, которые направлялись в Совет по делам религиозных культов ранее.

Еще в 1949 г. здание старообрядческого храма в Бугуруслане было передано нефтяному техникуму, но последний не смог в течение двух лет освоить это здание. Тогда в 1950 г. исполком Бугурусланского горсовета, отмечая высокие достижения спортсменов и физкультурников города, обратился в облисполком с просьбой передать здание старообрядческого собора, расположенного по ул. Стахановской, 76, под городской физкультурный клуб. По ходатайству Оренбургского облисполкома 21 октября 1951 г. Совет по делам религий постановил передать пустующую церковь в распоряжение Бугурусланского городского комитета по делам физкультуры с правом переоборудования. Но и у комитета не нашлось необходимых средств для переоборудования храма, и поэтому это решение было снова пересмотрено. 25 февраля 1953 г. облисполком принял решение передать соборную церковь школе механизации с правом переоборудования под клуб. Но и это решение не было исполнено, и здание и дальше использовалось, в основном, как складское помещение. Позже здание было переоборудовано под класс СПТУ по изучению комбайнов.

В июне и августе 1951 г. старообрядцы Бугуруслана, потеряв надежду на возможность возвращения соборной церкви, возбудили ходатайство об открытии молитвенного здания в доме М.И. Даниловой по ул. Береговой, 49, которая пожертвовала его для общества верующих. На это ходатайство Облисполком и Совет снова ответили отказом.

Всего за период с 1944 по 1951 годы старообрядцами Чкаловской области было подано 26 ходатайств о регистрации¹⁸. Только в 1951 г. поступило четыре ходатайства от старообрядцев-беглопоповцев г. Бугуруслана и одно от старообрядцев Белокрыницкой иерархии с. Илек. Все эти ходатайства были отклонены¹⁹.

В отчетах уполномоченного за 1954 г. отмечалась деятельность Бугуруслане незарегистрированной группы старообрядцев в 30-40 человек. В дни религиозных праздников молитвенные собрания посещало до 100 человек. Возглавлял бугурусланскую общину в этот период некто Абрамов. Количественные данные о численности старообрядцев в Бугуруслане не отражали в полной мере религиозное движение в городе. Так, в отчете за 1957 г. уже отмечалось, что

только в г. Бугуруслане насчитывалось около 800 верующих старообрядцев-беглопоповцев, а вместе с пригородным районом эта цифра составляла порядка 2000 верующих²⁰.

Религиозные группы старообрядцев-беглопоповцев по-прежнему действовали в селах Нижне-Заглядино, Козловка, Борисовка, Блиновка, Сосновка, Вишневка Бугурусланского района; селах Русская Бокла, Заглядино Мордово-Боклинского района и Верхне-Заглядино Асекеевского района.

Старообрядцы Белокриницкого толка также нелегально собирались на молитвенные собрания в селах Илек, Рассыпное и Мухраново Илекского района²¹.

До конца 1960-х годов начетником старообрядцев-беспоповцев, проживающих в Сакмарском районе, был житель с. Жданово М.С. Чердинцев (отец прославленного комбайнера, дважды Героя Социалистического труда В.М. Чердинцева), который молился за усопших, осуществлял крещение, благословлял и причащал. Но перед смертью он не благословил никого из единоверцев, и с того времени сакмарские старообрядцы больше не имели авторитетного и всеми признанного руководителя²².

В ноябре 1965 г. старообрядцы беглопоповского согласия Бугуруслана направили свои заявления в адрес уполномоченного по делам религиозных культов по Брянской области и архиепископа древлеправославных христиан-старообрядцев Новозыбковского, Московского и всея Руси. Архиепископ Иеремия в своем письме от 6 марта 1966 г. поддержал эту просьбу. Им даже был намечен священник из г. Михайловки Исаакий Николаевич Лестев для организации богослужения в бугурусланской общине. В марте 1966 г. ходатайство староверов-беглопоповцев г. Бугуруслана было передано в Совет. И снова был получен отрицательный ответ. В 1966 г. верующие еще дважды обращались с ходатайствами, в ноябре и декабре. Уполномоченный Совета П. Вдовин, несмотря на отрицательное заключение Бугурусланского горисполкома, сделал вывод о возможности регистрации общества старообрядцев с присоединением к нему верующих близлежащих сел Бугурусланского, Северного и Александровского районов.

В июле 1967 г. член двадцатки бугурусланского общества М.П. Евтюхин направил письма с просьбой об оказании содействия в регистрации общины старообрядцев беглопоповского согласия в адрес председателя СМ ССРА Н. Косыгина, председателя Совета по делам религий при СМ СССР В.А. Куроедова и уполномоченного Совета по Оренбургской области П. Вдовина.

Обязанности священника у бугурусланских старообрядцев в этот период исполнял Марк Варфаламеевич Ратанов, которому в 1967 г. исполнилось уже

86 лет. Во второй половине 1960-х годов заметную роль в общине играл Иван Савельевич Савин (1905 г.р.), который в 1966 г. вошел в состав двадцатки. До ухода на пенсию в 1964 г. он работал директором конторы по заготовкам Бугурусланского райпотребсоюза и считался хорошим специалистом по кожсырью. В конторе он проработал около 20 лет. Подготовил к этой работе и своего сына — Андрея Савина, который работал в 1960-е годы заместителем директора заготовконторы, являлся членом партии. После ухода на пенсию И.С. Савин около года прожил в Куйбышеве, затем вернулся в Бугуруслан (проживал в частном доме по ул. Интернациональной, 65)²³.

По инициативе И.С. Савина верующие старообрядцы беглопоповского согласия г. Бугуруслана, начиная с 1967 г. стали активно обращаться с жалобами во все инстанции: партийные, правительственные, местные органы с требованием зарегистрировать их религиозное общество.

В 1968 г. была предпринята новая попытка регистрации общества. 16 октября 1969 г. облисполком своим решением снова отказал в регистрации общества старообрядцев г. Бугуруслана в связи с тем, что инициаторы ходатайства в своем обращении выступили от всех старообрядцев области. Исполкому Бугурусланского горсовета было поручено взять общину старообрядцев на учет, с тем, чтобы проводить работу по прекращению ее деятельности.

В мае 1970 г. И.С. Савин письменно обратился с просьбой о содействии в регистрации к депутату Верховного Совета СССР К.М. Трифоновой, копии письма направив в облисполком и горисполком. Данное обращение было рассмотрено на заседании Бугурусланского горсовета 9 июня 1970 г., на котором было принято решение отказать в просьбе заявителю, так как он не может выступать от имени верующих старообрядцев города и области. Однако по настоянию совета по делам религиозных культов облисполком направил в горсовет предписание о необходимости взять на учет общину старообрядцев.

По данным на конец 1971 г. незарегистрированные религиозные группы действовали в следующих населенных пунктах области: в городах Бугуруслан (350 верующих), Оренбург (до 60), Бузулук (20); с. Елатомка (80), с. Вишневка (30), с. Завьяловка (20), с. Нижне-Заглядино (70), с. Козловка (60), с. Борисовка (50), с. Русская Бокла (60), с. Орловка (60), Блиновка и Единство Бугурусланского района; п. Бугульма (23), с. Уваровка (26), д. Верхнезаглядино (58), ж/д ст. Заглядино (28), с. Алексеевка (47) Асекеевского района; с. Мухраново (30), с. Илек (35) Илекского района; с. Федоровка (40) Курманаевского района; п. Р.Дема (25) Пономаревского района; с. Ждановка (50) Сакмарского района; п. Родники (22) Саракташского района; п. Черный Ключ (35), Васи-

льевка и Староверовка Северного района. Таким образом, только по официальным данным уполномоченного, в нелегально действующих общинах старообрядцев всех толков в области насчитывалось более тысячи верующих.

Регулярные молитвенные собрания членами этих религиозных групп практически не проводились. Старообрядцы собирались чаще всего на отпевания усопших и поминки по умершим единоверцам. Легальное крещение и венчание в единичных случаях совершалось в г. Куйбышеве, где действовала старообрядческая церковь. Характеризуя общины старообрядцев области, уполномоченный по Оренбургской области относит их к «прогрессивно умирающим религиям».

Активность в вопросе регистрации проявляла только бугурусланская община, но в начале 1970-х годов в ней произошел раскол. Меньшая часть верующих, во главе с И.С. Савиным, продолжала добиваться регистрации. Большинство же старообрядцев, по согласованию с местными властями, выступали за то, чтобы их религиозную группу взяли на учет в исполкоме горсовета. С этой просьбой верующие дважды в 1972 г. обращались к уполномоченному.

Негласным попечителем этой части старообрядцев Бугуруслана был Максим Герасимович Камсков. Функции священника по-прежнему выполнял Марк Варфоломеевич Ротанов, который не только осуществлял службы по умершим, но и крестил детей. Уставчиком религиозной группы был Иван Иванович Юдин, который также вел церковную службу и занимался продажей свечей. Именно учет финансовых средств, получаемых за продажу свечей, исполнение обрядов погребения и обедней и стали причиной разлада в бугурусланской общине. Отсутствие контроля за получаемыми доходами и расходованием денежных средств привели к многочисленным обращениям, в том числе анонимным, в местные органы власти, ОБХС и в адрес уполномоченного. В письмах приводились многочисленные факты незаконного изготовления и продажи свечей руководством этой группы старообрядцев.

Имеющиеся в общине противоречия стимулировали И.С. Савина на все новые обращения с требованиями регистрации общины старообрядцев в Бугуруслане. В 1972 г. И.С. Савин был подвергнут административному штрафу в сумме 50 рублей за то, что провел молитвенное собрание без получения на то разрешения горисполкома. Не согласившись с этим решением он обратился в суд, который подтвердил факт незаконных действий истца, но в связи с нарушением установленных сроков вынесения акта об административном правонарушении этот штраф был снят.

Трижды, в апреле, июне и июле 1972 г., старообрядцы обращались письменно с жалобами к предсе-

дателю Совета по делам религий В.А. Куроедову. В мае и октябре этого же года члены двадцатки И.С. Савин и А.М. Ключкин приезжали в Москву и со второй попытки добились встречи с заместителем председателя Совета Уточкиным. 30 октября 1972 г. жалоба от имени старообрядцев г. Бугуруслана была направлена председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному. Ответ на эту жалобу они получили от уполномоченного по Оренбургской области Г. Василенко, который откровенно сообщал, что общину, почти все члены которой нарушают советское законодательство о религиозных культах, регистрировать нельзя. Верующим указывалось на то, что они без соответствующего решения проводят молитвенные собрания, производят и продают свечи, образовали исполнительный орган общины. Получив этот ответ, заявители 23 ноября 1972 г. обратились с жалобой уже к председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину. Все эти письма отсылались для рассмотрения в Оренбургский облисполком и не получали положительного ответа.

Активные требования о регистрации бугурусланской общины старообрядцев прекратились только после того, как решением Совета Архиепископии от 1-3 февраля 1973 г. И.В. Савин был отлучен от «единства Христовой Церкви «аки гнилый уд» за распространение клеветнических писем на архиепископа Павла.

Последнее из ходатайств общины старообрядцев Бугуруслана было рассмотрено в горисполкоме 12 июня 1973 г. Было принято решение дать отрицательное заключение в связи с систематическим нарушением членами общины законодательства о культах, выражающемся в проведении молитвенных собраний на квартирах без разрешения органов власти.

Легализации религиозной жизни старообрядцам пришлось ждать до 1982 г., когда была зарегистрирована община древлеправославных христиан-старообрядцев в Оренбурге, а вслед за этим и в Бугуруслане. Для молитвенных целей в обоих городах были приобретены и переоборудованы частные дома. Архиепископом Русской древлеправославной церкви Геннадием в новые общины были направлены священнослужители. В г. Оренбурге с 1983 по 1987 гг. обязанности настоятеля храма Святых мучеников Козьмы и Доминиана выполнял протоирей П. Онуфриенко. В Бугуруслане настоятелем прихода в честь Успения Пресвятой Богородицы стал протоирей Диомид Калинин. Это оживило религиозную жизнь в общинах. Так, только в Бугуруслане в 1984 г. было совершено 31 крещение, 7 венчаний, 42 очных отпевания.

Без регистрации, по данным уполномоченного, в Бугурусланском и Асекеевском районах действовало еще 8 старообрядческих (беглопоповцы) религиоз-

ных общин²⁴. Верующие собирались по воскресным и праздничным дням по 10–20 человек. В каждой общине были избраны свои служители культа. По просьбам верующих к ним приезжали зарегистрированные священники.

В августе 1984 г. было зарегистрировано религиозное общество старообрядцев в с. Елатомка Бугурусланского района.

В начале 1992 г. в области по-прежнему действовали 3 зарегистрированные религиозные общины древлеправославных христиан (старообрядцев беглопоповского согласия). В городах Оренбурге, Бугуруслане и с. Елатомка Бугурусланского района верующие имели молитвенные дома. Но десятилетия запретительной политики государства и целенаправленная атеистическая пропаганда все же сделали свое дело, и возобновление религиозной жизни было связано с большими трудностями. Сложная ситуация была со служителями культа, которых практически не было. В составе религиозных организаций старообрядцев было очень мало молодежи. Вызвано это было, возможно тем, что Устав старообрядческой церкви предписывает отказаться от многих увлечений и соблазнов мирской жизни — не пить, не курить и пр. Церковные службы длятся до 5 часов. Это отталкивало молодежь, и даже в условиях возрожде-

ния религиозной активности в конце 1980-х — начале 1990-х годов многие предпочитали ходить в храмы РПЦ.

В 1992 г. в Оренбурге было зарегистрировано религиозное общество старообрядцев-поповцев Белокрыницкой иерархии. Община стремилась вернуть себе здание бывшей церкви по пер. Матросскому, 18, где располагалось ДСШ УНО г. Оренбурга. Верующие даже проводили пикетирования у стен церкви. В конечном счете, здание церкви, хоть и в значительно изменившемся виде, но было возвращено верующим.

Таким образом, в годы советской власти старообрядческие общины подверглись значительной трансформации. Массовые репрессии по отношению к зажиточному крестьянству и казачеству, ликвидация священников, изъятие храмов и молитвенных домов, перевод общин на нелегальное положение и масштабная атеистическая пропаганда привели к значительному сокращению численности старообрядцев всех течений на территории Оренбургской области. Но несмотря на тяжелые испытания и жестко запретительную политику старообрядцы Оренбуржья сумели сохранить основы религиозного учения и культуры и во второй половине 1980-х годов начали постепенное возрождение своей религиозной жизни.

Примечания:

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 13-11-56005.

¹ Камзина А.Д. Краснов В.П. Старообрядцы и древлеправославные христиане // Конфессии и религиозные объединения в Оренбургской области. Справочник. — Оренбург: Оренбургский региональный центр социальной информации, 2012. — С. 82.

² Камзина А.Д. Православная миссия в борьбе со старообрядчеством в Оренбургской епархии в 1905–1917 гг. URL: <http://www.rusoir.ru/03print/04/21/> (дата обращения: 12.10.2013)

³ Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: история и современное состояние // Историко-культурное наследие народов Южного Урала: опыт исследований и практика сохранения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. — Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2010. — С. 28.

⁴ «Сидят на власти враги Христовой Церкви...». Материалы к биографии епископа Амфилохия (Журавлева) Уральского и Оренбургского. Часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1714> (дата обращения: 12.10.2013)

⁵ Белобородов С.А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви - белокрыницкого согласия) [Электронный ресурс]. URL: http://www.semeyskie.ru/history_ural.html (дата обращения: 12.10.2013)

⁶ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 211. Л. 25.

⁷ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 8. Л. 29.

⁸ Ганин А.В. Оренбургское казачество и церковь в годы гражданской войны 1917–1922 гг. // Белая гвардия. — 2008. - № 10. — С. 146.

⁹ Трофтменко А.Б. История развития старообрядчества в Сакмарском районе // Государственно-конфессиональные отношения: теория и практика. Международная конференция. Оренбург. 30 марта 2010 г. — Сб. статей / Сост. Е.В. Годовова. — Оренбург: ООО «Агентство «ПРЕССА», 2010. — С. 322.

¹⁰ Люкшина И.В. К вопросу об истории конфессий в Оренбуржье 20–30-х годов XX века (обзор документов) // Этнополитические процессы в трансформирующемся российском обществе: материалы межрегиональной

научно-практической конференции. — Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2005. — С. 146.

¹¹ Кабанов Г.С. Мы — староверы — Оренбург: Димур, 2003. — С. 413.

¹² Протоиерей Андрей Михайлович Лебедев [Электронный ресурс]. URL: <http://ancient-orthodoxy.narod.ru/memory/lebedev.htm> (дата обращения: 20.07.2013)

¹³ Стефан, архиепископ Бугуруслано-Уральский и Сибирский [Электронный ресурс]. URL: <http://ancient-orthodoxy.narod.ru/memory/stefan.htm> (дата обращения: 20.07.2013)

¹⁴ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

¹⁵ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Д. 2с. Секретная переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и исполкомами городских и районных советов по вопросам религиозных праздников и мероприятиях (18 февраля 1950-7 декабря 1962 гг.). — Л. 33.

¹⁶ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Д. 2с. Секретная переписка с Советом по делам религиозных культов при СМ СССР и исполкомами городских и районных советов по вопросам религиозных праздников и мероприятиях (18 февраля 1950-7 декабря 1962 гг.). — Л. 49.

¹⁷ По другим данным, старообрядцев-беглопоповцев действовало нелегально 10 религиозных групп (450 верующих) и одна группа белокриницкого толка (30 верующих) (ЦДННАО.Ф.371. Оп. 16. Д. 150. Л. 21.)

¹⁸ ЦДННАО.Ф.371. Оп. 16. Д. 150. Л.12. ГАОО. Ф.617. Оп.1.Д. 211. Л.142.

¹⁹ ЦДННАО.Ф.371. Оп. 16. Д. 150. Л. 8.

²⁰ ГАОО. Ф.617. Оп. 1. Д. 240. Л. 68

²¹ ЦДННАО.Ф.371. Оп. 17. Д. 1325. Л. 23, 25.

²² Трофтменко А.Б. История развития старообрядчества в Сакмарском районе // Государственно-конфессиональные отношения: теория и практика. Международная конференция. Оренбург. 30 марта 2010 г. — Сб. статей / Сост. Е.В. Годовова. — Оренбург: ООО «Агентство «ПРЕССА», 2010. — С. 324.

²³ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1966. Д. 15. Материалы ходатайства верующих старообрядцев г. Бугуруслана. Л. 4-10.

²⁴ Архив управления внутренней политики аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 1983 г. Информация «О ходе выполнения Постановления ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания» и Постановления Совета Министров РСФСР от 11 ноября 1981 г. «О мерах по дальнейшему усилению работы по атеистическому воспитанию». Л. 2

Д.Н. Денисов *

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ КАТОЛИКОВ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Первая крупная группа католиков в Оренбуржье появилась в 1772 г., когда по распоряжению императрицы Екатерины II сюда были сосланы участники Барской конфедерации, боровшиеся против вмешательства России во внутренние дела Польско-Литовского государства (Речи Посполитой) и её раздела соседями. После присоединения в 1815 г. Польши к Российской империи на территории края стали нести военную службу многочисленные новые подданные польской национальности. В то же время удалённая от западной границы Оренбургская губерния продолжала использоваться в качестве места политической ссылки для участников польских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., которые существенно увеличивали временное католическое население. По мере интеграции в административную систему Российской империи новых территорий и их национальных элит в Оренбургский край стали добровольно приезжать чиновники из числа польских и литовских дворян, которые наряду с выходцами из Западной Европы, французами и немцами, занимали высокие посты в местном управлении. Католического вероисповедания придерживались: оренбургский гражданский губернатор И. Л. Дебу (1774–1842), начальник Штаба отдельного Оренбургского корпуса А. Л. Данзас (1810–1880), командующий Башкирским войском С.Ф. Циолковский (1788–1840), губернские инженеры И.Ф. Нейман и М.И. Балог (1854–?), губернские землемеры М.Ф. Гедройц (1830–1902) и И.А. Брожинский, губернский лесничий Ф.М. Рудзкий (1802–1887), управляющий акцизными сборами Оренбургской губернии Э.Е. Криштафович, управляющий Оренбургским отделением Государственного Банка И. А. Короткевич-Корвин (1831–1891), начальники Оренбургско-Ташкентской железной дороги В.И. Стульгинский (1853–?) и П.А. Мазуровский (1851–?), директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса И.О. Латур (1853–?) и др.

По представлению военного губернатора П.К. Эссена (1772–1844) «для преподавания треб ... служащим в войсках» отдельного Оренбургского корпуса «нижним чинам, штаб- и обер-офицерам... и чиновникам гражданских мест» распоряжением министра внутренних дел от 6 сентября 1830 г. № 1713 было поручено раз в год объезжать пограничную линию священнику **Прейсу**, настоятелю католической церкви Пресвятой Троицы на Златоустовских заводах (ныне г. Златоуст Челябинской области), открытой в 1817 г. для выписанных из Германии оружейных мастеров¹. По указу Римско-католической духовной коллегии от 11 апреля 1833 г. № 618 новым куратором Златоустовского завода был назначен иеромонах **Олаус Ошоклинский**² (Olaus Oszoklinski), который до этого служил ксендзом в г. Гродно (ныне Гродненской обл. Беларуси) и преподавателем немецкого языка в местной доминиканской гимназии³. Однако большую часть года настоятели Златоустовского прихода были заняты по основному месту службы и объезжали Оренбургскую губернию только раз в год, летом, когда военнотружачие зачастую не могли получать у них духовные требы из-за проведения инспекторских смотров армейским частям. Поэтому со временем насущной необходимостью стало введение в Оренбургском корпусе специальной должности военного католического капеллана для духовного окормления нижних чинов и офицеров польской национальности уже на регулярной основе.

Благоприятная возможность для устройства религиозной жизни местных католиков открылась в 1833 г. после приезда в губернский центр ссыльного ксендза М.Ф. Зеленко, который сыграл неоценимую, определяющую роль в организационном становлении оренбургского прихода и его важнейших институтов.

Михаил Фаддеевич Зеленко (Michal Zielonka) родился в 1799 г. в небогатой дворянской семье Трокского уезда Виленской губернии. С 1808 г. получал начальное образование в Ковенском уездном учили-

* Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005.

ще (ныне в г. Каунас, Литва) и Мерецком училище (ныне в г. Меркине Варенского р-на Алитусского уезда Литвы). В 1813 г. поступил в Попороцкий доминиканский монастырь (ныне в м. Папарчяй Кайшядорского р-на Каунасского уезда Литвы). В 1815 г. постригся в монахи под именем Кандид, а затем прошёл в доминиканском ордене высший семинарский курс обучения риторике, латинскому, польскому, русскому и французскому языкам, поэзии и литературе, всеобщей истории, философии, Священному Писанию, церковной истории, каноническому праву, религиозным обрядам, догматической и моральной теологии, высшим математическим и физическим наукам, статистике и по результатам экзаменов удостоен звания лектора богословия. С 1 сентября 1819 г. по 1 сентября 1823 г. работал учителем польского красноречия и латинского языка в Несвижском уездном училище (ныне в г. Несвиж Минской обл. Беларуси). 22 сентября 1823 г. был рукоположен в католические священники. В 1824 г. прослушал курс лекций на этико-филологическом факультете Императорского университета в Вильно. После повышения квалификации 1 сентября 1824 г. вернулся в прежнее училище, но уже на должность преподавателя исторических наук и французского языка. 1 сентября 1825 г. переведён в Гродненскую доминиканскую гимназию и духовное училище старшим учителем польского красноречия, логики и латыни. 1 января 1828 г. ректором Виленского университета назначен на должность смотрителя (префекта) Гродненской доминиканской гимназии, в которой под его руководством обучались около 300 воспитанников. Одновременно преподавал там польскую словесность и латинский язык, а также вёл занятия для клириков в базовом учебном заведении Литовской провинции доминиканского ордена⁴.

М.Ф. Зеленко был на прекрасном счету у духовных и учебных властей. Однако после подавления Польского восстания 1830—1831 гг. на территорию Гродненской губернии в марте 1833 г. проник из-за границы и попытался поднять новое выступление против России партизанский отряд под командованием политического эмигранта Михаила Воловича (1806—1833). Некоторые преподаватели и воспитанники Гродненской доминиканской гимназии, состоявшие в тайной переписке с заговорщиками, весной 1833 г. устроили в их поддержку беспорядки в учебном заведении. Выяснилось, что заведующий учебным заведением М.Ф. Зеленко отчасти знал и не донёс российским властям о контактах своих подчинённых с повстанцами, а потому «как менее виновный» 2 сентября 1833 г. был сослан под строгий надзор в Оренбург, куда прибыл 2 октября⁵. Оренбургский губернатор В. А. Перовский (1795—1857), известный отзывчивым сердцем и вниманием к нуждаю-

щимся, взял ссыльного священника под свою опеку. Уже 10 января 1835 г. он подал представление о возвращении на родину М.Ф. Зеленко. 14 марта 1835 г. министр внутренних дел разрешил ссыльному покинуть отдалённый Оренбургский край для помещения в один из доминиканских монастырей на территории Белоруссии. Но неожиданно сам М.Ф. Зеленко, обласканный участием губернатора к своей судьбе, отказался уезжать, а просил только подыскать ему полезную должность, чтобы не сидеть без дела.

В результате по указу Римско-католической духовной коллегии от 4 октября 1835 г. № 2239 Михаил Зеленко был проинформирован о допущении его «к совершению богослужения и отправлению духовных треб католикам, в г. Оренбурге проживающим»⁶. Более того, оренбургский губернатор В.А. Перовский 18 июля 1836 г. вошёл к временно управляющему военным министерством с представлением об учреждении в отдельном Оренбургском корпусе должности штатного католического капеллана для М.Ф. Зеленко. 29 июня 1837 г. военный министр ответил, что по его докладу Николай I повелел ввести в отдельном Оренбургском корпусе должность католического капеллана с государственным содержанием. Однако, памятуя о ссылке Михаила Зеленко по политическому делу, император не согласился назначить его на этот пост. Поэтому первым капелланом отдельного Оренбургского корпуса был определён иеромонах Россиенского доминиканского монастыря⁷ (ныне в г. Расейняй Расейнского р-на Литвы) **Августин Шолковский** (Augustyn Szczolkowski), приехавший к месту службы 8 сентября 1838 г. Впрочем, он не перенёс местного сурового климата: уже в ноябре простудился и скончался 6 декабря 1838 г. По новому ходатайству оренбургского губернатора В.А. Перовского 15 мая 1839 г. со второго раза М.Ф. Зеленко всё-таки был назначен императором на должность католического капеллана отдельного Оренбургского корпуса⁸. После официального утверждения в 1839 г. он открыл в Оренбурге первую походную католическую церковь, для чего прихожане арендовали деревянный дом у акушерки Матони⁹.

В 1844 г. оренбургский губернатор В.А. Обручев (1793—1866) возбудил ходатайство о постройке в губернском центре за государственный счёт уже постоянного каменного костёла военного ведомства. По «всеподданнейшему» докладу 16 ноября 1844 г. император Николай I утвердил проект католической церкви на Преображенской улице (ныне ул. 8-го Марта) и разрешил употребить на его сооружение по смете 6086 руб. серебром из лесного экономического капитала, находившегося в распоряжении оренбургского губернатора¹⁰. Храм был торжественно заложен 15 мая 1845 г.¹¹, а уже осенью завершена черновая постройка культового здания. Для оснащения

церкви благотворители из г. Вильно приобрели необходимую церковную утварь, которая тамошним епископом, управляющим епархией и известным в то время филантропом Яном Цывинским (1772–1846) была отправлена оренбургскому губернатору В.А. Обручеву и 1 октября передана капеллану М.Ф. Зеленко¹². В 1846–1847 гг. проведена внутренняя и внешняя отделка церкви, по окончании оренбургский священник освятил новый храм во имя Пресвятой Божьей Матери Лоретанской 20 ноября 1847 г.¹³.

Ksiądz MICHAŁ ZIELONKA.

М.Ф. Зеленко (1799–1860), капеллан отдельного Оренбургского корпуса в 1839–1860 гг., первый настоятель костёла г. Оренбурга в 1847–1860 гг.

Разумеется, М.Ф. Зеленко, организовавший католическое богослужение в Оренбурге, основавший и богато украсивший первый костёл, пользовался огромным уважением своих единоверцев. Однако он снискал себе и подлинно всенародную любовь и широкую популярность среди жителей Оренбургского края самых разных вероисповеданий неустанными трудами на ниве благотворительности.

С первых лет пребывания в губернии священник развернул активную деятельность по оказанию помощи беднякам, больным, вдовам и сиротам. По свидетельству современника, «верный самому себе, Зеленко везде старался делать людям добро, не обращая внимания на принадлежность нуждавшихся в его помощи к тому или иному исповеданию. Утром и вечером двери его скромного жилища открыты

были для каждого, кто только хотел обратиться к его помощи или заступничеству, а с утра и до вечера сновал он по городу, и в 30-ти градусный мороз и в 40-ка градусный жар, под дождём и в метель, хлопоча по чужим надобностям, являясь всюду, куда призывал его долг и человеколюбие, всюду, где мог быть полезным ближнему. Старушка мещанка А. и отставной офицер Б. заболели: об этом дали знать Зеленке, — и вот Зеленка отправляется навестить одиноких, едет от них к доктору с просьбой посетить их и к аптекарю с просьбой отпустить им лекарства даром. Умер чиновник В., оставив без куска хлеба жену и детей, вдове надо выхлопотать единовременное пособие, детей пристроить, а для этого написать, добыть и подать, куда следует, разные прошения и свидетельства, — Зеленка сам пишет прошения, сам хлопочет о получении свидетельств и едет просить, кого нужно, о помещении детей в учебные заведения на казённый счёт. Заходили к нему утром прачка Г. и повар Д., просили отыскать им место, — Зеленка заезжает в десять-двадцать домов узнать, не нужно ли кому повара не пьяницу и прачку не воровку? Умер отставной солдат Е., его и похоронить не на что, — Зеленка хоронит его на свой счёт. Явился иногородний столяр Ж., хочет поселиться в Оренбурге и работать, да нечем обзавестись, — Зеленка добывает ему денег на обзаведение и рекомендует его в двенадцати домах. В семье З. получено известие о несчастье, постигшем одного из его членов, — Зеленка немедленно отправляется к этому семейству, раз узнаёт, в чём дело, указывает средства поправить беду, утешает, ободряет. Словом сказать, он был прибежищем всем беспомощным, всем бесприютным. Выдавались дни ... и нередко, когда он делал до пятидесяти посещений и, несмотря на это, находил ещё досуг вести самую обширную в Оренбурге переписку, так как ото всюду в краю все знавшие его — а кто же его не знал? — обращались к нему в своих надобностях всякого рода, по делам всякого рода, где мог употребить он своё ходатайство»¹⁴.

За многочисленными общественными обязанностями католический священник не забывал о неукоснительном выполнении главной задачи по духовному окормлению единоверцев не только в Оренбурге, но и губернии. Ежегодно М. Зеленко проезжал на лошадях более 3 тыс. вёрст, чтобы без богослужения и религиозных обрядов не остались даже самые небольшие группы католиков, которые в середине XIX в. были рассеяны по 24 городам и крепостям Оренбургского края. По мере продвижения России на юг, в Центральную Азию зона ответственности капеллана отдельного Оренбургского корпуса значительно расширилась: в 1845 г. к ней был отнесен Западный, а в 1853 г. — Юго-Западный Казахстан, где в отдалённых гарнизонах и основанных правитель-

ством новых городах несли службу солдаты и офицеры католического вероисповедания.

«Слабый здоровьем, деятельный до изнурения сил», в последние годы жизни престарелый М.Ф. Зеленко часто болел, но, даже почувствовав недомогание, летом 1860 г. отправился в очередной объезд территории, из которого вернулся в Оренбург 31 августа совершенно разбитым и слёг с воспалением лёгких. После тяжёлой и продолжительной болезни он скончался 31 октября 1861 г. и по просьбе прихожан с разрешения оренбургского губернатора 3 ноября был похоронен в ограде основанного им собора¹⁶.

Глава римско-католических приходов России постарался быстро подыскать ему достойную замену и уже 27 января 1861 г. назначил куратом прихода Божьей Матери Лоретанской и капелланом отдельного Оренбургского корпуса пользующегося «вообще похвальными ... аттестациями» ксендза **Павла Латача** (Pawel Latacz)¹⁷. Новый администратор родился в 1824 г., был рукоположен в 1851 г.¹⁸ и до своего перевода в Оренбург служил настоятелем церкви Св. Георгия Мученика в м. Забялы Дриссенского уезда Витебской губернии (ныне Волыньцы Верхнедвинского р-на Витебской обл. Беларуси). 10 января 1862 г. новый оренбургский курат отправился в объезд подведомственной ему территории, но проделав более 2000 вёрст на лошадах, в дороге сильно простудился и по прибытии в Самару слёг в больницу с хроническим ревматизмом ног. 26 марта 1862 г. он подал прошение об отставке по состоянию здоровья, которое и было удовлетворено. По выздоровлении П. Латач был направлен на службу в Витебский костёл Св. Варвары и Св. Иосифа Обручника. Однако во время Польского восстания он попал под подозрение российских властей и в 1863 г. был сослан под строгий надзор полиции в г. Соликамск Пермской губернии, откуда освобождён на родину лишь в 1883 г. по амнистии в связи с коронацией императора Александра III¹⁹.

7 сентября 1862 г. новым куратом Оренбургской римско-католической церкви и капелланом местного корпуса был определён **Антоний Янушкевич** (Antoni Januszkiewicz)²⁰. Он родился в 1830 г., рукоположен в 1855 г.²¹ и служил в одном из приходов Свенцянского уезда Виленской губернии.

В Оренбург прибыл 18 октября 1862 г. и сразу показал себя энергичным и рачительным пастырем, приступив к наведению порядка в приходском хозяйстве. Под его руководством в 1862 г. были осуществлены ремонт костёла, починка органа и церковной утвари, впервые приобретён колокол. В 1864 г. храм заново побелили²². Наконец, ксендз Антоний Янушкевич построил за свой счёт плебанию — два флигеля для приходских священно- и церковнослужителей²³.

Однако независимо от прежних заслуг с началом Польского восстания 1863—1864 гг. все католические священники оказались под пристальным наблюдением российских властей как духовные лидеры, способные повлиять на умонастроения своих соотечественников. 20 сентября 1864 г. по приказу и. о. оренбургского генерал-губернатора, генерал-майора К.Т. Левенгофа были проведены обыски в здании местного костёла и доме настоятеля, у которого обнаружили сомнительную брошюру, написанную польским политическим эмигрантом. В результате А. Янушкевич был вынужден оставить свой пост²⁴.

Костёл г. Оренбурга. Гравюра 1865 г.

В 1865—1888 гг. настоятелем католического костёла г. Оренбурга был **Юлиан Станиславович Вивульский** (Juljan Wivulski). Он родился в 1833 г. и происходил из дворян Шавельского уезда Ковенской губернии. Рукоположен в 1856 г.²⁵, а с 1857 г. исполнял должность настоятеля кафедрального собора и католического законоучителя в г. Вильно (ныне Вильнюс, Литва). С 1861 г. служил викарием костёла Отыскания Святого Креста в м. Жирмуны Лидского уезда Виленской губернии (ныне Вороновского р-на Гродненской обл. Беларуси)²⁶. После перевода в Оренбург на протяжении 23 лет занимал должности курата местного костёла и военного капеллана, преподавал основы католической веры воспитанницам Николаевского института благородных девиц, за что был награждён наперстным крестом. Однако со временем к оренбургскому губернатору стали поступать жалобы прихожан о том, что «священник Вивульский за совершение некоторых треб, преимущественно похорон, предъявлял чрезмерные требования вознаграждения». «Его обращение с прихожанами не отличается достаточным тактом и порою бывает грубым; церковное хозяйство всецело принял на себя и,

устранив прежний порядок избрания церковного старосты, ведёт его бесконтрольно и безотчётно, отклоняя иногда предложения улучшений в обстановке церкви со стороны ревнителей». Вследствие сообщения оренбургского губернатора для разрядки возникшей напряжённости в 1888 г. глава католических приходов России решил поменять местами настоятелей костёлов г. Оренбурга Ю.С. Вивульского и г. Симбирска (ныне г. Ульяновска) В.А. Байковского.

Но и на новой кафедре священник проявил неуживчивый характер. Когда в 1891 г. в Симбирск прибыл с пастырским визитом капеллан Казанского военного округа, местный курат отказался пустить к нему в свой костёл «нижних воинских чинов для исповеди и принятия Святого Причастия». За нарушение церковной дисциплины и субординации по представлению Главного Штаба 11 октября 1891 г. министр внутренних дел предписал заключить Ю. Вивульского на 6 месяцев в Аглонский доминиканский монастырь Двинского уезда Витебской губернии (ныне Аглонского края Латвии). По отбытии срока наказания священник отправился к месту прежней службы в Симбирск, но обнаружил, что его место уже занято новым настоятелем. Только в 1898 г. католический епископат решил вернуть Ю. С. Вивульского на службу и 16 мая назначил его филиалистом Кричевской римско-католической церкви во имя Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии Чериковского уезда Могилёвской губернии (ныне Кричевского р-на Могилёвской обл. Беларуси). На этом посту он и скончался 23 февраля 1909 г.²⁷

В 1888–1893 гг. католическую общину Оренбурга возглавлял ксендз **Владислав Андреевич Байковский** (Władysław Bajkowski). Он родился в 1838 г. Рукоположен в 1864 г. Служил викарием католического прихода Св. Михаила Архангела в м. Порозов Волковысского уезда Гродненской губернии (ныне п. Порозово Свислочского р-на Гродненской обл. Беларуси). Знал и не донёс российским властям о подготовке Польского восстания 1863–1864 гг., за что в 1864 г. «по конфирмации помощника виленского генерал-губернатора» был сочтён «вредным по понятиям своим о религии» и сослан под строгий надзор полиции в Тункинскую крепость Иркутской губернии (ныне с. Тунка Тункинского р-на Бурятии)²⁸. В 1871–1887 гг. проживал в Симбирской губернии. В 1887–1888 гг. был настоятелем католического собора в Симбирске, откуда и был переведён в Оренбург. Здесь, помимо духовного окормления верующих, Владислав Байковский преподавал католическое вероучение в мужской гимназии и Николаевском институте благородных девиц. В 1893–1897 гг. он служил католическим капелланом Казанского военного округа, а в 1897–1903 гг. — Виленского военного округа (с резиденцией в Витебске).

В 1893 г. на оренбургской кафедре его сменил до 1898 г. **Феликс Адамович Чарковский** (Feliks Czarkowski). Он родился в 1835 г. Рукоположен в 1860 г.²⁹ и служил викарным священником в г. Новоград-Волынский Волынской губ. (ныне Новоград-Волынского р-на Житомирской обл. Украины). В период Польского восстания 1863–1864 гг. был заподозрен в политической неблагонадёжности. В ходе обыска у него на квартире «найжены были возмутительного содержания сочинения, и Чарковский не только объяснял разноречиво о приобретении их и не представил к оправданию своему никаких доказательств, но ещё неуместно выражался о Правительстве». За это в конце 1863 г. военно-полевым судом он был приговорён к ссылке в Сибирь с лишением всех прав состояния и конфискацией имущества. Впоследствии амнистирован³⁰. С 1889 г. по 1893 г. служил настоятелем каплицы Успения Пресвятой Девы Марии в Вологде, а с 1893 г. по 1898 г. — куратом костёла в Оренбурге, где также преподавал католическое вероучение в местных мужской и женской гимназиях и Николаевском институте благородных девиц.

Время работы Ф. Чарковского и его преемников в Оренбургском крае было отмечено значительным ростом числа верующих. До конца XIX в. основную массу местных католиков составляло польское городское население. Однако в 1880–1890-е гг. началось массовое переселение немецких колонистов из Украины и Поволжья в сельские районы Оренбургской губернии, где оставались обширные неосвоенные участки земли. Первые католические хутора в крае были основаны осенью 1892 г. у пос. Донгуз Павловской станицы немецкими семьями Венделина Бернгардта, Фридриха и Якова Ригертов, Антона Шлее, Иоганна Юнгинда. Через год рядом с ними обосновалась семья Карла Пфейферта. Со временем население этих хуторов вошло в состав современного с. Дружба Соль-Илецкого р-на Оренбургской обл. В 1893 г. у пос. Каменноозёрный (ныне Оренбургского р-на) появился хутор Фридриха Гинеля. С 1896 г. в окрестностях пос. Красноярского Павловской станицы обзавелись хуторским хозяйством семьи Генриха Шмидта, Георга и Якова Гукенгеймеров, с 1898 г. — Фридриха Матайса, а с 1901 г. — Иоганна Желлерта, Готлиба Миллера и Августа Реннерта. Их потомки в советское время объединились в рамках с. Смирновка ныне Соль-Илецкого р-на. В 1897 г. немцами католического вероисповедания был заселён хутор Бауэр вблизи станицы Городищенской (ныне Оренбургского р-на). В 1901 г. у пос. Перовского раскинулась целая сеть хуторов Ащибутак, Байтуш, Вайденбар, Грин, Еселькова, Леонтьева, Лучер, Фогель и Цибарт. Они составили основу католического немецкого населения современных сёл Ащибутак, Мещеряковка, Перовка и

посёлка Маякский Соль-Илецкого р-на. На соседствующей с Оренбургской губернией территории Тургайской области в 1904 г. было основано, а в 1910 г. перенесено к современному месту немецкое с. Фёдоровка (ныне Акбулакского р-на Оренбургской обл.), названное по имени первопоселенца Фёдора Крафта³¹. Наконец, в 1914 г. поблизости немцами было устроено ещё одно католическое с. Блюменталь (ныне Беляевского р-на).

Благодаря масштабным переселениям уже к концу XIX в. не только существенно возросло католическое население Оренбургской губернии, но и поменялось внутри него соотношение городских и сельских жителей, социальная структура и национальный состав верующих.

Таблица 1 – Динамика численности католиков в Оренбургской губернии за 1863–1895 гг.³²

Административно-территориальная единица	Численность католиков		
	1863 г.	1868 г.	1895 г.
Оренбург	348	752	1009
Илецкая Защита	—	6	1
Оренбургский уезд	0	97	1456
Орск	—	16	24
Орский уезд	—	12	12
Верхнеуральск	40	31	19
Верхнеуральский уезд	1	0	25
Троицк	78	47	34
Троицкий уезд	216	19	33
Челябинск	23	44	158
Челябинский уезд	0	179	162
Всего:	706	1207	2933

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., постоянными жителями Оренбургской губернии считались уже 2799 католиков (0,2 % населения), в т. ч. в Оренбурге – 856, Илецкой защите (Соль-Илецке) – 22, Оренбургском уезде – 902, Орске – 15 и Орском уезде – 67. При этом на долю городского населения стало приходиться менее половины верующих – 43,9 % католиков (1228 человек), а на долю сельчан – уже 56,1 % (1571 человек), то есть большинство. В качестве родного языка польский указали 57 % верующих (1595 человек), немецкий – 32,9 % (920 человек), русский – 5,6 % (158 человек), литовский и латышский – 2,1 % (59 человек), белорусский – 0,8 % (21 человек), украинский – 0,6 % (17 человек), другие славянские – 0,6 % (17 человек), романские – 0,3 % (9 человек), еврейский – 0,1 % (3 человека). При этом в городах поляки составляли 79,7 % католиков, а в сельской местности немцы – 53,9 %. Экономически самостоятельное

польское население Оренбурга занималось преимущественно военной (65,9 %), гражданской (3,8 %) и частной (3,6 %) службой³³.

При ксендзе Ф. А. Чарковском 10 сентября 1898 г. при римско-католической церкви г. Оренбурга было зарегистрировано Приходское благотворительное общество. Его учредителями выступили член Оренбургского окружного суда Александр Николаевич Вольский, окружной инженер Оренбургского горного округа Фелициан Викентьевич Стебельский, оренбургский губернский землемер Иван Антонович Брожинский и местный купец, владелец пивоваренного завода Егор Егорович Гофман. Благотворительная организация при католическом приходе г. Оренбурга оказывала помощь нуждающимся единоверцам: выдавала единовременные или ежемесячные пособия неимущим, ссуды немецким колонистам на обсеменение полей в неурожайные годы, оплачивала билеты для проезда на родину, организовывала медицинское обслуживание больных³⁴.

К сожалению, ксендз Ф.А. Чарковский, при котором было основано Общество, не увидел лично плодов его деятельности, поскольку тогда же был переведён в новый приход. В 1898–1904 гг. он был куратором церкви Обретения Честного Креста в Полтаве (ныне Полтавской обл. Украины) и законоучителем тамошних образовательных заведений.

27 октября 1898 г. новым настоятелем Оренбургского костёла был назначен **Маврикий Факундович Борздынский** (Maugusy Borzdynski), который занимал этот пост до 1902 г. Он родился в 1843 г. Учился в Могилёвской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, но ушёл с 3-го курса и был рукоположен в 1874 г. Несмотря на это, занял высокий пост курата католического костёла в г. Полтаве, где одновременно преподавал Закон Божий единоверцам в местном Институте благородных девиц. 13 июня 1884 г. переведён настоятелем прихода Покрова Пресвятой Девы Марии в м. Королишевичи Игуменского уезда Минской губернии (ныне Минского р-на и обл. Беларуси). 5 мая 1885 г. определён Минско-Наднеманским деканом и настоятелем костёла Покрова Пресвятой Девы Марии в м. Кайданов Минского уезда и губернии (ныне г. Дзержинск Минской обл. Беларуси). Однако вскоре М.Ф. Борздынский навлёк на себя неудовольствие светских властей тем, что вопреки предписаниям упорно отказывался совершать дополнительное богослужение на русском языке. Это шло вразрез с официальной государственной политикой русификации Западного края и борьбы с польским влиянием на местное белорусское население. По докладу минского губернатора заместитель министра внутренних дел 26 июня 1886 г. предложил католическому руководству перевести ослушника в другой приход для избежания

«против него мер более строгих». В результате 15 декабря 1886 г. Маврикия Борздынского переместили в Непоротовский приход Успения Пресвятой Девы Марии Витебского уезда и губернии (ныне с. Непороты Шумилинского р-на Витебской обл. Беларуси). 21 октября 1892 г. моголи́вский митрополит вернул священника на Полтавскую кафедру, откуда в 1898 г. последний и прибыл в Оренбург. Здесь, наряду с исполнением пастырских обязанностей, М.Ф. Борздынский преподавал основы католического вероучения в мужской³⁵ и женской гимназиях, реальном училище и девичьем институте императора Николая I.

26 марта 1902 г. М.Ф. Борздынский получил новое назначение на должность настоятеля Черниговской каплицы Успения Пресвятой Девы Марии, которая с 23 февраля 1901 г. оставалась вакантной. Однако священника задержала в Оренбурге тяжёлая болезнь, связанная с крайним нервным истощением, упадком сил и малокровием, которые доводили его здесь до обмороков прямо во время богослужений в церкви. По совету врачей он смог выехать из города только 1 июня и прибыл в Чернигов 3-го числа. Здесь 11 июля он получил отпуск для поправки здоровья. Однако болезнь зашла слишком далеко, и уже 20 июля 1902 г. священник скончался³⁶.

Костёл г. Оренбурга. Начало XX в.

В 1902–1906 гг. должность католического курата в Оренбурге занимал латыш **Стефан Иванович Берташус** (Stefans Bertasus). Он родился 10 сентября 1867 г. в крестьянской семье. С 1883 г. по 1886 г. учился в частной немецкой гимназии г. Паланга (ныне Клайпедского уезда Литвы). 5 октября 1887 г. в г. Либава (ныне Лиепая, Латвия) успешно сдал экзамен на звание аптекарского ученика, но затем отказался от светской карьеры в пользу религиозного служения. 1 сентября 1888 г. он поступил в Моголи́вскую римско-католическую семинарию (г. Санкт-Петербург), по окончании которой 20 февраля 1893 г. был рукоположен в священники. 29 апреля 1893 г. определён викарием прихода Св. Франциска Ассизского в Риге.

23 мая 1900 г. ему поручили собственную парафию в качестве настоятеля Сарканского костёла Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии Режецкого уезда Витебской губернии (ныне в с. Саркани Резекненского края Латвии).

С этого поста 26 марта 1902 г. он и был переведён на должность курата в г. Оренбург³⁷. С 16 августа 1902 г. С.И. Берташус преподавал римско-католическое вероучение в Оренбургской мужской гимназии по найму из платы в 50 руб. за 1 урок в неделю³⁸. Так же он был учителем Закона Божьего в местных женских гимназиях и институте императора Николая I.

С приездом энергичного пастыря в Оренбург активизировалась деятельность местной приходской благотворительной организации. 1 января 1903 г. она открыла в доме при местном костёле собственную библиотеку³⁹. Её заведующими были: с 1903 г. — младший ветеринар Оренбургской заводской конюшни с рассадником Антон Иосифович Ендриховский, с 1905 г. — ревизор 2-го участка Ташкентской железной дороги на станции Оренбург Александр Константинович Антушевич и с 1907 г. — инженер особых поручений при начальнике службы пути и зданий Ташкентской железной дороги Владислав Игнатьевич Гинальский. Непосредственно обслуживанием читателей, выдачей книг и ведением каталогов занимались библиотекари Янина Карловна Крыховская и Станислав Игнатьевич Полонский. На конец 1905 г. фонды приходской католической библиотеки г. Оренбурга насчитывали 1300 книг, 1906 г. — 1397, 1907 г. — 1524, 1908 г. — 1484, 1909 г. — 1665 томов на польском, русском, немецком и французском языках.

В настоятельство Стефана Берташуса был впервые решён вопрос об открытии в г. Оренбурге отдельного католического кладбища, о чём прихожане особо просили администрацию костёла в виду значительного увеличения числа верующих в начале XX в. По просьбе ксендза 28 апреля 1905 г. Городская Дума постановила выделить на эти цели католической общине 1108,7 кв. саженей земли (5047 м²) к востоку от военного кладбища и к северу от Нежинского тракта. Впоследствии верующие приступили здесь к систематической распланировке мест для погребения, благоустройству территории, высадке деревьев и разбивке правильных аллей, а также строительству домика для постоянного сторожа⁴⁰. Католическое кладбище г. Оренбурга располагалось в восточной части современного квартала, ограниченного Больничным проездом, улицами Аксакова, Спартаковской, Пороховой и Степана Разина. В 1966 г. на этой территории был возведён комплекс Оренбургской областной клинической больницы № 1.

В 1906 г. С.И. Берташус был переведён на должность капеллана каплицы Св. Казимира в Санкт-

Петербурге. Но уже 7 декабря 1907 г. его назначили настоятелем Лозовицкого костёла Пресвятой Троицы Климовичского уезда Могилёвской губернии (ныне в с. Лозовица Климовичского р-на Могилёвской обл. Беларуси). 5 марта 1911 г. он был возвращён в приход Св. Франциска г. Риги, но уже на должность вице-курата. Короткое время в 1929 г. он был настоятелем в приходе Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии г. Гриве, а после служил пробстом католического собора Святых Петра и Павла в г. Лауцес (Латвия), на кладбище при котором и был похоронен в 1947 г.⁴¹.

В 1906–1908 гг. администратором костёла в Оренбурге служил **Иоанн Францевич Станчук** (Jan Stanczuk). Он родился в 1865 г. 20 января 1905 г. вступил в должность первого викария Харьковского прихода Успения Пресвятой Девы Марии⁴², откуда через год и был переведён в Оренбург. Преподавал католическое вероучение в местных мужской гимназии, 1-й женской гимназии, реальном училище.

В 1908–1910 гг. настоятелем Оренбургского костёла был **Адольф Сенкевич** (Adolf Sienkiewicz). Он родился в 1877 г. Обучался с 1898 г. в Могилёвской духовной семинарии г. Санкт-Петербурга, по окончании которой в 1903 г. был рукоположен в католические священники. В 1903 г. служил викарием церкви Розария Пресвятой Девы Марии в Томске, в 1904–1905 гг. — филиалистом в с. Бороковка Мариинского уезда Томской губернии (ныне Тяжинского р-на Кемеровской обл.), а с 1905 г. — викарием в Риге⁴³. Его пребывание в Оренбуржье было отмечено дальнейшим ростом местной католической общины за счёт продолжающегося притока переселенцев.

Таблица 2 – Динамика численности католиков в Оренбургской губернии за 1900–1910 гг.⁴⁴

Административно-территориальная единица	Численность католиков		
	1900 г.	1905 г.	1910 г.
Оренбург	1502	1721	2667
Илецкая Защита	1	17	31
Оренбургский уезд	1389	1150	3495
Орск	22	27	30
Орский уезд	108	216	46
Верхнеуральск	30	24	18
Верхнеуральский уезд	90	28	34
Троицк	84	129	199
Троицкий уезд	207	1751	702
Челябинск	270	758	1864
Челябинский уезд	172	1736	1708
Всего:	3875	7557	10794

Для сохранения национального языка, культуры, религиозных традиций на отдалённой окраине Россий-

ской империи в 1909 г. Приходское благотворительное общество открыло при римско-католической церкви г. Оренбурга 2-классное училище, где под руководством выпускницы Варшавской женской гимназии Валентины Яворской занимались 24 подростка⁴⁵.

В 1911 г. настоятель местного прихода А. Сенкевич был переведён из Оренбурга на должность курата костёла Святых Апостолов Петра и Павла в г. Шклов (ныне Шкловского р-на Могилёвской обл. Беларуси), а с 1916 г. занимал должность администратора церкви Св. Иоанна Непомуцкого в г. Ямбурге (ныне Кингисепп Ленинградской обл.)⁴⁶.

В 1910–1912 гг. католическую общину Оренбуржья возглавлял ксендз **Иоанн Георгиевич Булло** (Jan Bullo). Он родился в 1864 г. в д. Тельшаны Шавельского уезда Ковенской губернии. Окончил Могилёвскую духовную семинарию в Санкт-Петербурге. В 1887 г. рукоположен в священники. С 1893 г. до 1902 г. был администратором костёла Святого Духа в м. Улла Лепельского уезда Витебской губернии (ныне Бешенковичского р-на Витебской обл. Беларуси)⁴⁷. С 1904 по 1909 гг. служил куратом Омского костёла и параллельно преподавал католическое вероучение в мужской гимназии и 1-й женской гимназии почётных граждан Поповых, а также в 2-классном мужском училище на железнодорожной ст. Омск⁴⁸. В Оренбурге также был законоучителем римско-католического исповедания в местных мужской гимназии и реальном училище. 14 июля 1913 г. назначен настоятелем католического прихода в г. Тобольске, с 1 августа 1913 г. по 1916 г. преподавал Закон Божий в местной мужской гимназии. Со своими прихожанами прошёл через испытания Первой мировой войны, отпевал российских солдат, скончавшихся от ран в тыловых лазаретах, а также пленных, умерших в Тобольском остроге⁴⁹. В 1920 г. уехал в г. Борисов (ныне Минской обл. Беларуси), где стал настоятелем католического костёла Рождества Непорочной Девы Марии. Однако уже 18 июля 1922 г. он был арестован, обвинён в сотрудничестве с польской разведкой и 31 октября 1922 г. необоснованно приговорён за организацию повстанческой антисоветской организации и шпионаж по ч. 1 ст. 66 и ст. 66-10 УК БССР к 5 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. После освобождения в 1927 г. эмигрировал в США.

В 1905–1912 гг. на территории современной Оренбургской области был построен второй католический храм, который административно относился к Самарскому приходу. 24 июня 1905 г. его настоятель Игнатий Иосифович Лапшис (1871–?) сообщил Могилёвскому митрополиту, что проживающие более 20 лет в г. Бузулуке Самарской губернии верующие в количестве свыше 100 человек просят разрешить постройку каменной часовни на своём католическом клад-

бище. Из 2 тыс. руб., необходимых для строительства по смете, половину пожертвовал благотворитель Карл Гриневиц (?–1910), а остальную сумму вызвались собрать прихожане Самарской парамии. 21 июля 1905 г. глава римско-католических приходов России дал согласие на это начинание⁵⁰. Уже 23 августа священник И.И. Лапшиц представил в Строительное отделение Самарского губернского правления архитектурный проект будущей часовни, который по рассмотрению был утверждён протоколом от 3 сентября 1905 г. № 409. Однако постройка затянулась и была окончена только в 1912 г. По рапорту самарского курата 11 сентября 1912 г. Могилёвский митрополит разрешил И.И. Лапшицу во время пастырского посещения г. Бузулука 1 октября освятить новую каплицу во имя Пресвятой Девы Марии⁵¹.

В 1912–1917 гг. администратором Оренбургского костёла был литовец **Иосиф Иосифович Ундерис** (Juozas Underis). Он родился в 1875 г. Рукоположен в 1898 г. В 1900–1902 гг. был викарием прихода Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Омске, в 1903–1905 гг. — вице-куратором церкви Промысла Божия в Тобольске, в 1905–1907 гг. — первым настоятелем костёла Св. Иосифа Обучника в Тюмени, а в 1907–1912 г. — куратором прихода Воздвижения Честного Креста в Симбирске (ныне Ульяновске)⁵².

На годы службы отца Иосифа Ундериса в Оренбурге пришлись тяжёлые испытания Первой мировой войны. В это время удалённый от западной границы тыловой край принял огромные массы беженцев, особенно после оккупации германскими войсками в 1915 г. Польши, Литвы, Западных Белоруссии и Украины с преимущественно католическим населением. Для обустройства единоверцев на новом месте, обеспечения их жильём, питанием, одеждой, медицинским обслуживанием, работой в том же 1915 г. Приходское благотворительное общество при римско-католической церкви г. Оренбурга образовало специальный Комитет помощи польским беженцам. На средства местной общины к зиме был спешно построен целый посёлок для перемещённых лиц со всем необходимым: 9 жилых барачков, кухня с производительностью 1500 обедов в день, бани, прачечные, больница на 60 кроватей. В нояб-

ре 1915 г. католическое благотворительное объединение организовало в здании наследников Е.Е. Гофмана на Неплюевской ул. (ныне Ленинской) Дом трудолюбия с прачечной, столярной, сапожной и другими мастерскими, чтобы дать беженцам возможность самостоятельного заработка⁵³. Для духовного окормления и утешения пострадавших от войны на территории беженского посёлка 15 ноября 1915 г. открылось специально возведённое здание школы-костёла, где служил командированный многократной возросшей местной пастве священник **Болеслав Янович** (Boleslaw Janowicz) (1869–07.01.1949). После его перевода в Воронеж на помощь настоятелю Оренбургского костёла для религиозного обслуживания беженцев в 1916 г. были направлены католические священнослужители **Августин Адамович** (Augustin Adamowisz) и **Иоанн Брейво** (Joannes Brejwo)⁵⁴.

Таким образом, значительное количество католиков впервые появилось на территории Оренбургского края в конце XVIII столетия в связи со ссылкой на отдалённую окраину страны участников польского национально-освободительного движения. С вхождением Польши в состав Российской империи временное католическое население региона существенно увеличилось за счёт новых подданных польской национальности, проходивших здесь военную службу. Для удовлетворения их религиозных нужд в 1837 г. была учреждена штатная должность католического военного капеллана в отдельном Оренбургском корпусе, а в 1847 г. открыт костёл в губернском центре. До конца XIX в. основную массу местных католиков составляло польское городское население из числа военнослужащих, чиновников и ссыльных. Но в 1880–1890-е гг. началось массовое переселение немецких колонистов католического вероисповедания из Украины и Поволжья в сельские районы Оренбургской губернии, что привело к изменениям социальной структуры и национального состава местной общины. Для решения проблем возросшего католического населения в 1898 г. было организовано приходское благотворительное общество, в 1903 г. — библиотека, в 1909 г. — начальное училище, а в 1915 г. — Дом трудолюбия.

Примечания:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 9837в. Л. 202; Оп. 5. Д. 10732. Л. 36.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10672. Л. 4.
3. Адрес-календарь Российской империи на 1827 г. — СПб., 1827. — С. 636.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12636/1. Л. 5–10 об.; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 3об.—4.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10732. Л. 1–6 об.
6. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 44.
7. Kosciol rzymsko-katolicki w Orenburgu // Tygodnik Ilustrowany. — Tom XI. — 1865. — 8 kwietnia. — № 289. — S. 128.

8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10732. Л. 61–79.
9. Модестов Н.Н. Бывший префект гродненской гимназии, иеромонах доминиканского ордена Кандид Зеленко в Оренбурге: ист. очерк // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. XXVIII. — Оренбург: Тип. Тургайск. Обл. Прав., 1913. — С. 37.
10. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 48–48 об.
11. Kościół rzymsko-katolicki w Orenburgu // Tygodnik Ilustrowany. — Tom XI. — 1865. — 8 kwietnia. — № 289. — S. 128.
12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12030. Л. 8, 11.
13. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 100.
14. Статья Григорьева о Зеленко // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. XXVIII. — Оренбург: Тип. Тургайск. Обл. Прав., 1913. — С. 77.
15. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 40–40 об.
16. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14014. Л. 1–2 об.
17. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 207–207 об.
18. Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie i prawoslawne w Rosji 1832–1914. — Wilno, 1934. — S. 24.
19. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 362. Л. 1–16 об.
20. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 206–207 об., 268.
21. Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie i prawoslawne w Rosji 1832–1914. — Wilno, 1934. — S. 24.
22. Kościół rzymsko-katolicki w Orenburgu // Tygodnik Ilustrowany. — Tom XI. — 1865. — 8 kwietnia. — № 289. — S. 129.
23. ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 171–174 об.
24. РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 70. Л. 295–302 об.
25. Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie i prawoslawne w Rosji 1832–1914. — Wilno, 1934. — S. 24.
26. Historia kościoła parafilnego w Zyrmunach // Pawet [Электронный ресурс]. URL: http://pawet.net/library/history/city_district/religion/zyrmuny/Historia_kosciola_parafilnego_w_Zyrmunach.html (дата обращения: 13.07.2013).
27. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1103г. Л. 14–30.
28. Kubicki P. Bojownicy kapłani za sprawe Kościoła i Ojczyzny w latach 1861–1915. Cz. 2, t. 2. — Sandomierz, 1936. — S. 21–23.
29. Nowak E. Duszpasterstwo wojskowe katolickie i prawoslawne w Rosji 1832–1914. — Wilno, 1934. — S. 27–28.
30. РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 122. Л. 1–1 об.
31. Фёдорова А.В. Немецкие колонии на земле войска Оренбургского // Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. — Оренбург: Димур, 1998. — С. 26–35.
32. О числе жителей Оренбургской губ. по вероисповеданиям за 1863 г. // Памятная книжка Оренбургской губ. за 1865 г. — Оренбург: В Оренбургской Губ. Тип., 1865. — Б. п.; Распределение жителей городов и уездов губернии по вероисповеданиям. 1868 г. // Справочная книжка Оренбургской губ. на 1870 г. — Оренбург: Губ. Тип., 1870. — С. 11; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губ. по вероисповеданиям за 1895 г. / Обзор Оренбургской губ. за 1895 г. — Оренбург: Типо-Лит. Губ. Правления, 1896. — Б. п.
33. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. — СПб.: Издание ЦСК МВД, 1904. — С. 54, 59, 63, 132.
34. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 157; Отчёт Правления Приходского Благотворительного Общества при Римско-Католическом Костёле в г. Оренбурге за 1906 г. — Оренбург, 1907; Отчёт Правления Приходского Благотворительного Общества при Римско-Католическом Костёле в г. Оренбурге за 1907 г. — Оренбург: Типо-лит. Дворжец, 1908; Отчёт Правления Благотворительного Общества при Римско-Католической Церкви в г. Оренбурге за 1909 г. — Оренбург: Скоропечатня З. Озерьер, 1910; Отчёт Правления Приходского Благотворительного Общества при Римско-Католическом Костёле в г. Оренбурге за 1911 г. — Оренбург, 1912.
35. ГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 329. Л. 1–1 об.
36. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1103в. Л. 1–51.
37. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1435. Л. 1–31.
38. ГАОО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 112. Л. 10 об. — 11.
39. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 157. Л. 19–43, 60–60 об.
40. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 812. Л. 1–9об.
41. Католический костел в Лауцесе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.visitdaugavpils.lv/rus/index.php?p=3&id=41> (дата обращения: 22.09.2013).
42. История Харьковского прихода Успения Приснодевы Марии [Электронный ресурс]. URL: <http://>

slovosnami.narod.ru/history1906_1914.htm (дата обращения: 22.09.2013).

43. Majdowski A. Kosciol katolicki w Cesarstwie rosyjskim: Syberia, Daleki Wschod, Azja Srodkowa. — Warszawa: Neriton, 2001. — S. 112.

44. Ведомость о распределении жителей Оренбургской губ. по вероисповеданиям за 1900 г. // Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губ. на 1902 г. — Оренбург: Губ. Типо-лит., 1901. — Б. п.; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губ. по вероисповеданиям за 1905 г. // Статистический обзор Оренбургской губ. за 1905 г. — Оренбург: Тип. Губ. Прав., 1906. — Б. п.; Ведомость о распределении жителей Оренбургской губ. по вероисповеданиям за 1910 г. // Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губ. на 1912 г. — Оренбург: Губ. Тип., 1912. — Б. п.

45. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 157. Л. 102 об. — 103, 143–148.

46. Directorium Divini Officii et Missarum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in Annum Domini 1901. — Vilnae: Typis Jozeph Zawadzski, 1900. — С. 179; Directorium Divini Officii et Missarum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in Annum Domini bissextilem 1912. — СПб.: С.-Петербург. Губ. Тип., 1911. — С. 76; Directorium Divini Officii et Misasraum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in Annum Domini 1917. — СПб.: Druk. «Tow. Akc. Sztuki Drukarskiej w Piotrogradzie», 1916. — С. 73.

47. Маракоў Л. Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі, 1917–1964. — Мінск: Смэлтак, 2009. — С. 69.

48. Островский Л.К. Польская школа в Западной Сибири (1890–1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2012. — № 3. — С. 24.

49. Титова Т. Тобольские пастыри // Сибирская католическая газета. — 2010. — 2 июня.

50. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1590. Л. 1–2.

51. РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 2054. Л. 1–5.

52. Directorium Divini Officii et Missarum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in Annum Domini 1901. — Vilnae: Typis Jozeph Zawadzski, 1900. — С. 253; Directorium Divini Officii et Missarum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in Annum Domini bissextilem 1912. — СПб.: С.-Петербург. Губ. Тип., 1911. — С. 159.

53. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 157. Л. 150–152.

54. Directorium Divini Officii et Misasraum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in Annum Domini 1917. — СПб.: Druk. «Tow. Akc. Sztuki Drukarskiej w Piotrogradzie», 1916. — С. 188, 210.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

Лариса Хопёрская

НЕТИТУЛЬНАЯ
СУДЬБА

РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**ХОПЁРСКАЯ Л.
НЕТИТУЛЬНАЯ СУДЬБА: РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

М.: Московское бюро по правам человека, «Academia» - 2013. — 312с.

Монография посвящена положению российских соотечественников в постсоветской Центральной Азии и содержит анализ и прогнозы состояния межэтнических отношений.

В.В. Дубовицкий*

ПРОЦЕСС СМЕНЫ ВЛАСТИ В БУХАРСКОМ ХАНСТВЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА В ДОКУМЕНТЕ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АГЕНТСТВА В БУХАРЕ

Личные архивы корифея русского и советского востоковедения и этнографии — Михаила Степановича Андреева, хранящиеся ныне в архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша и Центральном архиве АН Республики Таджикистан, содержат ценнейшие источники по истории Средней Азии и Среднего Востока периода средневековья, нового и новейшего времени. Несмотря на то, что фонды этого архива долгое время были доступны таджикским историкам, многие из документов до настоящего времени не введены в научный оборот, не получили должной источниковедческой оценки.

К этой категории архивных источников, в частности, относятся несколько служебных аналитических записок, принадлежащих перу как самого М.С. Андреева, так и другим лицам, находившимся в регионе в конце XIX — начале XX веков. Речь идет об «Отчете о поездке в г. Бухару в ноябре месяце 1885 года Генерального Штаба капитана Карцова, по случаю происшествия в Ханстве перемены правления (от 28 ноября 1885г.)», находящегося в архиве М.С. Андреева¹.

Необходимо сразу оговориться, что названный документ был создан лицом, занимавшим в то время видный пост в колониальной русской администрации, в качестве служебных документов для нужд руководства Туркестанского генерал-губернаторства и может быть отнесен, в источниковедческом смысле, к *внутренним донесениям дипломатических делопроизводственных документов*.

Сведений о личности автора «Отчета», штабс-капитане Карцове, в отечественной историографии отсутствуют: судя по всему, данный служебный документ явился единственным сохранившимся источником такого рода, из принадлежавших этому офицеру. Из текста источника можно лишь заключить, что его автор, на момент написания «Отчета», являлся сотрудником администрации Туркестанского генерал-губернаторства, где выполнял специальные поручения его руководства и «был командирован в

г. Чарджуй (Чарджоу) для содействия изысканиям железнодорожного пути от последнего из этих пунктов до г. Самарканда»². Однако из документа не следует, что Карцов непосредственно занимался техническими вопросами строительства, так как «изыскания должны были быть произведены техником Н.А. Тихоновым, с которым я должен был съехаться в г. Чарджуе», а занимался вопросами, «касавшимися направления будущей железной дороги и выбора некоторых важных в военном и политическом отношении пунктов для железнодорожных станций»³.

Автор «Отчета» указывает, что помимо этих задач, генерал-губернатор «генерал-адъютант Розенбах дал мне следующие словесные приказания: «Ввиду полученных сведений о болезненном состоянии, в котором находится бухарский эмир, по возвращении своем в столицу из г. Каршей, на моей обязанности лежит убедиться в справедливости этих слухов для чего я должен проездом через Бухару явиться к эмиру и о выясненном из свидания с ним впечатлении донести Его Высочайшему по телеграфу, сверх того, по проезде через г. Кермене побывать у тамошнего бека, Абдул-Ахад-Хана (Абдулахадхана - В. Д.), утвержденного нашим правительством приемником эмира, Сеид-Музафара»⁴.

Таким образом, «Отчет» является *первичным документом дипломатического делопроизводства*. Несмотря на то, что автор его — капитан Генерального Штаба русской армии, он выполнял чисто дипломатическое поручение администрации Туркестанского генерал-губернаторства, связанного с восшествием на престол в октябре 1885г. эмира Бухары Абдуллахада. Этим объясняется полное отсутствие в его докладе информации военного характера. Кроме того, судя по упоминанию о встрече капитана с эмиром Бухары в Карши в 1884 г., поручения дипломатического характера выполнялись Карцовым неоднократно.⁵

Сведений об отдельной публикации этого источника не имеется. Помимо этого исследуемый экзем-

* Дубовицкий Виктор Васильевич — доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН Республики Таджикистан (г. Душанбе).

пляр «Отчета» приобретает ценность самостоятельного источника, благодаря включению в его текст комментариев М.С. Андреева, касающихся догматического смысла первой пятничной молитвы в церемониале восшествия на престол эмира Бухары⁶.

Информационные возможности данного источника очень высоки, так как он составлен непосредственным участником этих событий, выступавшего не просто в качестве очевидца смены власти в ханстве, а ответственного лица русской администрации Туркестанского генерал-губернаторства, на которое были возложены задачи по обеспечению мирного характера её передачи.

Большая часть информации, содержащейся в «Отчете», носит конфиденциальный характер, и была получена путем оперативной работы от неизвестных, симпатизирующих России чиновников ханской администрации, а также от агентурной сети Российского Политического Агентства в Бухаре. Среди своих информаторов капитан Карцов называет лишь одно имя своего информатора, а именно - «эмирского переводчика Джалолиддина Таксоба».⁷ Помимо него, он указывает, что сведения о событиях в ханстве в момент его повторного пребывания в столице эмират, начиная с 5 ноября 1885 г. получены «благодаря рассказам... проживающих в Бухаре русских торговцев и приставленной ко мне местной прислуги».⁸ Более того, Карцов указывает, что «от официального мира я оказался совершенно изолированным, потому что никто из служащих по принятым обычаям не имел права самовольно посетить здесь русского гостя. Эмир же никого ко мне не присылал для справок о здоровье, как это ежедневно совершалось в виде любезности при покойном (эмире)».⁹ Эти факты указывают, что сбор информации во время пребывания в ханстве для Карцова составлял значительную проблему.

На наш взгляд, особый интерес в документе представляет не описание событий в стране за более чем двухнедельное (с 5 по 27 ноября 1885г.) пребывание капитана Карцова в Бухарском ханстве, а изложение инструкций русских властей к эмиру Бухары, а также процесс воздействия на эмира и его приемников, и правящую элиту с целью их принятия и выполнения. Эта часть документа даёт представление об уровне и характере отношений России и Бухары в этот период, что во многом проясняет спорный вопрос протекционной зависимости этой среднеазиатской страны от Российской империи.

В частности, капитан Карцов сообщает, что:

«...мне было приказано подтвердить от имени генерал-губернатора, что ввиду слухов о тревоге, произведенной болезнью Эмира в населении, воля Государя Императора, относительно наследственности Бухарского ханства остается неизменной и что, в слу-

чае надобности, собеседник мой (т.е. Абдулахадхан – В.Д.) может обратиться к Главному Начальнику Туркестанского края с просьбой о вооруженной помощи; то же самое, но в других лицах я должен передать при свидании самому Эмиру»... В случае, если Сеид-Музаффар умрет в бытность мою в пределах Бухарского ханства, немедленно спешить к его законному наследнику, явиться как временно уполномоченному от нашего Правительства и в видах упрочения его власти передать следующие советы Генерал-губернатора:

1) Выдать в зачет жалования, хотя бы незначительную сумму частям войск в г. Бухаре расположенным;

2) Учредить какой-либо вакуф (вакф – В. Д.) из казенных имуществ в пользу духовенства;

3) Уничтожить крайне тягостный и ненавистный всем сословиям налог с базарных весов;

4) Оказать милосердие семейству покойного эмира, т. е. сыновьям, бекствующим в разных провинциях и сверх того, хотя бы на первое время, оставить на местах служивших при нем сановников, причем мне было указано обратить особое внимание на Куш-Беги, сына его Мухамед-Шарифа Парваначия и Астанакула Диванбеги – бека Шахрисябского. В заключении Генерал-Адъютант Розенбах приказал мне сообщить, при надобности новому эмиру, что анархии, в Бухарском ханстве он ни в коем случае не допустит и для воспрепятствования её возникновению употребит вооруженную силу»¹⁰.

Данная инструкция указывает на хорошую информированность русских властей о положении дел в ханстве, равно как и на настроения в элите. Помимо этого руководству Генерал-губернаторства были хорошо знакомы традиции передачи верховной власти в ханстве (как и других восточных деспотиях), что позволяло предположить репрессии против служилого чиновничества прежнего эмира. Рекомендации по сохранению на должности Шахрисябского бека Астанакула Диванбеги, указывают на обеспокоенность сепаратистскими настроениями в этом бекстве, не раз выливавшемся в восстания против центральной, бухарской власти. Последний раз такое восстание произошло в 1868-1870 гг. и потребовало вмешательства русских войск. Вместе с этим нужно отметить, что предупреждение Генерал-губернатора о возможности применения вооруженной силы в поддержке наследника престола, указывают на большую политическую зависимость Бухары от Российской Империи.

Первая часть словесной инструкции была передана эмиру капитаном Карцовым, во время встречи с ним в Бухаре 9 сентября 1885г., после чего он вернулся к запланированным работам по прокладке железнодорожного пути. Однако 1 ноября 1885 г. Карцов

получил сообщение о смерти эмира Музаффера и приказ временно исполняющего обязанности Генерал-губернатора края, генерала Гродекова «следовать немедленно в Бухару в распоряжение нового эмира, Абдул-Ахад-Хана, для целей исполнения словесных инструкций Генерал-губернатора Розенбаха от 30-го августа»¹¹.

Помимо этого, посланцу Генерал-губернатора края «предписывалось подействовать на новое правительство в смысле полного уничтожения существующих до сего времени в Бухаре способов заключения в ямах; разведать о настроении по отношению к новому эмиру войск, духовенства и обывателей». При этом в инструкции Карцову надлежало: «при всех своих сношениях с бухарским правительством не дать ему думать, что с нашей стороны существует намерение вмешиваться во внутренние дела управления ханством. Командировка моя, перед бухарскими властями, была выражена следующими словами, переданными по телеграфу Куш-Беги и сообщенными мне для сведения: «командирован в распоряжение Эмира, на случай необходимости ускоренных сношений с нашими властями в Туркестане». Конечным сроком моего пребывания в Бухаре должно было послужить время прибытия сюда поздравительного от имени Туркестанского Генерал-губернатора посольства».¹²

На опасения русских властей относительно внутренних беспорядков при перемене власти указывают многие части справки капитана Карцова. Следуя по дороге от Самарканда в Бухару, Карцов особое внимание обращает на настроение жителей западной части ханства, характеризуя его как «спокойное», отметив лишь, что «небольшая паника среди служащего люда, впрочем, случилась в Зиаутдине, по получении известия о смерти Эмира. Местный бек поспешил спрятать все свое имущество, но когда увидел, что народ принял новость спокойно, немедленно принял обычный порядок». Он далее указывает также, что «влияние произошедшей в Бухаре перемены правления выразилось только в преувеличенных и неверных слухах, которые ходили в народе о мероприятиях нового Эмира относительно своих братьев и состоявших при покойном Сеид-Музаффару ближайших сановников. Слухи эти, основанные на давнишних жестоких обычаях, сводились к тому, будто бы Абдул-Ахад-Хан заключил всех своих наличных в Бухаре братьев в темницу, арестовал сановников и имеет намерение их казнить».¹³ Подобные слухи имели под собой основу, и были связаны с попыткой дворцового переворота в Бухаре: один из зятей покойного эмира побуждал сына Куш - Беги Мухаммеда Шарифа Парваначи передать власть другому из сыновей эмира — Сеид-Хаким-Хану, находившемуся в Бухаре. Попытка была пресечена Куш — Беги и верными ему сановниками превентивным аре-

стом всех взрослых сыновей эмира, находившихся в Бухаре, а также пяти малолетних детей и содержанием их под стражей во дворце.¹⁴

На правомерность опасения, как русских, так и бухарских властей, за спокойствие в стране в момент передачи власти указывают также следующие факты из справки. Поскольку прибытие наследника престола, находящегося в Кермине, ожидалось в столице не раньше полудня 1 ноября, «до этого времени предостояла крайне тяжелая и трудная обязанность поддержания спокойствия в городе, где не забыт был еще древний обычай пользоваться в таких случаях днями отсутствия власти для грабежа достаточных людей неимущими классами населения. Несмотря на все старания, смерть Сеид-Музаффера не удалось долго утаить от населения и тотчас же появились попытки к анархии со стороны голытьбы... Между тем на площади перед крепостью все более и более скапливалось неблагонадежного народу, и Бог знает, чем бы это все кончилось, если бы заранее Куш - Беги не распорядился послать за войсками, которые в этот час, по обыкновению, были заняты учениями. С появлением сарбазов толпа рассеялась, войска заняли все городские площади, полиция учредила усиленные караулы по улицам и благодаря этим мерам порядок нигде не был нарушен до приезда нового эмира.

Тревожная минута длилась до самого въезда в город Абдул-Ахад-Хана и выразилась в полном прекращении торговли, внезапном повышении цен на хлеб и другие жизненные продукты, но причиной всего этого была тревога каждого лично за свою целостность и опасение нападения со стороны соседа, наступательных замыслов не было ни у кого».¹⁵

Всего характеристика событий, связанных с передачей власти, занимает у Карцова шесть с половиной страниц текста его справки (стр. 7-13).

Как известно из справки, во время встречи в Кермине с Абдулахад-ханом, бывшим тогда еще наследником, Карцов, подтвердив готовность русских властей о законном престолонаследии принца, не довел до него вторую часть инструкции Розенбаха. Занявший трон наследник начал проводить собственные замыслы в управлении государством. «Первым мероприятием нового эмира было увольнение от службы (конечно, без пенсии) всех негодных по старости и увечьям сарбазов. Таковых из 2-х тысячного бухарского гарнизона оказалось свыше 500 человек. Затем последовал разбор арестантских дел». По данным Карцова в тюрьме Бухары (зиндане) к этому моменту содержалось свыше 300 человек. В результате ускоренного судебного разбирательства часть заключенных была отпущена из-за недоказанности их вины, виновные в легких проступках наказаны палками и 15 человек казнено на площади «через

резание горла». К моменту приезда Карцова в столицу ханства в зиндане оставалось не более 40 арестованных.

Во время первой встречи с новым эмиром, 6 ноября 1885 г. Карцов обратил внимание, что «при въезде во дворец, в противность дотоле существовавшему обычаю, полное отсутствие представителей военной силы, затем вся прочая обстановка ни в чем не отлична от приемов покойного отца Эмира». ¹⁶ Во время первой встречи Абдулахадхан, поблагодарив за поздравления с восшествием на престол, высказал мнение, «что спокойствием, которое сопровождало благополучно совершившееся событие, он обязан, после милости Бога, милости Государя Императора, и нравственной поддержке, которое ему оказало Туркестанское начальство. В заключении он просил меня протелеграфировать и.д. Генерал-губернатора и Начальника Зеравшанского округа о полной тишине и порядке, который я застал при проезде через его владения». ¹⁷

Надо отметить, что Карцов во время первого визита к эмиру тактично умолчал о содержании имевшейся у него словесной инструкции, «так как не почел удобным настаивать до более точного и близкого знакомства с политической обстановкой и самостоятельными намерениями нового правителя, тем более, что он казался очень утомленным, сильно похудел и побледнел с того времени, когда два месяца тому назад, я его видел в Кермине». ¹⁸

Касаясь упоминания Карцовым выезда нового эмира на первую после занятия трона пятничную молитву, М. С. Андреев дает этому событию свой комментарий в сноске, где указывает, что «первому прочтению хутбы на имя нового эмира в соборной мечети Бухары придавалось большое значение. Это значило официальное признание Ахад-Хана эмиром, узаконение его вступления на престол, и с мусульманской точки зрения, актом, соответствующим обряду восшествия на престол». Здесь же он упоминает и «производимое отдельно поднятие вновь избранного эмира на трон на войлоке... ведущее свое происхождение из периода, предшествовавшего появлению в Средней Азии ислама» ¹⁹. Последняя из описанных Андреевым церемоний (поднятие нового правителя на белом войлоке) широко распространена только среди кочевых народов тюркского и монгольского происхождения с древности, и в данном конкретном случае объясняется мангитским происхождением Абдулахадхана.

Из справки Карцова становится понятным, что, несмотря на политическую зависимость Бухарского ханства от России, администрация Туркестанского края проявляла большую осторожность в ведении дел с этим государством, пытаясь всячески сохранить видимость его независимости. Так, Карцову было

предписано «не приступать к передаче инструкции не иначе как без предварительных конфиденциальных переговоров с кем-либо из приближенных Эмира, дабы даваемые ему советы не имели вида вмешательства во внутренние дела ханства. При этом мне давалась полная свобода в выборе доверенного лица, но воспрещалось самовольно требовать аудиенции у Эмира». ²⁰ Таким доверенным лицом Карцов избирает уже знакомого ему эмирского переводчика Джаллолидина Таксоба, однако не имея еще четких инструкций из Ташкента, ограничивается на первой встрече беседой о проекте тюремной реформы, выдавая это за свои собственные взгляды. При этом Карцов высказал свое мнение о «человеколюбии» нового эмира, которое, по его мнению «выражается в желании Его Высочество дать вообще более согласное с нравами европейского государства направление управлению ханством; поэтому я беру на себя смелость заверить, что получение известия о полном уничтожении в Бухаре варварских наказаний глубоко порадуют Государя императора и высоко подымет имя Абдул-Ахад-Хана в глазах всего русского общества». Как сообщает Карцов, эта идея была принята новым эмиром «и он высказал намерение привести её в исполнение в недалеком будущем» ²¹. В справке отмечено, что вплоть до отъезда Карцова из Бухары засыпка зиндана так и не была произведена. На достаточную самостоятельность нового эмира в отношениях с Россией указывает факт его неприятия рекомендаций по отмене налога на весы, учреждения вакфа в пользу духовенства. ²²

Карцов указывает, что наибольшее опасение у нового эмира вызывала позиция его старшего брата Абдул-Ахад — бека Гисарского, уже долгое время возглавляющего одноименное бекство в Восточной (Горной) Бухаре: «По праву первородства он мог претендовать на престол, отдаленность его территории от центра управления ханством и близость враждебного Бухаре Афганистана могли дать ему надежду на безнаказанность в случае неуспеха бунта, а значительные денежные средства давали возможность собрать боевую силу». ²³ Весьма характерно, что новый эмир, призывая старшего брата к покорности, запугивал его вмешательством России и убеждал «не начинать никаких смут, ибо таковые немедленно вызовут приход русских войск в Бухарское ханство, и порядок будет уничтожен», что приведет Абдул-Ахад — бека Гисарского к потере нынешней должности.

На распространенность отношения к России как к сюзерену явно указывают приводимые Карцовым слухи среди населения Бухары о якобы уже начавшемся восстании и о том, что «жители, как Каратегина, так и Гиссара, потребовали, чтобы Гиссарский бек во главе горных бекств отложился от остального ханства, в противном случае они будут просить под-

данства России»²⁴. Однако исследователи российско-бухарских отношений в конце XIX — начале XX указывают на явное несоответствие подобных угроз наследника престола действительности.

Таким образом, документ, подготовленный штабс-капитаном Карцовым, позволяет сделать вывод, что Российская империя безоговорочно признавалась

Бухарой в качестве политического сюзерена. Однако со стороны России в этот период не отмечается грубого давления на элиты ханства: Петербург, через администрацию Туркестанского Генерал-губернаторства, пытался провести некоторые «косметические» реформы, несовместимые с образом зависимого от Европейской державы государства.

Примечания:

¹ Отчет о поездке в г. Бухару в ноябре месяце 1885 года Генерального Штаба капитана Карцова, по случаю происшествия в Ханстве перемены правления (от 28 ноября 1885 г.) // Архив М.С. Андреева, Д. 115, (по сдаточной описи дел от 1989 г.) «Выписки разных работ М.С. Андреева по Бухаре. Переписка А.К. Писарчик с О. Д. Чехович и некоторые документы по оформлению работ».

На последней странице отпечатанного на пишущей машинке текста, указано, что он является копией из Центрального исторического архива Узбекской ССР, фонда Российского Императорского Политического Агентства в Бухаре, Д. 2, Л. 8-25. Согласно рукописной пометке на первой странице, копия сделана 9 сентября 1940 г.

² Отчет о поездке... Л.1.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 1-2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 2-3.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 10-11.

¹⁶ Там же. Л. 14.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 15.

²⁰ Там же. Л. 16.

²¹ Там же. С. 17.

²² Там же. С. 25.

²³ Там же. С. 19.

²⁴ Там же. С. 20.

В.Р. Филиппов, Е.И. Филиппова*

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГВАДЕЛУПЫ

Предыстория

Колумб открыл не только Америку.. Во время своей второй экспедиции (1493–1496) великий мореплаватель нанес на карту Малые Антильские острова, в том числе самый крупный из них, на берег которого он ступил 3 ноября 1493 года. Колумб назвал остров Санта-Мария-де-Гваделупа-д'Эстремадура, тем самым исполнив обещание, данное испанским монахам: назвать новую землю в честь их покровительницы святой Марии Гвадалупской. Со временем остров стали именовать сокращенно – Гваделупа. Тордесильяский договор 7 июня 1494 года о разделе сфер влияния между Испанией и Португалией утвердил испанское владычество над островом, однако испанцы так и не смогли превратить его в колонию, встретив ожесточенное сопротивление индейцев, которых они называли «дикарями» или «каннибалами». Вплоть до конца XVI века Гваделупа оставалась лишь перевалочным пунктом, где испанские мореплаватели пополняли запасы пресной воды и продовольствия, а в 1604 году они и вовсе отказались от острова.

Археологи утверждают, что индейцы начали расселяться на островах Антильской дуги с пятого тысячелетия до нашей эры: первая волна миграции шла из бассейна Ориноко в направлении Пуэрто-Рико и Кубы; в первом тысячелетии до н.э. началась миграция араваков, а примерно с восьмого века н.э. – миграция карибов (Clerc, 1988). Именно их застал Колумб на Малых Антильских островах, тогда как более миролюбивые араваки были к тому времени оттеснены на северные острова Карибского моря: Кубу, Пуэрто-Рико и Эспаньолу (нынешний о-в Гаити). Карибы называли открытый Колумбом остров Карукера (Остров прекрасных вод). Сейчас это название забыто. Давно исчезли и сами индейцы, хотя и сегодня среди «цветного» населения считается престижным возводить свою родословную к бесстрашным воинам – карибам. Впрочем, проверить истинность такого родства не представляется возможным, поскольку никаких документальных подтверждений (вроде свидетельств о рождении) не существует.

Подлинная история формирования нынешнего населения Гваделупы начинается с французской колонизации. Она определяется тремя составляющими: демографической (череда миграционных волн и естественное движение населения), социальной (формирование специфической социальной иерархии более или менее эндогамных групп населения) и символической (формирование и смена идентичности населения). Характерными особенностями этой истории являются:

- полное истребление автохтонного населения;
- длительный и массовый импорт рабов, обусловленный потребностями крупного плантационного хозяйства;
- столкновение на начальном этапе формирования населения европейских и африканских культурных черт, к которым позже добавилась азиатская составляющая;
- сосуществование в рамках одного общества населения с контрастно отличающимся фенотипом, что привело к расиализации социальных практик (предрассудки, связанные с цветом кожи);
- возникновение нового языка общения – креольского – на основе преимущественно французской лексики (см. Benoist, Bonnniol, 1997:161).

В этой истории выделяются несколько этапов, каждому из которых присущи те или иные тенденции в движении населения.

1635–1654: поселенческая колонизация

Начало французской колонизации острова датируется 1635 годом. Именно тогда французские мореплаватели и торговцы Дюплесси и де Лолив подписали с созданной кардиналом Ришелье Компанией островов Америки соглашение, в соответствии с которым они принимали на себя обязательство переселить на Гваделупу четыре тысячи католиков (Bangou, 1974:9). 28 июня 1635 года на острове высадились первые колонисты: «четыре миссионера, 150 «контрактников» и небольшое количество сопровождавших их семей, оплативших свой вояж самостоятельно» (Chevalier, 1963: 137). То были в основном

* Филиппов Василий Рудольфович – доктор исторических наук, заведующий сектором этнической регионалистики Центра цивилизованных и региональных исследований Института Африки РАН (г. Москва). Филиппова Елена Ивановна – доктор исторических наук, научный сотрудник института этнологии и антропологии РАН (г. Москва).

выходцы из западных и северо-западных провинций Франции: Анжу, Пуату, Иль-де-Франс, моряки из Бретани и Нормандии, а также парижская беднота, искавшая лучшей доли за океаном. Колонисты заключали трехлетний контракт, предусматривавший оплату их переезда на остров, проживания и питания, и попадали в полную кабалу. Католический священник Р. Лаба характеризовал их положение как «самое ужасное и мучительное рабство» (цит. по: Chauleau, 1973:87). Уехать с острова можно было только с разрешения губернатора, получить таковое было чрезвычайно трудно. По окончании срока «36-месячники», как называли контрактников, имели право приобрести участок земли и пополнить ряды мелких собственников. Поскольку добровольных переселенцев не хватало, с 1665 года было разрешено высылать на Антильские острова бродяг и каторжников, а после отмены в 1685 году Нантского эдикта - протестантов. Отправляли туда также мальчиков-сирот с 14-летнего возраста. На первых порах среди поселенцев абсолютно преобладали мужчины, что предопределило их связи и даже браки сначала с туземками, а затем и с принявшими христианство африканками. Численность женщин-француженок была так мала, что увеличивать ее пришлось за счет желающих из числа девушек легкого поведения, которых собирали по больницам и злачным местам (Du Tertre, 1935:228; Leiris, 1955:18).

Колонисты занялись сельским хозяйством, сначала в основном удовлетворявшим нужды собственного пропитания. Постепенно стали производиться и культуры коммерческого назначения: хлопок, индиго, кофе, табак. Сельскохозяйственные приемы и техники, адаптированные к местным условиям, были переняты у карибов, численность которых на острове к началу французской колонизации составляла 25 тыс. человек и которые подверглись безжалостному истреблению, поскольку новым поселенцам были нужны их земли. Карательные экспедиции методично, одно за другим, уничтожали селения непокорных карибов. После пятилетней войны последние вынуждены были в 1640 году согласиться на прекращение военных действий. Позже французские власти планомерно выдвигали с Гваделупы остатки индейского населения на соседние малые острова — Ле-Сент, Мари-Галант, Дезираду, а позже и на Доминику. Как свидетельствовал французский географ Ф. Баррей: «не минул срок одного поколения с тех пор, как на острове появились европейцы, но туземцев на острове не осталось вовсе» (Barrey, 1917:214). В последний раз на Гваделупе они были зафиксированы переписью 1730 года: 28 «свободных дикарей» мужского пола, 25 «свободных дикарей» женского пола и 23 «ребенка-дикаря» (Chevalier, 1963: 137). Ж. Фаллоп указывает на обстоятельства, предопределившие более радикальное истребление

индейцев на Антильских островах, чем на американском континенте, куда европейцы проникли позднее: это ограниченность пространства, оставлявшего немного мест для укрытия от завоевателей, и слабая внутренняя социально-экономическая организация разрозненных индейских племен, затруднявшая их сопротивление (Fallope, 1992:37).

В результате первого этапа колонизации к 1656 году численность «белого» населения Гваделупы достигла 12000 человек, тогда как рабов-африканцев было всего 3000 (Breton, 1978:58). Но очень скоро это соотношение коренным образом изменилось. Несмотря на то, что набор контрактников продолжался до 1774 года (к этому моменту длительность контракта уже была сокращена с 36 до 18 месяцев), а приток белых колонистов не прекращался до середины XVIII века, уже с конца XVII века численность темнокожего населения превысила численность «белых» и в дальнейшем продолжала расти сильно опережающими темпами (Leiris, 1955 :17).

1654-1848: два века работорговли

Во второй половине XVII века начинается бурное развитие сахарных плантаций, чему способствует переселение на остров части голландских евреев, изгнанных в 1654 году из Бразилии и знакомых с технологией производства сахара (Fallope, 1992:39). С развитием плантационного хозяйства количество «белых» колонистов быстро сокращается: к 1664 году их оставалось не более 5000, а к 1671 — чуть более трех тысяч человек (Chevalier, 1963:137).

Одновременно начинает действовать трансатлантический «треугольник работорговли», поскольку сахарный бум потребовал большого числа дешевых рабочих рук. С 1654 года Компания Антильских островов начинает массово завозить на Гваделупу темнокожих рабов с Черного континента. Рабов закупали у местных торговцев людьми по всему африканскому побережью от Сенегала до Анголы. Для удобства управления и учета плантаторы классифицировали рабов по географическому или племенному происхождению. Сконструированные ими категории фигурируют в документах, относящихся к этому периоду, под именем «наций». Так, на основе анализа нотариальных актов XVIII века Н. Ванони-Фриш (Vanony-Firsh, 1982:45) выделяет следующие регионы происхождения рабов и относимые к ним «нации»: Сенегамбия, куда относились три «нации» - сенегал, мандинка (малинке) и бамбара; Гвинея — Сьерра-Леоне с «нациями» сусу и тимбу; Либерия — Кот д'Ивуар с «нациями» анья, каплау и кваку; Бенинский залив с «нациями» аллада, йоруба, денди, ана, шамба и манга; Биафрская бухта, к которой отнесены «нации» игбо, ибибио, моко и боки; Центральная Африка с «нациями» конго и самба, а также

не дифференцируемые по происхождению группы «негры Гвинеи», «негры побережья» и «красные негры Гвинеи». В 1162 из 1836 нотариальных актов периода 1770–1789 годов, проанализированных исследователем, речь идет о «неграх Гвинеи»; в остальных 674 упоминаются 23 «нации», в порядке убывания: игбо (37%), конго (13%), аллада (10%), сусу (8%) и каплау (7%). Эти данные позволяют сделать вывод о том, что в Гваделупу попадали рабы из разных частей Африки, но чаще всего это было население Бенинского залива, бухты Биатра и Центральной Африки.

Анализ выделенных категорий указывает на отсутствие единого основания классификации: в этом качестве выступают в одних случаях языки, в других — названия народов, в третьих — регионы, откуда отправлялись невольничьи корабли. Так, под именем *игбо* часто фигурировали также рабы, доставленные из так называемого «среднего пояса» Нигерии через территории, населенные племенами игбо и проданные в портах юго-восточного побережья этой страны. Подобным же образом наименованием *конго* обозначались все рабы, вывезенные с побережья Камеруна, Габона, испанской Гвинеи, собственно Конго и Анголы. *Аллада* назывались рабы, говорившие на родственных языках, но имевшие разное географическое происхождение: Гана, Того, Бенин... (см. Fallope, 1992:169–170). Несмотря на искусственность созданных категорий, плантаторы наделяли придуманные ими «нации» общими характеристиками, от внешнего облика до черт характера: выносливости, трудолюбия, склонности к неповиновению. Так, считалось, например, что *конго* очень жизнерадостны, любят петь и танцевать, их присутствие благотворно сказывается на настроении других рабов; *йоруба* и *хауса* считались хорошими работниками, но всегда готовыми к бунту. Такие стереотипы способствовали формированию иерархии рабов разного происхождения: некоторые из них ценились выше, чем остальные. Следует отметить, что сами рабы зачастую относили себя к совсем иным категориям, абсолютно не известным плантаторам.

Важно подчеркнуть, что прибывавшие на Гваделупу рабы происходили из африканских обществ с разными политическими и социальными системами: от сельских общин до государств с развитой иерархической структурой. К тому же сам механизм порабощения, основанный на войнах, набегах, похищениях людей, приводил к тому, что среди пленников оказывались люди самого разного социального положения: торговцы, земледельцы, воины, местная знать, служители культа, колдуны (Fallope, 1992:171).

Результатом работорговли стал стремительный рост численности темнокожего населения Гваделупы: 3000 человек в 1656 году, 4276 — в 1670, 45653 — в

1754, 80000 — в 1770. Однако было бы непростительным упрощением представлять себе население Гваделупы периода работорговли как состоящее из «белых» и «черных». Во-первых, обе эти категории были внутренне неоднородны и иерархически структурированы, и во-вторых, между ними с самого начала не было непреодолимой границы.

Плантация — плавильный котел нового креольского общества

«Ступив на борт невольничьего корабля, будущий раб навеки оставлял на берегу африканскую культуру, в лоне которой он существовал до сих пор, поскольку ему не суждено было вновь оказаться в привычной экономической, экологической и социальной среде. Могли сохраниться лишь отдельные нематериальные элементы этой культуры, за которые цеплялась индивидуальная и коллективная память: жесты, ритмы, верования, представления и ценности, — пишет Ж. Бенуа и Ж.Л. Боньоль. — Эти «защепки», пусть даже бессвязные и противоречивые, позволили выстроить некое культурное сооружение (речь идет о креольской культуре — авт.), отдельные части которого были общими для всех. Это способствовало разрыву связи между культурами и группами людей, а следовательно — разрыву «этнических» связей» (Benoist, Bonniol, 1997:163).

Прибыв на новое место жительства, индивид оказывался вырванным из системы социальных связей — семьи, рода, племени — которые прежде формировали его идентичность. Он утрачивал привычные социальные роли и общественный статус. Из таких «атомизированных» индивидов и формировалось креольское общество. Вновь прибывших рабов распределяли по хозяйствам таким образом, чтобы избежать скопления относящихся к одной «нации» в одном месте, тем самым довершая процесс «деэтнизации». За этим процессом следовала реинтеграция, завершавшая превращение африканцев в креолов. Ее составляющими были обязательное овладение креольским языком, крещение и наречение христианским именем (Fallope, 1992: 172–173, 178).

Метисация населения острова началась буквально с первых лет колонизации и массового завоза на Антильские острова африканцев. Этому способствовала, прежде всего, нехватка «белых» женщин, о которой уже шла речь выше. Внебрачные отношения и даже браки с африканками поначалу не порицались в сообществе белых колонистов. Рожденный от такого союза ребенок получал личную свободу, пополняя ряды «свободных цветных». Таким образом, с самого начала, вопреки строгим рабовладельческим порядкам, существовали каналы вертикальной социальной мобильности. Они предполагали две стратегии: «осветление» кожи с помощью метисации и культурную

ассимиляцию, поскольку ценностно-культурный универсум на острове определялся европейскими нормами (см. Venoist, Bonniol, 1997).

По понятным причинам такое положение вещей не устраивало латифундистов-рабовладельцев: сокращение численности зависимого населения болезненно сказывалось на рентабельности сахарных и табачных плантаций. Это и стало причиной принятия в 1685 году Черного кодекса, согласно которому дети от смешанных браков наследовали статус матери-рабыни, а не белого свободного колониста — за исключением тех случаев, когда последний вступал в официальный брак, тем самым делая свободным не только ребенка, но и его мать. В 1714 году был принят закон, который предписывал лишать дворянского титула всякого, кто осмелится вступить в связь с темнокожей рабыней, а в 1778 был издан указ, запрещающий все браки между белыми и цветными, а также признающий недействительными браки, не освященные католической церковью (Martin, 1948:27; Leiris, 1955 :18).

Накануне революции 1789 года, пишет Мишель Лейрис (Leiris, 1955 :19-20), население Гваделупы делилось на несколько категорий, ни одна из которых не определялась исключительно цветом кожи. Так, среди «белого» населения особняком стояли чиновники высокого ранга, представлявшие на острове королевскую власть и противостоявшие «жителям», т. е. уроженцам или постоянно проживающим на острове «белым». Последние, в свою очередь, делились на «гран блан» (*grands Blancs*) — дворян и крупную буржуазию, сосредоточивших в своих руках значительные земельные владения и торговлю и превратившихся в закрытую касту, ревностно охраняющую свои привилегии, и «пти блан» (*petits Blancs*) — мелких землевладельцев и торговцев, бывших контрактников, не сумевших сколотить состояние и работающих по найму, ремесленников, портовых служащих и т. п. «Цветное» население, в свою очередь, подразделялось на рабов и «свободных цветных», а последняя категория — на получивших свободу темнокожих рабов или их потомков и людей «смешанной крови» (*sang mele*). Эта категория росла очень быстро, и к середине XVIII века «свободных цветных» было на Гваделупе почти столько же, сколько «белых». В 1766 г. был ограничен доступ «свободных цветных» к целому ряду профессий, в результате чего по своему экономическому положению они оказались на одном уровне с «пти блан».

Категория рабов также не была вполне гомогенной ни в расовом, ни в социальном отношении. Наряду с темнокожими африканцами и их потомками среди рабов были и метисы, рожденные от матери-рабыни и не получившие освобождения. В социальном отношении различались рабы, родившиеся в

Африке, и рабы-креолы, родившиеся в колонии; рабы, обладавшие тем или иным «талантом» и выполнявшие более квалифицированную работу, чем остальные. Наконец, особую категорию составляли беглые рабы (среди которых также были не только темнокожие, но и метисы), скрывавшиеся в труднодоступных мангровых зарослях в центральной гористой части острова, где они жили вне общества и вне закона. В их общинах-поселениях были особенно живучи африканские культурные черты: полигамия, колдовство; здесь бытовали и африканские диалекты (Fallope, 1992:210).

Революционные потрясения и первое освобождение рабов

Французская революция 1789 года стала причиной великих потрясений в маленьком мире далекой колонии. В 1791-1792 годах против аристократов-латифундистов восстали не только рабы, но и многие свободные граждане Французской Республики во всех ее владениях в Западном полушарии. Лишенные поддержки метрополии рабовладельцы были обречены на поражение: в 1794 году рабство на островах было отменено, а торговля людьми запрещена. Рабовладельцы не пожелали смириться с утратой былого могущества и призвали на помощь британские войска, объявив о своей готовности присягнуть английской короне. Стремясь извлечь выгоду из ослабления французского государства, явившегося следствием революционных потрясений, Британия захватила Гваделупу в 1794 году и удерживала остров с 21 апреля по 2 июня. В июне к берегам Гваделупы подошли фрегаты «Копье» и «Надежда», доставившие на остров экспедиционный корпус комиссара Конвента Виктора Юга. Французов было не многим более тысячи человек, но они привезли с собой декрет Конвента об отмене рабства, и 90 тыс. рабов перешли под их знамена. Боевые действия, продлившиеся до конца сентября, завершились капитуляцией армии английского генерала Грея. В. Юг отправил на гильотину около тысячи бывших рабовладельцев, остальным удалось бежать с острова.

Гваделупа фактически оставалась независимой республикой до 1802 года. На соседней Мартинике, где англичане продержались вплоть до прихода к власти Наполеона, они восстановили рабство, что стало причиной массового бегства темнокожих рабов на ставшую свободной Гваделупу. Напротив, белые плантаторы бежали с Гваделупы, в том числе и на Мартинику. 25 марта 1802 года Бонапарт подписал мир с Англией и направил на Антилы корабли. Командующий флотом генерал Ришпанс получил приказ восстановить рабовладение. В 1815 году работорговля во Франции и ее колониях была запрещена, но сохранялась «в небольших масштабах еще почти два десятилетия».

тилетия» (Кулакова, 1987:205). Лишь победа Французской революции 1848 года окончательно положила конец рабству на Антилах. Невольники получили личную свободу, французское гражданство и политические права. К этому моменту население Гваделупы составляло 129050 человек, среди которых было 9926 «белых», 87719 рабов и 31405 свободных цветных.

1848–1887 Новая контрактная система

После окончательной отмены рабства характер формирования населения Гваделупы изменился. Освобожденные рабы не желали продолжать работать на тех же плантациях. Получив право селиться на незанятых землях, выходцы из Африки предпочли возделывать свои поля и разводить скот в горных районах острова. Латифундисты, лишившиеся даровой рабочей силы, вынуждены были начать распродажу своих земель. Это изменило характер земельной собственности на острове. С одной стороны, происходила концентрация земли в руках самых богатых собственников, которые воспользовались ситуацией и скупали участки соседей за бесценок. С другой стороны, разорившиеся плантаторы вынуждены были распродавать свои земли мелкими участками, которые часто выкупали у них бывшие рабы, сами же они уходили с побережья, где возделывался тростник, во внутренние лесистые районы острова, превращаясь из землевладельцев в обычных земледельцев. Широкое распространение получили аренда земли и наемный труд. Этот кризис повлек за собой очередные изменения в расовом и социокультурном облике населения Гваделупы. Его источники стали более разнообразными, включая выходцев не только из Европы и Африки, но из Азии.

На первом этапе речь шла о привлечении поселенцев-европейцев: по инициативе Колониальной комиссии еще до окончательной отмены рабства, в 1845 г. был принят закон, предусматривающий выделение 120 000 франков на переселение рабочих-европейцев в колонию. Ставка делалась не столько на увеличение числа рабочих рук, сколько на более высокую квалификацию работников, которые, как ожидалось, должны были создать образцовые хозяйства. В 1849 и 1854 годах прибыли соответственно 218 и 300 работников из французской Аквитании, а также из Португалии и с принадлежащих ей островов: Зеленого Мыса, Мадейры и Азорских островов. Однако эта практика не получила широкого распространения, прежде всего из-за недовольства плантаторов, которым была нужна дешевая и нетребовательная рабочая сила.

На смену рабочим-европейцам пришли африканцы, в основном, из Конго, а также из Сьерра-Леоне, Либерии, Гвинеи Биссау, Кот д'Ивуара и Габона, кон-

тракт с которыми заключался на 10 лет. Всего было завезено около 6000 контрактников. Среди африканцев было больше, чем среди других мигрантов, женщин и детей, что облегчало их интеграцию и увеличивало вклад африканских женщин в общую рождаемость на острове (Fallore, 1992 :370, 376). В то же время, характерные черты внешности этих новых выходцев из Африки, получивших прозвище «конго», - очень темная кожа, жесткие, сильно курчавые волосы — делали из них нежелательных брачных партнеров для «старожильческого» африканского населения, среди которого к этому времени далеко зашел процесс метисации и которое, как уже говорилось, следовало стратегии «осветления» как необходимого, хоть и недостаточного условия для повышения своего социального статуса.

В 1854–1956 гг. была предпринята попытка насытить рынок труда на острове за счет переселенцев из Китая. Тогда в портовых городах Поднебесной были зафрахтованы около 400 китайцев. Однако эта попытка оказалась не очень успешной: отработав положенный срок, китайские рабочие по большей части предпочли вернуться на историческую родину. При этом незначительная миграция китайцев на остров продолжалась, видимо, и в дальнейшем. Всего с 1852 по 1877 годы на остров прибыли около полутора тыс. китайцев.

С 1852 года, когда были приняты два декрета, санкционирующих заключение контрактов с наемными рабочими за пределами французских владений, на остров начали завозить рабочих из Индии. Сначала это были выходцы из французских владений — Пондишери, Карайкала и Янаона, а после 1861 года, когда был подписан франко-британский договор, разрешавший французам вербовать работников на британских территориях, — преимущественно из английской ее части. В социальном отношении это были в основном представители низших каст. В общей сложности за четыре десятилетия на остров были завезены, по разным данным, около 45 тыс. индийцев (Revert, 1949:61; Fallore, 1992:370; Calmont et al., 2008). Некоторые из них по истечении срока контракта вернулись на родину, большая же часть (примерно 36000 человек) осталась (Lasserre, 1961:308). Индийские переселенцы большей частью были ассимилированы, но в местах компактного проживания и поныне сохраняют некоторые особенности своего особого социокультурного облика.

С 80-х гг. XIX в. контрактная система перестает действовать. В это время на острове появляются первые переселенцы с Ближнего Востока — из Палестины, Сирии и Ливана. Эти мигранты направляются в города, где занимаются коммерцией: «сириец составляет неотъемлемую часть городского пейзажа на Гва-

делупе. Он специализируется на торговле то как владец большого магазина в Пуэнт-а-Питре или Басс-Терре, то как простой лавочник или даже разносчик, разворачивающий свой товар в дни полочки прямо под открытым небом, возле касс, где сельскохозяйственные рабочие с плантаций получают свое жалование», - писал Ги Лассер (Lasserre, 1961 :321).

Новая расово-сословная иерархия, сформировавшаяся к концу XIX – началу XX века, выглядела следующим образом. На верхушке социальной пирамиды – белые креолы-плантаторы (*гран-блан*), а также богатые иммигранты из метрополии – владельцы сахарных заводов. Следующую ступеньку занимали присланные на службу чиновники (*блан де Франс*). Еще ниже их по статусу – средние землевладельцы, и замыкали группу белых мелкие землевладельцы, наемные рабочие, бедняки (*пти-блан*). В этот же период из этой последней группы выделилась замкнутая община *блан-матиньон* (получившая свое название по фамилии одной из входящих в нее семей), чьи поселки и сегодня затеряны в изрезанной глубокими оврагами низине Больших глубин. По своему имущественному положению и условиям жизни они мало отличались от темнокожих. Но именно эти беднейшие белые столь же упорно избегали браков с темнокожими и «цветными», как и находящиеся на вершине социальной лестницы *гран блан*, что привело к длительной эндогамии и заметному вырождению этой небольшой по численности группы. На границе класса белых находились немногочисленные, но играющие заметную роль представители «торговых меньшинств», которых остальное население воспринимало как недифференцированную группу, обозначаемую общим именем: сначала их называли «итальянцами», потом – «сирийцами» и, наконец, «арабами». Однако сами эти меньшинства никогда не идентифицировали себя с навязанными извне наименованиями и существовали как не смешивающиеся между собой общины. «Выходцы из разных стран, исповедующие разные религии [католики, православные, марониты, мусульмане – авт.], эти люди имеют мало общего, чтобы у них могла сформироваться сильная коллективная идентичность» (Calmont et al., 2008:79).

Ниже – класс «цветных», внутри которого произошло разделение на две категории: бывшие «свободные цветные» и бывшие невольники, освобожденные в результате отмены рабства. Замыкал социальную иерархию класс темнокожих, еще более неоднородный по своему составу. Помимо деления, по аналогии с «цветными», на бывших свободных и бывших рабов, среди темнокожих особняком стояли иммигранты с соседних островов (Мартиники, Гаити...) и иммигранты-африканцы. И наконец, самую

низшую страту составляли иммигранты из Индии, занявшие место бывших рабов.

В количественном отношении на протяжении второй половины XIX века абсолютная численность всех групп населения увеличивалась, хотя и разными темпами, а вот их процентное соотношение менялось разнонаправленно: доля «белого» и «цветного» населения сокращалась, а темнокожего – росла. Эта тенденция сохранялась и в веке XX.

Таблица 1.

Расовый состав населения Гваделупы (1848-1905)

	1848	%	1905	%
Белые	9926	7,69	10000	5,31
Цветные	31400	24,33	35000	18,61
Темнокожие	87719	67,97	130000	69,14
Индийцы			13700	7,28
Всего	129045		188000	

Источники: Lasserre, 1961:297, Singaravelou, 1975 :90

Современные миграции: усложнение миграционных траекторий

Новые тенденции в формировании населения Гваделупы связаны с обретением ею в 1946 г. статуса заморского департамента Франции. Вслед за этим на острове начинают формироваться административные структуры по образцу метрополии, что сопровождается массовым прибытием чиновников, полицейских, учителей – каждый госслужащий может отныне получить назначение во вновь созданный департамент, а многие сами ищут такой возможности, привлекаясь надбавкой к зарплате или тропическим климатом. Частные предприятия, крупные торговые центры, банки приглашают на работу специалистов. Эти новые мигранты получают название «метро», от слова «метрополия», которым противопоставляются «блан пэй» (*Blancs pays*) – «местные белые». Социальный статус вновь прибывших достаточно высок, но все же ниже, чем у местных белых: «метро» рассматриваются как временные жители, влияние которых на общественную жизнь острова ограничено. Жители метрополии едут на Антильские острова и на собственный страх и риск, открывая более или менее мелкий бизнес в сфере торговли и услуг, ориентированных на туристов (комнаты для гостей, небольшие отели и пансионаты, сувенирные лавки, станции проката и обслуживания автомобилей и т.п.).

В свою очередь, молодое и быстро растущее население заморских территорий, не находя работы на родине, потянулось в метрополию. С 1961 г. на протяжении 30 лет действовали специальные правительственные программы, организующие эту миграцию. В результате к началу 2000-х годов каждый четвер-

тый родившийся на Антильских островах, а среди 30-40-летних - почти половина, постоянно проживали в метрополии (Marie, 2002), что породило метафору о «третьем острове» - Иль де Франс, где обосновалось большинство из них. Процесс переселения начал замедляться с 1990-х годов с ростом безработицы и общим ухудшением экономической ситуации. В последние годы наблюдается возвратная миграция — как переселенцев со стажем, доработавших до пенсии и возвращающихся на покой в родные места, так и недавних мигрантов, особенно часто — молодых специалистов с дипломами, не сумевших найти работу и устроиться в метрополии.

Свидетельством того, что за прошедшие полвека заморские департаменты, и в их числе Гваделупа, заметно интегрировались в общенациональное пространство, служит их вовлеченность в миграционные процессы, общие для страны. Речь идет, во-первых, о растущей миграции на остров жителей метрополии и других стран Евросоюза; во-вторых, об интенсификации миграционного обмена между самими заморскими департаментами; в-третьих, о внешней трудовой миграции — в первую очередь, с соседних островов (прежде всего Гаити), а в последние два-три десятилетия и из африканских стран, причем теперь отсюда приезжают преимущественно образованные и квалифицированные мигранты, в частности — врачи и медицинский персонал. Правда, есть данные о том, что большинство африканцев прибывает не непосредственно с черного континента, а через Францию, где они получали образование и встретили будущего супруга или супругу — уроженца Гваделупы (Calmont et al., 2008).

Напротив, гаитяне, среди которых преобладают выходцы из сельской местности, в большинстве своем без всякого образования, пополняют ряды неквалифицированной и низкооплачиваемой рабочей силы, часто страдают от дискриминации и открытого расизма со стороны местного (в абсолютном большинстве - темнокожего) населения. Это обстоятельство, как и антирасистские выступления местных интеллектуалов, а также невысокая популярность идей негритюда на Гваделупе, лишний раз подтверждает социальную, а не биологическую природу расизма. «Расовая солидарность» не срабаты-

вает, когда социальные различия слишком заметны, а конкуренция за ресурсы высока. Гаитянам не могут простить их готовность работать за мизерную плату, а иногда и открытое штрейкбрехерство (работодатели регулярно привлекают работников с Гаити, когда местные профсоюзы, традиционно активные и сплоченные, организуют массовые забастовки). Но им не могут простить и другое: их выбор в пользу государственной независимости. Мы нередко слышали от гваделупцев такие рассуждения: «они хотели независимости — они ее получили. Что же они теперь едут к нам?». Это негативное восприятие гаитян, основанное на обыденных стереотипах и клише, существенно затрудняет их интеграцию. «Те из них, кто после учебы или работы в метрополии переезжают на Гваделупу, чтобы быть поближе к Гаити и оказаться в условиях, напоминающих их родину, бывают неприятно удивлены тем, что к ним здесь относятся хуже, чем во Франции, где их воспринимали просто как иностранцев» (Calmont et al., 2008:102). Тем не менее, есть все основания полагать, что не имеющая тенденции к улучшению ситуация на Гаити будет и дальше выталкивать излишек населения, которое, в силу ограниченности финансовых ресурсов и социального капитала, по-прежнему будет ориентировано на ближайшие острова Карибского моря. А это значит, что численность гаитянской общины на Гваделупе, и без того наиболее многочисленной среди мигрантских меньшинств, будет продолжать расти.

Сегодняшняя иерархическая структура населения Гваделупы по-прежнему определяется сложным комплексом факторов, среди которых социально-экономический статус, фенотипические признаки (именно внешний облик, а не «происхождение», как в США) и глубина «укорененности» на острове. Так, согласно расхожей поговорке, «богатый негр является мулатом, а бедный мулат — негром». Внутри категорий «белых» и «черных» креолы — местные уроженцы имеют более высокий статус, чем недавние мигранты. Светлая кожа и гладкие волосы остаются не только эталоном красоты, но и «пропуском» в более высокие социальные сферы. Наконец, гаитяне заняли низшую ступень социальной пирамиды, позволив тем самым индийцам подняться на один уровень выше.

Литература:

Кулакова Н.Н. Французская Вест-Индия // Африканцы в странах Америки. Негритянский компонент в формировании наций западного полушария. М., 1987.

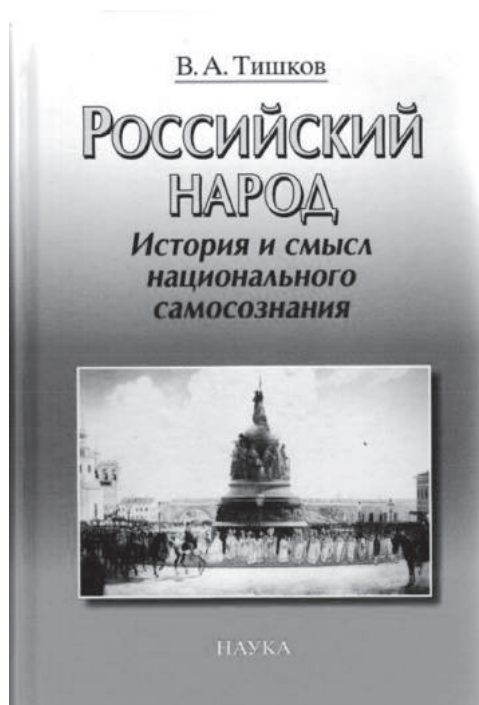
Bangou H. *La Guadeloupe 1492-1848 ou l'histoire de la colonisation de l'île liée à l'esclavage noir de ses débuts à sa disparition*. Paris, 1962.

Bangou H. « Groupements humains et institutions à la Guadeloupe ». *Bulletin de la Société d'histoire de la Guadeloupe*. № 22. Bass-Terre, 1974.

Barrey P. *Memoires et documents pour servir à la histoire du commerce et le l'industrie en France*. V. 1. Paris, 1917.

- Benoist J., Bonniol J.-L. «La diversité dans l'unité : la gestion pragmatique du pluralisme dans les sociétés créoles». In : Abou, S. et Haddad K., *La diversité linguistique et culturelle et les enjeux du développement*, pp 161-172. Beyrouth : Université St Joseph et Montréal, AUPELF, 1997, 413 pp.
- Pere R. Breton. *Relation de l'île de la Guadeloupe*. Société d'histoire de la Guadeloupe, 1978. Т. 1.
- Calmont et al., 2008 - Calmont A., Daniel J., Destouches D., Dubost I., Giraud M., Milia M. *Histoire et mémoire des immigrations en régions Martinique – Guadeloupe. Rapport final - mai 2008*
- Chauleau L. *Histoire Antillaise. La Martinique et la Guadeloupe du XVII à la fin du XIX siècle*. Paris, 1973.
- Chevalier L.. « Peuplement et population de la Guadeloupe ». *Population*, Année 1963, Volume 18, Numéro 1. p. 137 – 141
- Clerc E. « Chronologie du peuplement précolombien de la Guadeloupe ». Atlas des départements d'Outre-Mer. Т. III. La Guadeloupe. Paris, CNRS éditions, 1988
- Du Tertre R.P. *Histoire générale des Antilles habitées par les Français*. Т. 1. Paris, 1935. P. 228.
- Fallope, J. *Esclaves et citoyens. Les Noirs à la Guadeloupe au XIX siècle*. Basse-Terre, 1992. 713 p.
- Lasserre G. *La Guadeloupe, étude démographique*. Union française d'impression. Bordeaux, 1961.
- Leiris M., *Contacts de civilisations en Martinique et en Guadeloupe*. Paris: UNESCO-Gallimard, 1955, 192 pp. Collection Race et société.
- Marie C-V., Les Antillais en France : une nouvelle donne. *Homme et migration*; N° 1237 - Mai-juin 2002
- Martin G. *Histoire de l'esclavage dans les colonies françaises*. Paris, 1948. P. 27.
- Revert E. *La France d'Amérique*, Paris, Société d'éditions géographiques, maritimes et coloniales, 1949
- Singaravelou. Les Indiens de la Guadeloupe. Étude de géographie humaine. Doct. 3 cycle. Bordeaux III, 1974. Publ. Bordeaux, 1975.
- Vanony-Firsh N. Les esclaves de la Guadeloupe à la fin de l'Ancien Régime, d'après les sources notariales (1770-1789). Doct. 3 cycle. Paris 1. 1982

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ТИШКОВ В.А.
РОССИЙСКИЙ НАРОД: ИСТОРИЯ И СМЫСЛ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
 Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
 РАН. - М.: Наука. 2013.- 649 с.

В книге рассматриваются вопросы, имеющие фундаментальное значение для российских граждан и страны в целом: почему мы один народ-нация, как мы себя ощущаем и как нас воспринимает остальной мир.

*Н.И. Кондакова**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ. БУЯНТО САЙНЦАКОВИЧ САНЖИЕВ

Среди заметных, ярких фигур отечественных историков XX века правомерно назвать и вспомнить добрым словом видного для своего времени сына бурятского народа Санжиева Буянто Сайнцаковича, ветерана Великой Отечественной войны, доктора исторических наук, профессора, талантливого педагога, ученого и общественного деятеля, удостоенного ордена Трудового Красного Знамени, других государственных наград.

Б.С. Санжиев родился в 1912 году в Ноехонском сомоне Селенгинского района бывшей Бурят-Монгольской АССР (ныне - Иркутская область). С ранних лет он трудился в сельском хозяйстве. В 14 лет вступил в Комсомол. Успешно окончил педагогический техникум. Через несколько лет он стал первым ноехонцем, получившим московский диплом, Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина.

В январе 1940 года Буянто Сайнцакович Санжиев был утвержден Бурят-Монгольским обкомом ВКП(б) в должности заместителя директора научно-исследовательского института языка, литературы и истории. С началом Великой Отечественной войны, в июле 1941 года, он был мобилизован на фронт, где служил в качестве инструктора VII отдела Политуправления 17-й Армии. Далее, - рассказывает его дочь, Людмила Буянтоевна, - по приказу Военного совета Забайкальского фронта Б.С. Санжиев был демобилизован и направлен на политическую работу в Бурятию, затем в Иркутскую область, где был выдвинут секретарем Иркутского областного комитета ВКП(б).

По воспоминанию депутата Народного хурала Республики Бурятия С.П. Будажапова, Б.С. Санжиев ведал идеологической и агитационно-пропагандистской работой, занимался вопросами патриотического и интернационалистского воспитания, организацией сбора средств в Фонд обороны, на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи, всесторонним укреплением связи фронта и тыла. По этим и другим делам люди активно обращались к Б.С. Санжиеву, как к ветерану Великой Отечественной войны, «поноухавшему пороху» и около четырех лет проработавшему в чрезвычайном режиме в течение остальных четырех лет войны - в тылу. А это зна-

чит, без отпусков, с обязательными сверхурочными работами, без выходных дней (до 1943 года, когда постепенно трудящимся стали вновь предоставлять выходные дни и отпуска). В обком партии нередко писали фронтовики с просьбами о помощи их семьям, по другим вопросам. В первую очередь он помогал остро нуждающимся, особенно семьям фронтовиков.

Для последнего года Великой Отечественной войны и послевоенных лет были характерны обращения демобилизованных военнослужащих за советом и помощью в трудоустройстве. Помогал, как мог. Людмила Буянтоевна отмечает постоянный благожелательный настрой отца к людям... К тому же руководящая должность Б.С. Санжиева позволяла ему помогать просителям, коллегам, землякам и другим людям, когда они обращались к нему за советом, помощью или за содействием. «Из сохранившейся в архивах переписки отца, - продолжает его дочь, - было видно, что к нему обращались по самым различным вопросам. Папа всегда находился в гуще народа, - вспоминает Людмила Буянтоевна (тоже верная исторической науке), хорошо разбирался в людях, которых привлекал своей отзывчивостью, чуткостью и доступностью.

Своим примером, активной гражданской позицией Б.С. Санжиев открывал жизненные горизонты многим способным людям, в частности, тем, чей интеллектуальный потенциал был ему известен. Например, он помог талантливому Даши Батуевичу Улумжиеву. В 1948 году Улумжиев окончил (заочно) Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), вырос в видного ученого и общественного деятеля Восточной Сибири. Вспоминая о ранней юности, Улумжиев говорил, что встречи с Б.С. Санжиевым произвели на него глубокое впечатление. А способность Даши Улумжиева к учебе, упорство и настойчивость привели его в Ленинградский государственный университет, на известный своими традициями восточный факультет. Этот вовремя замеченный внимательным Б.С. Санжиевым способный бурятский паренек по итогам учебы в Ленинградском государственном университете получил диплом с отличием. Вернулся он на малую родину, в Бурятию, став в свое время самым молодым в этой республике доктором исторических

* Кондакова Нина Ивановна - доктор исторических наук, профессор, действительный член АВН (г. Москва).

наук и профессором. Даши Батуевич Улумжиев внес достойный вклад в советское монголоведение. (С. 85).

Доминирующей для Б.С. Санжиева стала, особенно во второй половине жизни, любимая педагогическая и научно-исследовательская деятельность.

Как любой в те времена коммунист, Б.С. Санжиев был обязан в своих научных и методических трудах освещать опыт партии в укреплении дружбы народов, в упрочении социализма и в строительстве коммунизма, писать об авангардной роли коммунистов в развитии родной Сибири. Об этом свидетельствуют заголовки его книг и монографий: «В едином строю. Претворение в жизнь ленинских идей сближения наций в условиях Сибири». Иркутск, 1963 г., «Сближение наций в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма (по материалам Сибири). Улан-Удэ, 1966 г., «Ярослав Гашек - интернационалист». Улан-Удэ, 1986 г.; «Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство советской Бурятии в канун и годы Великой Отечественной войны. Странички воспоминаний: люди и события». Улан-Удэ, 1995 г.: и другие подобные произведения, содержавшие много новой информации, анализ и выводы.

Ограниченность издательской и полиграфической базы в Восточной Сибири того времени (и не только в ней) существенно затрудняла публикацию научных трудов, даже талантливых людей. Поэтому свои научные, нередко очень содержательные произведения, с оригинальными мыслями и выводами Буянто Сайнцакович излагал чаще всего не в книгах немногочисленных профильных издательств Союза ССР, а в десятках и сотнях статей в периодической печати: газетах «Бурят унэн», «Правда Бурятии», «Знамя Ленина», «Сибирская правда», «Тувинская правда», «Восточно-Сибирская правда» (по этим заголовкам газет видно, что разнообразием названий партийные и советские газеты не отличались).

Б.С. Санжиев вырастает в крупного ученого. Круг его научных интересов был достаточно широк. Но общаясь с ним, глядя в список научных публикаций профессора, можно увидеть последовательного разработчика одной из важнейших в Советском Союзе (и острейших до настоящего времени) тем: межнациональные отношения и национальная политика Коммунистической партии и Советов.

Некоторые злопыхатели подозревали Б.С. Санжиева в национализме.

Но его коллеги, не только сибиряки, а и из других областей и республик, общавшиеся с ним, хорошо знавшие этого ученого, отвергали такие измышления. Так, профессор В.Л. Кургузов, доктор культурологии, действительный член Петровской академии наук и искусств, Заслуженный работник высшей шко-

лы Российской Федерации, русский человек делится с читателями доводами. «Возьму на себя смелость утверждать, - пишет он, - что Буянто Сайнцакович всегда оставался последовательным интернационалистом, сторонником сближения народов, особенно народов родной для него Сибири». Ученый В.Л. Кургузов резонно заметил, что для доказательства этого утверждения не обязательно искать и приводить цитаты из произведений Б. Санжиева.

Убедительнее, сильнее всего, по словам этого ученого, выглядит позиция Б.С. Санжиева в жарких аспирантских дискуссиях. На семинаре один из них, бурят по национальности, несколько раз упомянул в негативном контексте о процессе колонизации бурят «русскими правителями». «Никогда не забуду, - вспоминает В.Кургузов, - как оперативно среагировал на это Буянто Сайнцакович, - «А сколько бурят имеет высшее образование на тысячу человек населения? - спросил он аспиранта. Тот замешкался. Тогда профессор (Санжиев Б.С. - *авт.*) выдал ответ, который я помню до сих пор. Около 250, а у русских - 175 человек. Хороша колонизация! Где Вы видели колонизаторов неграмотнее колонизируемых? Я сам поступал в МГУ по направлению из Бурятии, а русские в это время шли по конкурсу. Лучшие сыны и дочери нашего народа получили высшее образование в центральных вузах страны, и этого я вам советую не забывать!». Какой ум, оперативность и какой российский гражданский патриотизм буряты, профессора Б.С. Санжиева!

Согласимся, читатель, что такой аргумент против обвинения народа в национализме безупречен, и его Санжиев мог привести только со своей патриотической и интернационалистской позиции.

Б.С. Санжиев опубликовал 12 монографий, 10 из которых переизданы в Японии, Монголии, Чехословакии.

Под его научным руководством было подготовлено и защищено 9 докторских и 48 кандидатских диссертаций. Только в руководимом им совете по защите диссертаций за 1977-1991 годы было защищено 16 докторских и 178 кандидатских диссертаций. Соискатели прибывали из Восточной Сибири, ряда других регионов СССР и из Монголии.

В XX веке (как и в наше время) ученые из глубинки считали большой удачей поездки в крупные города, особенно в Москву, Ленинград, Новосибирск для участия в научных конференциях, в публикации по итогам конференций своих научных докладов и сообщений. Но наши российские тысячекилометровые расстояния всегда было преодолевать нелегко, небезопасно и недешево. Поэтому в столице СССР Москве, других российских, а то и украинских городах, встречать сибиряков, дальневосточников, кавказцев, представителей любой окраины СССР было

законом нашей жизни. Встречали, размещали (за государственный счет) в гостиницах или студенческих общежитиях; наряду с научными заседаниями, устраивали для гостей встречи со студентами и аспирантами, с коллегами, походы в театры, на экскурсии, устраивали совместные чаепития.

Главный итог таких встреч – взаимное обогащение идеями, знаниями, информацией, профессиональным опытом. Этим укреплялась дружба народов, преданность своему общему Отечеству.

После одной из таких конференций мне (как ученому- профессору) довелось в 1980-х годах съездить, с ответным визитом, в частности, в Иркутск, выступить в ряде вузов, участвовать в научной дискуссии, консультировать ряд аспирантов (темы научных работ которых были близки мне). В конце пребывания сибирские коллеги организовали для москвичей автомобильную экскурсию на знаменитый Байкал. Одни из сопровождавших нас в этой встрече был профессор Буянто Сайнцакович Санжиев, авторитетный в сибирских краях ученый, высокообразованный и добрый человек. Встречи с учеными, молодежью и поездка на всемирно известное озеро обогатили наши знания и представления, оставили неизгладимое впечатление.

Один из учеников профессора Б. Санжиева, профессор В.В. Гришаев, много лет плодотворно трудившийся в Иркутском государственном университете, вспоминал о Б.С. Санжиеве как о человеке высокой культуры межличностного общения. «Это был мудрейший, высококомпетентный человек, тонкий дипломат; он мог разрулить любую конфликтную ситуацию...». Его глубокий ум, знания, эрудиция были широко востребованы не только в науке, а и на общественной работе. В течение длительного времени (1968-1988 годы) он плодотворно трудился заместителем председателя Иркутской областной организации общества «Знание», членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, а также членом правления Иркутского отделения Общества советско- чехословацкой дружбы и т.д.

Общественные науки, прежде всего, историческая наука в годы Советской власти по сути была в числе базовых в деле подготовки идеологических, политических, военных кадров. Однако во второй

половине 1980-х годов стало очевидным, что революционно-патриотический пафос идеологии создания социализма и коммунизма в СССР стал угасать. От осторожной критики ленинизма в общественных науках лавинообразно заняло место дегероизация созидательного труда народа, советского прошлого, особенно исторического периода 30-50-х годов XX века. Это ощущалось не только в российском центре, а и в Сибири, на Дальнем Востоке. Молодое поколение противопоставлялось старшему поколению (жили, работали, воевали-де - не так !). Был развален Советский Союз. Развернулась системная перестройка жизни СССР, Российской Федерации. С закатом советской эпохи совпал и закат жизни Буянто Сайнцаковича Санжиева.

В 2012 году, в день памяти славного земляка на его родине, в Селенгинском районе, у исторического валуна состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Б.С. Санжиева. Среди выступивших были заместитель председателя Народного Хурала Республики Бурятия Ц.Б. Батуев, депутат Народного Хурала Республики Бурятия, профессор С.П. Будажапов, Председатель Союза писателей Республики Бурятия, генерал-полковник казачьих войск дид-хамбо лама М.Р. Чойбонов, доктор исторических наук, профессор Л.В. Курас и другие выдающиеся и уважаемые люди. Памятные мероприятия, посвященные вековому юбилею Б.С. Санжиева, получили широкое освещение в прессе и на телевидении. Из представителей соседних регионов выступила с памятной речью депутат Верховного Хурала Республики Тыва, заведующий кафедрой отечественной истории Тывинского государственного университета, доктор исторических наук, профессор З.Ю. Доржу. Во вступительном обращении к читателям коллективной книги, написанной при участии Б. Санжиева, «Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство советской Бурятии в канун и годы Великой Отечественной войны. Странички воспоминаний. Люди и события» Зоя Доржу написала: «Эта книга переиздается в знак огромной благодарности своему учителю профессору Буянто Сайнцаковичу Санжиеву, сыгравшему большую роль в моей судьбе, в моем становлении как историка, общественного деятеля и политика».

Н.М. РОМАНОВА. ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ПЕТРОГРАДЕ И ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ (1917 – 1923 ГГ.) ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТРОГРАДСКОГО КОМИССАРИАТА ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Науч. ред. Т.М. Смирнова. СПб: Информационно - издательский центр Правительства Санкт-Петербурга «Петроцентр», 2013. 432 с.

В отечественной историографии национальной политики Союза ССР и Российской Федерации на протяжении многих десятилетий оставалась открытой тематика, связанная с практической деятельностью подразделений Наркомнаца РСФСР, созданных в автономных республиках и областях. В 1950–1970-х гг. появились первые публикации в научных журналах¹, защищены кандидатские диссертации². За редким исключением эти работы отличает узость в определении цели и задач исследования, скудость фактологического материала. Скованные догмами интернационалистской политики дружбы народов, ученые были лишены возможности проследить сложную диалектику межнациональных отношений; ограниченные в изучении фондов центральных государственных архивов, историки базировались в основном на изучении документов местных советских и партийных организаций, при том что засекреченные директивы приоритетного значения были недоступны.

И только теперь, в Новой России, открылись широкие возможности для изучения всего комплекса архивных документов, связанных с реализацией национальной политики, которую проводил Наркомнац РСФСР через своих представителей в районах с многонациональным составом населения.

В этой связи следует приветствовать выход в свет труда кандидата исторических наук Н.М. Романовой, посвятившей многие годы скрупулезному изучению широкого круга источников, чтобы воссоздать историю Петроградского Комиссариата по делам национальностей. Подавляющая часть документов введена ею в научный оборот впервые. Монография создана в результате изучения документов ГАРФ, ЦГА архива Санкт-Петербурга, ЦГА историко-партийных документов Санкт-Петербурга, публикаций печатных изданий.

Автор справедливо отмечает: история Наркомнаца и его отделов (комиссариатов в регионах) до настоящего времени остается одной из малоизученных

тем, что объясняется многообразием и сложностью решаемых задач, характером взаимоотношений Наркомнаца с партийными и государственными организациями по широкому спектру вопросов (с. 29). В значительной мере этим объясняется и необычная структура рецензируемой монографии, состоящая из десяти глав, приложения, с персоналиями.

Н.М. Романова ведет исследование по основным направлениям: структура Петроградского Комиссариата по делам национальностей (Комнац), его перманентные реорганизации, формирование кадрового корпуса; этносоциологическое изучение населения, проблемы беженцев, помощь незащищенным слоям населения; взаимодействие государственных учреждений с этнокультурными, в том числе еврейскими и мусульманскими обществами; этноконфессиональные аспекты деятельности Комнаца, особенности сотрудничества с мусульманской конфессией; культурно-просветительская и пропагандистская деятельность, включавшая издательскую деятельность, выпуск книг на национальных языках; участие в культурном строительстве, протекционистская деятельность Комнаца по сохранению культурного наследия народов России, созданию музеев, театров национальных меньшинств; участие в организации системы национального образования в условиях реформирования религиозных и негосударственных учебных заведений; роль Комнаца в становлении высших учебных заведений для национальных меньшинств – Петроградского Института Живых восточных языков, Петроградского Еврейского Народного университета.

Эти направления раскрываются на основе практической деятельности комиссариатов Комнаца: Армянского, Белорусского, Еврейского, Латышского, Украинского, Финского и Эстонского; Карельского, Общего (Губотнаца) и Юридического отделов. Характеризуя деятельность Комнаца, автор уделяет существенное внимание непосредственным исполнителям проектов и постановлений ведомства. В

процессе изложения, в персоналиях автор отмечает личные качества людей, их добросовестный труд в тяжелейших условиях экономического кризиса и общественно-политического хаоса, сопряженного с Гражданской войной и иностранной военной интервенцией.

И в этом — одно из достоинств рецензируемой монографии.

Н.М. Романова высоко оценивает деятельность Наркомнаца РСФСР и его Петербургского комиссариата. Она пишет: «Наркомату и его филиалам в регионах принадлежит историческая роль в осуществлении революционных идей о равноправии народов независимо от национальной и религиозной принадлежности, в претворении прав этнических сообществ на сохранение и развитие родного языка, культурных и бытовых традиций. В центре сложной иерархии исполнительных органов, в компетенции которых были вопросы национальной политики, находились государственные учреждения во главе с Наркомнацем» (с. 52).

Труд Н.М. Романовой заслуживает высокой оценки научной общественности и, несомненно, займет

достойное место в отечественной историографии. Вместе с тем рецензируемое издание не свободно от некоторых просчетов. Прекрасно оформленная и по цвету, и по графике обложка книги, предполагает наличие иллюстраций (фотографий зданий школ, театров, мечетей), но их нет. В книге упоминаются многочисленные имена ученых, партийных и государственных деятелей, занимавшихся проблемами Комнаца, и что особенно хорошо, даны краткие биографические справки, но опять же — без фотографических изображений!

Впрочем, эти замечания не снижают значения научного труда, созданного на основе обширного документального материала, выявленного в архивах и специальной литературе. Это — глубоко научное исследование на актуальную тему, дополняющее историографию оценкой важнейших аспектов этнической истории Российского государства и его национальной политики.

В.Г. Чеботарёва
д.и.н., профессор

Примечания:

¹ *Ланда Л.М.* Создание Народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР и его деятельность. 1918-1919гг. // Из истории Советского Узбекистана. Ташкент, 1956; *Левский А.А.* К вопросу о деятельности Белнацкома, 1918 г. // Труды Белорусской сельскохоз. академии. 1959. Т. XXVIII, вып. II; *Круталевиц В.А.* Организация и деятельность Белорусского национального комиссариата (1918-1919гг.). // История СССР, 1963, № 6; *Миллер В., Стумбина Э.* Комиссариат по латышским делам — проводник ленинской национальной политики. // Ученые записки Латвийского гос. университета. Труды кафедры Истории КПСС. Т. 50, вып. 1. Рига, 1963; *Павлов Н.П.* Образование и деятельность Удмуртского комиссариата. // История СССР, 1971, №6; *Зиманов С., Даулетова С., Исмагулов М.* Казахский отдел Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Алма-Ата, 1975 и др..

² *Алиханян С.Т.* Деятельность Комиссариата по армянским делам при Народном комиссариате по делам национальностей в 1917-1920 гг. Автореф. канд. ист. наук, Ереван, 1952; *Мистрис М.* Деятельность Комиссариата по латышским делам при Наркомнаце в 1918-1919 гг. Автореф. канд. ист. наук, Рига, 1971; *Усманова Н.Х.* Народный Комиссариат по делам национальностей Туркестанской АССР и его деятельность по интернациональному сплочиванию трудящихся (1918-1919 гг.). Автореф. канд. ист. наук. Ташкент, 1974.

АНТРОПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

М.Н. Губогло

Антропология повседневности.

М: Языки славянской культуры, 2013. – 752 с., ил.

Расширение исследовательского пространства, за счет поиска новых смыслов и значений, формирующихся на уровне повседневности, а также перенос центра внимания с исторических и социологических фактов на анализ поведения людей в повседневной жизни, приобретают все большую популярность и признание в различных отраслях современных гуманитарных наук. И, пожалуй, наибольшие перспективы развития в этом направлении исследований имеют история, этнология и антропология.

Классическая историческая наука, имеющая давно сложившийся методический инструментарий и оперирующая масштабными социальными категориями, имеет своей целью чаще всего обобщенный анализ исторических процессов. Но при таком подходе она не в состоянии в полной мере отобразить историческую реальность, представить ее так, как видят и ощущают ее сами современники исторических событий. В еще большей степени это характерно для социологии, объектом исследования в которой чаще всего становятся отдельные общности и условно определенные социальные слои.

Этнология, этносоциология и антропология, уже в силу самого своего предмета исследования, находятся гораздо ближе к человеку, к его бытовой культуре, к описанию и анализу образа жизни, хозяйственных и культурных изменений, которые происходят с отдельной этнической общностью и входящим в нее конкретным человеком. В процессе развития этносов формировалось уникальное культурное пространство, вырабатывались и функционировали сложные стандарты жизнедеятельности, определяющие повседневные реалии и мировоззренческие ценности, формировалась специфическая конфигурация взаимодействия общества и природного ландшафта. Все это и многое другое в своей совокупности является тем жизненным пространством, в котором функционирует и развивается каждый человек, его повседневной, бытовой культурой и образом жизни.

Конечно, индивидуальные рассказы, биографии и автобиографии, характеризующие личное отношение автора к окружающей действительности, не мо-

гут заменить историческое исследование. Изучение повседневности такой цели собственно и не преследует. Основной задачей этой новой, но активно развивающейся междисциплинарной отрасли, является дополнение описываемых исторических событий личными свидетельствами их современников, способных заострить внимание на тех процессах и явлениях повседневности, которые неизбежно ускользают от историка, стремящегося, опираясь на избирательный набор фактов, выстроить общую картину действительности и сделать абстрактные выводы. Изучение повседневности осуществляется в иной плоскости. Исследование повседневности носит во многом субъективный характер, но именно оно позволяет исследователю глубже проникнуть в суть исторических явлений, передать не только «букву истории», но и ее «дух», достигнуть эффекта реальности.

В новой работе М.Н. Губогло «Антропология повседневности» поиск и анализ повседневной жизни человека построен на описании опыта поведения конкретных лиц в различные периоды советской и российской истории. И здесь в полной мере отображается огромный жизненный опыт автора, его житейская мудрость и способность к анализу обыденных событий, свойственная большому ученому. При этом, авторитетный этносоциолог опирается на наработки и методологию этой науки, отмечая роль «Опросных листов» в изучении повседневности, расширении представления о ее творцах, носителях и участниках. Изучение в рамках этносоциологии показателей этнической идентичности, особенностей обыденной жизни представителей различных этнических общностей, позволило еще в «застойное» время, вопреки официальной идеологической доктрине, зафиксировать существование на бытовом уровне скрытой межэтнической напряженности.

Характеризуя повседневную жизнь и идентичность в системе этнологического знания, М.Н. Губогло указывает на роль повседневности в конструировании гражданской идентичности, как осознаваемой принадлежности к государству. Исповедуемое обществом нормы и ценности, способы и формы их

отображения в культуре и на бытовом уровне, играют важную роль в укреплении гражданской идентичности. Формирующееся в периоды трансформаций ощущение сопричастности к судьбе Отечества неизбежно отражается на интересах, мотивациях и стимулах поведения людей.

Первая часть «Антропологии повседневности» основана на личных воспоминаниях автора о послевоенном детстве. Серия очерков, представленных в этой части книги, посвящена описанию и изучению адаптационных процессов в иноэтнической среде, а также анализу процессов развития идентичностей, от этнической до гражданской и от тендерной до региональной.

Автобиографический метод в данном случае используется для осмысления взаимосвязей этнических и внеэтнических явлений и процессов. В частности, М.Н. Губогло, рассказывая о своем школьном детстве, пришедшемся на рубеж 1940-х -1950-х гг., анализирует процессы формирования у школьников нравственных и эстетических черт, чувства патриотизма. И хотя семья М.Н. Губогло оказалась в селе Тамакулье Каргапольского района Курганской области не по собственной воле, а в результате осуществления политики депортации, сам автор не выражает по этому поводу негативных чувств, а в свойственной себе манере, с иронией характеризует это время как «...восьмилетнюю «командировку» по включенному наблюдению над собственной адаптацией и приспособлением моих южных соплеменников - спецпереселенцев к суровой сибирской экологии, а вместе с тем и в интереснейшую инокультурную среду и в непривычную сферу колхозной жизни» (С. 51).

Опыт этносоциолога и яркие впечатления детства позволили автору уловить контуры формирования в непривычных условиях новой идентичности спецпереселенческого контингента, изменения его ментальное™ и форм жизнедеятельности. Оказавшимся в непривычных условиях существования, лишившимся всего своего имущества спецпереселенцам для выживания было необходимо прежде всего решить задачи своей физиологической, социально-экономической и психологической адаптации.

Автор стремится передать характерные для того периода принципы и институты соционормативной культуры, психологические и нравственные умонастроения, характерные для него самого и окружающего социума.

Воспоминания о поствоенном периоде позволяют М.Н. Губогло провести очень интересные параллели с другими сходными периодами в Отечественной истории, в частности, с завершением Отечественной войны 1812 г., вызвавшим небывалый подъем патриотических чувств и нравственных исканий в обществе. Сильные гражданские чувства, вызванные

Победой в Великой Отечественной войне, нашли свое выражение в обращении к духовным богатствам и ценностям культуры.

Очерки, вошедшие во вторую часть книги, посвящены друзьям и коллегам М.Н. Губогло, ученым, внесшим значительный вклад в осмысление повседневности, изучение этносоциальных процессов, процессов формирования идентичности, проблем адаптации.

Среди героев очерков - оренбуржец А.С. Рудь, ставший известным московским ученым-историком. Еще один историк, с которым свела М.Н. Губогло творческая судьба, - С.В. Кулешов, исследовавший доктринальные и правовые основы национальной политики в XX веке. С выдающимися этнографами Ю.И. Мкрutumяном и Ю.Б. Симченко автора связывали не только творческие интересы, но и крепкая дружба. Значительный вклад в развитие отечественной этнографии внесли известные ученые академик РАН Ю.В. Бромлей, член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев, член-корреспондент АН Республики Молдова В.С. Зеленчук, общественный деятель и ученый, стоявший у истоков этносоциологии В.Н. Шамшуров. С каждым из них М.Н. Губогло связывает совместная исследовательская, творческая и организационная деятельность.

В очерках, посвященных этим замечательным людям, рассматривается не только их научно-исследовательская деятельность, но прежде всего раскрываются их человеческие качества. И в каждом из очерков, посвященных своим друзьям и коллегам, М.Н. Губогло раскрывает частицу эпохи, в которую они жили и творили.

Поэтике и философии повседневной жизни посвящена третья часть книги, в которой М.Н. Губогло характеризует творчество основоположника гагаузской художественной литературы Д.И. Кара Чобана и ученого, поэта и общественного деятеля С.С. Курогло, которые оставили глубокий след в культурной жизни гагаузского народа в последней трети XX века, способствовали сохранению самобытной культуры и родного языка. Начало их творческой деятельности пришлось на пору расцвета деревенской и фронтовой литературы. Этот факт нашел отражение в творческом наследии поэтов. Для каждого из них характерно изобилие этнокультурных и этнопсихологических сюжетов, изображение перипетий повседневной жизни. Через свою поэзию, своим творческим даром они способствовали приобщению своих читателей к богатейшим ресурсам повседневной жизни гагаузского народа.

Заключительная часть книги посвящена анализу повседневности на основе современной живописи Гагаузии. Осмысление и изображение повседневности лежит в основе изобразительного искусства гага-

узских художников. Выбор основной тематики художественного творчества, связанной с изображением бытовых сцен, природы родного края, в конечном счете способствует укреплению национального самосознания и этнической идентичности гагаузов. Неслучайно поэтому то, что становление гагаузского изобразительного искусства совпало с началом движения гагаузского народа к созданию собственной государственности.

В приложении к книге представлены авторские работы гагаузских художников Дмитрия Айоглу, Михаила Арабаджи, Прасковьи Беженарь, Григория Дечева, Марии Димогло, Федора Дулогло, Андрея Иварляка, Дмитрия Савастина, Ольги Унгуриану, Петра Фазлы, Владимира Топала.

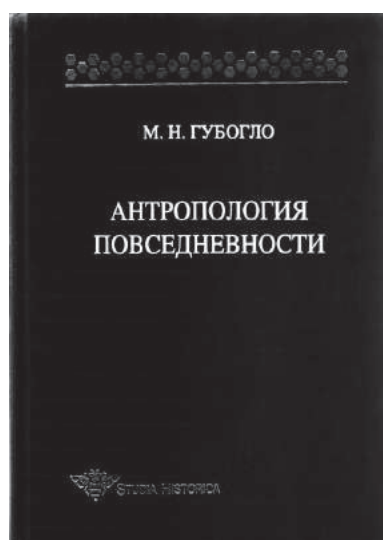
Несмотря на то что книга М.Н. Губогло представляет собой автобиографические очерки, среди ее источников немало произведений художественной литературы. Также автор обращается к такому интересному источнику, как дарственные надписи на книгах.

Изучение повседневной жизни дает широкий простор для деятельности исследователей. Соединение воедино воспоминаний и исследовательских проектов позволило М.Н. Губогло по-новому, ярко и образно представить ту историческую эпоху, свидетелем и непосредственным участником которой он был. Это и сложное послевоенное время, периоды «оттепели», «застоя» и «перестройки», современный период развития российской государственности и гражданской нации.

Для М.Н. Губогло возможность оценить исторические события и явления в проекции своего личного восприятия и судеб отдельных людей становится действенным способом объективного анализа исторической эпохи, предоставляет возможность для понимания и объяснения социальной реальности, а также для осуществления комплексной антропологической оценки общества.

*В.В. Амелин, д.и.н., профессор,
К.А. Моргунов, к.и.н.*

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ГУБОГЛО М. Н.
АНТРОПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.
М.: Языки славянской культуры. 2013. - 752 с.. ил.

Синтез воспоминаний («Путешествие в детство»), мемуарной литературы в исследовательских проектах, на основе которых написана «Антропология современности», дает новое видение ритмов, смыслов в строгой повседневной жизни. Будучи вынужденным свидетелем и непосредственным участником сурового послевоенного времени, периодов «оттепели» и «застоя», а также перестройки и маргинального постсоветского времени, автор отражает соответствующие исторические «образы времени, повседневную жизнь, ее креативные, творческие и бытовые аспекты.

В БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИКА, ЭТНОЛОГА, ПОЛИТОЛОГА

ДРОБИЖЕВА Л.М.
ЭТИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ОПЫТ 20 ЛЕТ.

М.: Новый хронограф, 2013. - 336 с. (Российское общество. Современные исследования).

На основе многолетних социологических исследований в республиках Российской Федерации и общероссийских опросов в книге показано как проявляла себя этничность в политических проектах» и институциональных формах, в практических взаимодействиях людей и в их установках и ориентациях.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ В ТАТАРСТАНЕ: ОПЫТ ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ.

СБ. СТАТЕЙ К ЮБИЛЕЮ Л.М. ДРОБИЖЕВОЙ

Казань: Институт истории им. Ш Марджани АН РТ. 2013. - 316 с. + 8 с. цн. вкл.

Сборник статей татарских ученых приурочен к юбилею Леокадии Михайловны Дробизевой.

В статьях представлены преимущественно результаты этносоциологических исследований, проведенных в Республике Татарстан. В них рассматриваются проблемы этнонациональной политики, межэтнических отношений, анализируются идентификационные процессы, ценностные ориентации и культурные потребности этнических групп.

ШНИРЕЛЬМАН В.А.
ХАЗАРСКИЙ МИФ: ИДЕОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАДИКАЛИЗМА В РОССИИ И ЕЕ ИСТОКИ

М.: Иерусалим: Мосты культуры, Тешарим, 2012. - 312 с.. ил.

В книге анализируются образы хазар и хазарского каганата, создававшиеся в России на протяжении 100-150 лет различными группами в разных социально-политических контекстах.

**Международная научно-практическая конференция
«Формирование и современное положение среднеазиатских
диаспор в России» (14 июня 2013 г., Оренбург)**

Участники конференции - руководители таджикской, узбекской, киргизской национальных организаций

Открывает конференцию вице-губернатор, заместитель председателя Правительства Оренбургской области Д.В. Кулагин (на фото слева)

В зале заседаний

Представители среднеазиатских диаспор

Доцент, к.и.н. Ю.П. Злобин, профессор Р.Р. Хисамудинова

Всероссийская научно-практическая конференция «Этнокультурное наследие народов Южного Урала: история, этнография, религиоведение» (27 сентября 2013 г., Оренбург)

Открытие конференции. Выступает вице-губернатор, заместитель председателя Правительства Оренбургской области Д.В. Кулагин (на фото первый слева)

Руководители национальных и религиозных организаций Оренбуржья

В зале заседаний

Молодые ученые из Республики Башкортостан

Доклад профессора В.В. Амелина (на фото справа)

**Всероссийская научно-практическая конференция
«Народы Кавказа в Уральском регионе», посвящённая
200-летию вхождения Дагестана в состав России
(24 октября 2013 г., Оренбург)**

Руководители оренбургских национальных организаций народов Кавказа

Приветственное слово Вице-губернатора - заместителя председателя Правительства Оренбургской области по внутренней политике О.Д. Димова

Выступление ст. научного сотрудника НИИ истории и этнографии Южного Урала ОГУ к.и.н. Д.Н. Денисова

**XVIII ЕЖЕГОДНЫЙ СЕМИНАР СЕТИ
ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА И
РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ
13 - 16 НОЯБРЯ 2012 Г.
МОСКВА - МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ**

Пленарное заседание

Зам. директора ИЭ и А РАН В.Ю. Зорин и директор департамента Минрегиона РФ А.В. Журавский

Открытие семинара. Руководитель и основатель Сети EAWARN академик РАН В.А. Тишков

Гости семинара. И.В. Журавлева - руководитель Департамента Росстата

Вручение медалей за участие во Всероссийской переписи населения 2010 г. профессорам А.В. Черных (Пермь) и О.А. Лиценбергер (Саратов)

**XVIII ЕЖЕГОДНЫЙ СЕМИНАР СЕТИ
ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА И
РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОНФЛИКТОВ
13 - 16 НОЯБРЯ 2012 Г.
МОСКВА - МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ**

ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА • ФОТОХРОНИКА

На очередной сессии

В перерыве на семинаре Ю.П. Шабаев (Сыктывкар), В.С. Воронцов (Ижевск), А.В. Мартыненко (Саранск)

Доклад В.В. Степанова, к.и.н. исполнительного директора Сети EAWARN (Москва)

Выступление эксперта из Республики Татарстан Р.Ю. Белякова

Эксперт из Казахстана И.С. Савин

Эксперт из Оренбурга, профессор В.В. Амелин

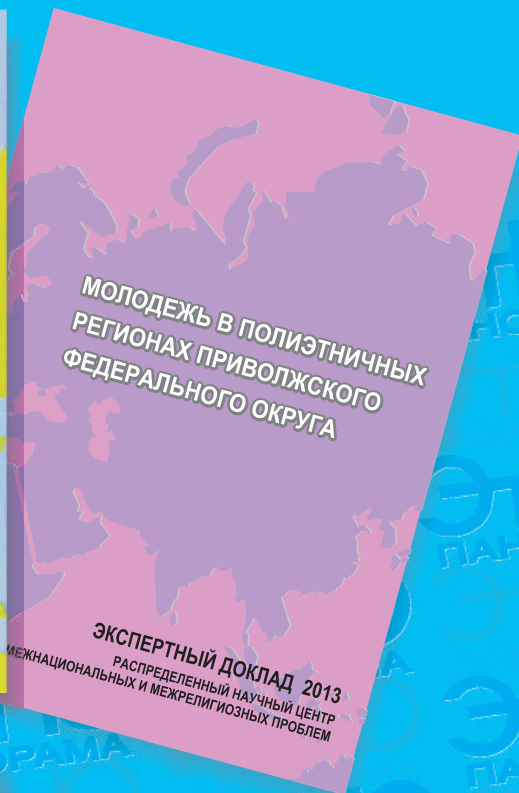

Сессию ведут О.Н. Подлесных и доктор социологии К.С. Мокин

Эксперт из Эстонии В.В. Полещук

РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОБЛЕМ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Амелин В. В., Денисов Д. Н., Моргунов К. А.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Оренбург 2013